СТАТЕЙНЫЙ СПИСОКЪ

СТОЛЬНИКА ВАСИЛІЯ ТЯПКИНА

и

ДЬЯКА НИКИТЫ ЗОТОВА,

ПОСОЛЬСТВА ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1680 ГОДУ,

ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНІЯ

Бакчисарайскаго договора.

ИЗДАНЪ СЪ ПОДЛИННИКА

хранящагося въ библіотекѣ

Князя Михаила Семеновича Воронцова.

Мурзакевича

ОДЕССА.

Въ Городской Типографіи.

1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса, 25-го Января 1850 года.

Цензоръ *Д. Синицынъ.*

Статейный списокъ (посольскій журналъ) посланниковъ: стольника Василія Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, отправленныхъ въ 1680 году Царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ въ Крымъ, къ Хану Муратъ-Гирею, содержитъ въ себѣ подробности относящіяся къ постановленію границъ, которыя въ 1681 году, 3-го Января, въ Бахчисараѣ были утверждены между Русскимъ Государствомъ и Крымскимъ Ханствомъ. Граница эта была: рѣка Днѣпръ, городъ Кіевъ съ принадлежащими къ нему городками Васильковымъ, Трипольемъ и Стайками.

Кромѣ подробностей о посольскихъ пере-

говорахъ, въ Статейномъ спискѣ помѣщены любопытныя замѣтки: о пути которымъ ходили въ Крымъ, о Перекопѣ, о Кизикерменѣ (теперь Бериславъ) и о Запорожской Сѣчи на р. Базавлукѣ (что теперь село Покровское). Все это теперь входитъ въ составъ нынѣшнихъ губерній: Херсонской, Таврической и Екатеринославской. Съ вѣрностью прилѣжнаго наблюдателя, въ Статейномъ спискѣ, замѣчены наружность Крымскаго Хана Муратъ-Гирея его Калги Токтамышъ-гирея и Нурадина Саадетъ-гирея; мѣтко схваченъ характеръ Ханскихъ повѣренныхъ, и добродушно описаны тѣ лишенія, которымъ подвергались посланники у Татаръ, неимѣвшихъ никакого понятія объ удѣбствахъ порядочной осѣдлой жизни.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, Статейный списокъ, для исторіи Новороссійскаго края представляетъ не маловажный матеріалъ.

Авторъ Статейнаго списка есть Дьякъ Посольскаго Приказа (по нынѣшнему—Министерства Иностранныхъ дѣлъ Секретарь) Ни-

кита Моисеевичъ Зотовъ. Онъ знаменитъ тѣмъ, что былъ удостоенъ довѣренности Царя Ѳеодора Алексѣевича, состоять «охранителемъ здравія» и первымъ Наставникомъ Царевича Петра Алексѣевича, въ послѣдствіи Государя и Великаго Императора. Зотовъ, какъ учитель, первый познакомилъ Петра съ отечественною исторіею, а какъ государственный человѣкъ первый указалъ будущему повелителю Россіи на возможность распространить владѣнія Россіи на югѣ, поближе къ Крыму. Съ такою цѣлію онъ въ Статейномъ спискѣ подробно описываетъ удобныя и не удобныя мѣста по дорогѣ къ Перекопу. Дипломатическія порученія разновременно Зотову данныя и потомъ титулъ Графа Россійской Имперіи (*) пожалованный ему въ 1710 году, 8 Іюля, за службу и труды, свидѣтельствуютъ, что Никита Моисеевичъ имѣлъ свѣдѣнія и дарованія необходимыя для государственнаго мужа своего вѣка.

(*) Грамоту съ изложеніемъ заслугъ Зотова, см. въ Древней Русской Вивліоѳикѣ, М. 1789 IX ч. 476–484 стр.

Подлинникъ Статейнаго списка хранится въ библіотекѣ Президента Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Князя Михаила Семеновича Воронцова. Книга эта написана четырьмя разными почерками, сшита въ тетради и содержитъ 335 листовъ въ малую четверку, и вся по листамъ скрѣплена собственноручно Зотовымъ такъ: «Діакъ Никита Зотовъ». Сверхъ сего, во многихъ мѣстахъ Списка, поправлены слова и приписаны многія строки рукою Зотова, который имѣлъ почеркъ чистый и четкій.

Н. МУРЗАКЕВИЧЪ.

Одесса.
1850.

СПИСОКЪ

СЪ СТАТЕЙНАГО СПИСКА ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ЕГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОСЛАННИКОВЪ: СТОЛЬНИКА И ПОЛКОВНИКА И НАМѢСТНИКА ПЕРЕЯСЛАВСКАГО ВАСИЛЬЯ МИХАЙЛОВА СЫНА ТЯПКИНА, ДЬЯКА НИКИТЫ ЗОТОВА. ПИСАНЪ СЪ СЛОВЪ, ЧРЕЗЪ ОГОНЬ, ВЪ ЦАРЕВѢ-БОРИСОВѢ-ГОРОДКѢ, ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ВО ҂РПΘ/1681 ГОДУ МАЯ ВЪ ДЕНЬ (*).

Іюня въ Г҃ день, по указу Великого Государя, Посольского Приказу дьякъ Борисъ Михаиловъ будучи для дѣлъ

(*) Городокъ Царевъ-Борисовъ находится теперь Харьковской губерніи въ Изюмскомъ уѣздѣ. Построенъ Царемъ Борисомъ Годуновымъ въ 1600 году.

Великого Государя у насъ посланниковъ въ Борисовѣ-городкѣ, сей списокъ по нашему прошенью приказалъ Посольского Приказу подьячимъ, которые списывали, отдать намъ вмѣсто черного списка, потому что черной списокъ писанъ былъ на тетратехъ и на столпцахъ худой бумаги, и за многимъ черненьемъ держать негодитца. И по ево Борисову приказу подьячіе Микита Максимовъ съ товарищи, сей списокъ списавъ на другой списокъ отдали намъ. А съ новымъ спискомъ отпустили мы ихъ къ Москвѣ, въ Посольской Приказъ.

Лѣта (ЗРПИ / 1680) Августа въ 15-й день Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичь Всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ велѣлъ стольнику и полковнику и намѣстнику Переясловскому Василью Михайловичу Тяпкину,

да дьяку Никитѣ Зотову быть на своей Царскаго Величества службѣ въ Крымѣ, Великіе Орды, у Муратъ-Гирея-Хана, да у калги Тактамышъ-гирея, да у нурадына Саадетъ-гирея салтановъ, въ посланникахъ.

А на поѣздѣ своемъ посланники у руки Великого Государя Его Царскаго Величества были Августа въ 13 день. А отпускъ съ Москвы имъ посланникомъ учинился порознь. Дьяку Никитѣ Зотову, указалъ Великій Государь ѣхать съ Крымскимъ гонцомъ Халилъ-агою съ товарыщи напередъ, Августа въ 18 день, Крымскимъ путемъ: съ Москвы на Тулу, съ Тулы на Мценескъ, на Орелъ и на Курескъ, и на Суджу и на Сумы. А въ Сумахъ велѣно ему Никитѣ стоять и дожидатца стольника Василья Тяпкина.

А Василью для отпуску Великого Государя посольскихъ дѣлъ велѣно побыть, на время, на Москвѣ. И Августа въ 26 день

отпущенъ отъ Василей, съ Москвы, Великого Государя Его Царскаго Величества зъ грамотою и съ тайными посольскими дѣлами Войска Запорожского обоихъ сторонъ Днѣпра къ Гетману къ Ивану Самойловичу, въ Батуринъ. А для тѣхъ дѣлъ, былъ съ нимъ Посольскаго Приказу подьячей Никифоръ Венюковъ. А бывъ у Гетмана, исполня его Государскіе дѣла, ѣхати ему изъ Батурина въ Сумы-жъ.

И дьякъ Никита Зотовъ, съ Крымскимъ гонцомъ Халилъ-агою съ товарыщи, въ Сумы пріѣхалъ въ нынѣшнемъ во $\frac{7189}{1681}$ году Сентября въ 10 день. А не дошедъ до Сумъ за 10 верстъ встрѣчалъ его Никиту, Царскаго Величества ратные люди Бѣлогородцкого розряду Сумской полковникъ Гарасимъ Кондратьевъ съ сотники и съ есаулы и съ атаманы и со всѣми казаки Сумского полку; да полковника рейтарского Михайлова полку Гобта, маеоръ Дмитрей Мока-

паковъ съ рейтары, шквадроною своею. Да Гетмана Ивана Самойловича наказной полковникъ Дмитрей Чечель зъ Запорожскими казаками. А жилъ онъ Никита въ Сумахъ дожидаючись Василья Тяпкина Сентября по 25 число. А при той его Никитиной бытности Крымскихъ гонцовъ товарищъ, татаринъ Мустафа, обьявился зарѣзанъ до смерти, покинутъ на улицѣ. И о томъ его смертномъ убiйствѣ розыскивано, и Крымской гонецъ Халилъ-ага далъ ему Никитѣ татарское письмо. А въ переводѣ, съ того письма, написано: «Крымского Ханова Величества посланника Халилъ-ага слово то. Въ Суминъ городъ какъ прiѣхали, тому 22-го дни, и товарищъ ихъ Мустафа, будучи въ Суминѣ словъ ихъ непослушалъ, рано и поздно, и въ день ходилъ съ ними не спрашиваясь, пилъ и бражничалъ, и убитъ у корчемной избы. А что-де онъ такою смертью умеръ и Цар-

ского Величества посланникомъ въ той ево поганой смерти никакихъ словъ не будетъ. А перевелъ онъ Халилъ-ага то все, на свою голову».—П о томъ смертномъ убійствѣ къ Великому Государю, я Никита, изъ Сумъ писалъ, и сыскное дѣло и переводъ съ татарскаго письма послалъ съ отпискою вмѣстѣ, въ Посольской Приказъ, Сентября въ 26 день.

А стольникъ Василей Тяпкинъ ѣхалъ съ Москвы на Тулу-жъ, и на Миценескъ, и на Орелъ, да на Кромы и на Сѣвскъ, и чрезъ Малороссійскіе городы на Глуховъ, и на Королевецъ; а въ Батуринъ пріѣхалъ въ нынѣшнемъ $\frac{7189}{1681}$ году Сентября въ 13 день. И отъ Великого Государя грамоту, Гетману Ивану Самойловичу подалъ и о здоровьѣ его, и всю генеральную старшину на тотъ-часъ при немъ будущую спрашивалъ, и службу ихъ похвалялъ; и помянутые Его Царского Величества тай-

ные посольскіе дѣла ему Гетману обьявилъ. А на чемъ онъ Гетманъ Иванъ Самойловичь въ тѣхъ государскихъ дѣлѣхъ въ разговорѣхъ съ нимъ Васильемъ постановилъ, и котораго числа ево Василья изъ Батурина въ Сумы отпустилъ, и о томъ о всемъ, къ Великому Государю къ Его Царскому Величеству, Гетманъ Иванъ Самойловичь въ листу своемъ, и онъ Василей въ отпискѣ своей, писали, и договорнымъ постановленіямъ, статьямъ, статейной списокъ съ помянутымъ гетманскимъ листомъ и отпискою онъ Василей послалъ къ Москвѣ въ Посольской Приказъ съ подьячимъ Микифоромъ Венюковымъ.

А изъ Батурина пошелъ въ Сумы Сентября въ 23 день. Провожали его гетманскіе дѣти, Семенъ да Григорей Ивановичи, да генеральной есаулъ Леонтей Полуботокъ со многимъ товарыществомъ своимъ, да сотникъ Батуринской зъ знаменемъ и

съ сотнею своею. Всѣхъ было казаковъ оружейныхъ на конехъ съ 300 человѣкъ и болши; и проводя разлучились съ нимъ, отъ Батурина въ 7 верстахъ. Да по указу Царского Величества Гетманъ Иванъ Самойловичь отпустилъ отъ себя съ нимъ Васильемъ, въ Крымъ, для государскихъ посольскихъ дѣлъ канцеляриста своего, Прилуцкого полку писаря Семена Раковича.

Путь ему Василью отъ Батурина до Сумъ Малороссійскими городами: на Конотопъ, на Смѣлую, на Бѣлополье, Крыгатовъ. А тѣмъ вышеписаннымъ путемъ, изъ городовъ, для повышенья чести имяни Великого Государя Его Царского Величества, встрѣчали ево Василья, сотники и ясаулы и атаманы и казаки вооружась знамены, а городцкіе люди и мѣщаня, съ хлѣбомъ и солью выходили за городъ и принимали съ честью. А не доѣхавъ за 15 верстъ встрѣтили ево Василья, Царского Величества

ратные люди, Бѣлогородцкого розряду Сумской полковникъ Герасимъ Кондратьевъ съ полкомъ своимъ, да полковникажъ рейтарского строю Михайлова полку Гобта, маеоръ Дмитрей Маканаковъ съ рейтары, сшквадроною своею, да Гетмана Ивана Самойловича регментовъ наказной полковникъ Дмитрей Чечель зъ Запорожскими казаками, и по тому жъ ево Василья приняли со всякою учтивостью. Въ Сумы пришолъ Сентября въ 25 день. И случась съ товарищемъ своимъ дьякомъ, съ Никитою Зотовымъ и съ Крымскими гонцы съ Халилъ-агою съ товарищи, стояли въ Сумахъ два дни, для провѣданія отъ Сумскихъ казаковъ Крымского пути, Муравскимъ-шляхомъ, гдѣ было безстрашно и прямѣе до Крыму итить. И изъ Сумъ пошли Сентября въ 28 день. А для береженья такова страшного пути, по указу Великого Государя взяли съ собою провожатыхъ: Бѣло-

городцкого розряду полку боярина и воеводы князя Петра Ивановича Хованского ратныхъ людей, полковника рейтарского строю Михайлова полку Гобта, маеора Дмитрея Мокаиакова съ рейтары и съ казаки 400 человѣкъ; да Гетмана Ивана Самойловича региментовъ, Войска Запорожского наказного полковника Дмитрея Чечеля, а съ нимъ казаковъ сердюковъ 200 человѣкъ; всего рейтаръ и казаковъ 600 человѣкъ, и пустилися въ путь свой изъ Сумъ на Краснополье, отстоящее отъ Сумъ 15 верстъ. Провожалъ насъ полковникъ Гарасимъ Кондратьевъ съ полкомъ своимъ 5 верстъ. Въ Краснополье пришли тогожъ числа.

И Сентября въ 29 день, по утру рано, отслушавъ въ соборной церкви божественныя литоргіи, пошли на Вольной-городъ, и пришли въ Вольной, Октября въ 1-й день, и для томныхъ коней дневали и ночевали. И Октября во 2 день изъ Вольного

пошли въ Богодуховъ, отстоящей отъ Вольного 15 верстъ, и пришли тогожъ числа. Тутъ слушавъ святыя литоргіи и по обѣдѣ пошли въ городъ Ольшанку, отстоящій отъ Богодухова 15 верстъ. А въ Ольшанку пришли Октября въ 3 день; тамъ стояли для готовости хлѣбныхъ запасовъ и конскихъ кормовъ въ степную дорогу, даже до Крымского первого пограничного города Перекопа 2 дни. И взявъ съ собою изъ Ольшанки вожей, Харьковского полку казаковъ, пошли въ степъ, къ валу (*). И изъ Ольшанки вышли Октября въ 5 день, и ночевавъ на степи, пришли на черту, въ городокъ Малые-Валки зовомой Новой-Перекопъ, Октября 6-го, по утру рано.

Городокъ Валки устроенъ крѣпко, толь-

(*) Валъ этотъ вмѣстѣ съ крѣпостями: Ливнами, Кромами, Воронежомъ, Бѣлгородомъ, Осколомъ, Валуйками и Курскомъ учреждены въ огражденіе набѣговъ Крымскихъ Татаръ, при Царѣ Борисѣ Годуновѣ, въ 1591 году.

ко стоитъ отъ Харьковского полковника въ худой осторожности: заѣхали мы на сторожѣ робятъ малыхъ, съ палочками, человѣкъ зъ десять. А отъ жителей того городка слышали, что и прежде сего во РПИ (1680) году, тотъ городокъ сожженъ и плѣннымъ разхищеньемъ отъ Крымского Хана разоренъ, и въ протчіе въ иные Украинскіе городы, Бѣлогородцкого розряду, приходъ Ханской учинился безвѣстенъ ево полковниковымъ нерадѣніемъ, для того, что самъ живетъ безпрестанно дома; а по чертѣ, въ городкахъ своего полку, крѣпкихъ карауловъ не ставитъ, и подъѣздовъ для провѣдыванія неприятельскихъ людей не посылаетъ. И за такою-де ево оспалостью и нерадѣніемъ множество тысячь православныхъ христіянъ впали въ бусурманскую неволю. Тогожъ города жители говорили намъ и жаловались со слезами: если-де впредь отъ Харьковского полковника тому городу и валовой

чертѣ, будетъ такое же худое береженье и малолюдная сторожа, и они больши того тутъ жить не смѣютъ, а хотятъ итить въ рознь, гдѣ кому Богъ случай покажетъ. И мы того города жителемъ и караульщикомъ къ тому полковнику отъ себя, Государскимъ указомъ приказывали, чтобъ онъ впредъ того городка и черты берегъ и караулилъ накрѣпко, не оплошно, потому что тотъ городокъ стоитъ на Муравскомъ - шляху, и Крымскимъ людемъ тѣми мѣстами изстари бываетъ на украинные Царского Величества городы приходъ, и то имъ сказали, что по сему нашему статейному списку полковника ихъ нерадѣніе Великому Государю Его Царскому Величеству будетъ извѣстно.

И тогожъ числа, за помощію Божіею, по обѣдѣ, пустились за новой валъ, въ степь, Муравскимъ-шляхомъ, и отшедъ 15 верстъ ночевали подъ дубровою, на колодезяхъ.

Октября въ 7 день рано шли чрезъ дуброву прямо, въ лѣво покинувъ Муравской большой шляхъ въ правѣ, для того, что по скаскѣ маеора Дмитрея Мокапакова и вожей, пройтить было съ обозомъ за великими переправы и грязьми, и горами невозможно, и пришли на Муравской-шляхъ по прежнему, а тѣмъ шляхомъ пришли на ночь къ рѣкѣ Берестовенкѣ, отъ нового валу 30 верстъ, гдѣ дровъ, и водъ и конскихъ кормовъ есть множество. Октября въ 8 день отъ рѣчки Берестовки, вставъ рано, шли степью межъ великими и многими дубровами, до вершины рѣчки Берестовы, отъ вышеупомянутые рѣчки верстъ съ 10; тутъ не много дали конемъ отдохнуть. Мѣстожъ то обрѣтается для великихъ ратныхъ людей конскими кормами и водами и дровами довольно. Потомъ пустилися въ степь, и шли скоро весь день даже до вершины рѣки Малыя-Орели, и пришли на станъ.

на Орельскіе озера, за часъ до вечера, гдѣ потомужъ не токмо для посольскихъ проѣздовъ, хотябъ и для великихъ походовъ ратныхъ людей, конскими кормами и водами и рыбами и звѣремъ и дровами довольно.

Октября въ 9 день съ помянутого стану шли весь день не кормя коней, опасаясь непріятельскихъ людей, и даже до вершины и до озеръ большіе рѣки Орели, и ночевали надъ озеромъ. А та рѣка Орель идетъ частми подъ землею, и частми вынурлетца изъ земли озерами болшими, даже до самаго Днѣпра И той ночи имѣли отъ воровскихъ казаковъ и Крымскихъ и Ногайскихъ татаръ и отъ Калмыковъ великое опасеніе. Октября въ 10 день по утру рано, отъ большіе рѣки Орели шли день весь, не кормяжъ коней для безкормныхъ мѣстъ, потому что степь была выжжена; и пришли поздно ночевать на вер-

шину рѣки Терновки, гдѣ потомужъ дровъ и конскихъ кормовъ и воды и рыбы много. Октября въ 11 день, вставъ рано, шли день весь, для выжженные степные безкормицы. Подлѣ тойже рѣки прямо, перенимаючись съ гребня на гребень даже до верьховья и озеръ рѣки Малые-Самары, и пришли на Самару, на станъ, поздно; гдѣ также были отъ помянутыхъ разбойниковъ зѣло остерегательны и опасны, и всю ночь безъ сна пребывали Вѣдомо да будетъ впредъ ходящимъ тѣмъ путемъ, такъ посломъ, яко и ратемъ Царского Величества, дубровы и прочіе дровяные угодья до того помянутого стану кончились. А отъ того стану даже до Крыму, по рѣкамъ и по рѣчкамъ и по удоліямъ многіе талники и терники, гдѣ звѣря и птицъ и рыбъ множество есть, и по нуждѣ безъ большихъ простоевъ великимъ ратемъ дровами пронятца мочно. А съ помянутыхъ становъ, по которые

кончились болшiе лѣса и дубровы, мочно запастись дровами, кромѣ терновниковъ и тальниковъ, и везти на возахъ, даже до самого Крыму, не токмо посольскимъ походомъ, хотябъ и ратемъ Царскаго Величества лучилось итить, и они пройдутъ безовсякiе дровяные нужды, потому, что отъ тѣхъ урочищъ до Крыму переходъ недальной и зѣло прямъ и гладокъ, и водами и конскими кормами и рыбами, птицами, также и звѣремъ, которыми благословилъ Господь Богъ людемъ на пищу, есть всего доволно.

Октября въ 12 день пришли на болшую рѣку Самару, и верьховьемъ ее переправливались безовсякiе трудности со всѣмъ обозомъ, и на великихъ озерахъ той рѣки обѣдали, и не дошедчи Конскихъ-водъ, темноты ради нощные ночевали на горѣлой степи, толко коней овсомъ покормили и запасною въ бочкахъ водою напоили, и ночь всю безо сна пребывали, остерегаю-

щеся накрѣпко разбойническаго нападенія. Октября въ 13 день прошли на вершины рѣки Конскихъ-водъ, въ Днѣпръ впадающей, предъ полуднемъ, и за рѣку переправились безо всякіе трудности. Кормили и стояли на тѣхъ водахъ небольшое время для того, что наѣхали тутъ станъ и шляхъ свѣжей конныхъ и пѣшихъ людей, и обозной отъ Запорожья къ Тору, или къ Дону, въ восьмъ рядовъ. И опасаясь того, пошли вскорѣ степью прямо, Муравскимъ же шляхомъ, которымъ Крымской Ханъ шолъ въ войну, и изъ войны Великого Государя, изъ украинскихъ городовъ изъ подъ Богодухова и изъ иныхъ, въ прошломъ $\frac{7188}{1680}$ году. А вождь тѣмъ прямымъ Муравскимъ шляхомъ, былъ нашъ Крымской гонецъ, Халилъ-ага съ товарищи, для того, что они съ Ханомъ въ той войнѣ сами были. На тѣхъ же Конскихъ-водахъ видѣли мы капище бусурманское, каменное строеніе

старожитного поселенія, и отъ давныхъ лѣтъ розвалилось. А отъ Крымскихъ гонцовъ слышали, что тѣ жилища бывали въ старину Крымскихъ татаръ, при Мамаѣ Ханѣ.

Октября въ 14 день пришли о полудни на рѣку Овечьихъ-водъ, которая идетъ въ Днѣпръ плесами и озерами; тутъ обѣдавъ, обыскавъ у той рѣки уское мѣсто и учинивъ переправу наметавъ хворостомъ и камышомъ, и перевезлись съ войскомъ и обозомъ безъ всякіе трудности. И переправясь отошли отъ той переправы недалеко, въ луга, и ночевали на тѣхъ же Овечьихъ-водахъ. Тамъ-же видѣли мы, по рѣкѣ на угожихъ и на красныхъ мѣстахъ многіе капищные и домовые каменные старые селища Крымскихъ татаръ, которые отъ древнихъ лѣтъ разрушились до основанія, только башня каменная въ цѣлости. И о тѣхъ жилищахъ спрашивали мы помяну-

тыхъ Крымскихъ гонцовъ, которые намъ повѣдали: что тѣ мѣста были юртъ изстари Крымскаго Хана Мамая (*), а запустѣли и разорились и пренеслися за Перекопъ, когда побѣдилъ его Мамая Хана со всѣми его бусурманскими силами, на Куликовѣ-полѣ, на рѣкахъ на Дону и на Непрядвѣ, блаженные памяти Великій Князь Дмитрій Ивановичъ Московской. Вѣдомо же убо да будетъ, естли по воли Всемогущаго Бога, и по изволенію Великого Государя нашего Его Царскаго Величества учинитца хожденіе на Крымъ, его государскимъ ратемъ и въ томъ мѣстѣ пристойно для облегченія запасовъ и преграды пути бусурманского въ Русь, градъ устроить землянной, и всякими крѣпостьми укрѣпить, и пѣхотою и всякими полковыми припасы

(*) Упоминаемыя здѣсь разрушенныя селенія принадлежатъ къ XIII вѣку, когда восточный торговый путь, чрезъ городъ Крымъ (что теперь Эски-Крымъ) а потомъ чрезъ Кафу и Тавань, шелъ на Кіевъ.

удоволить, и держать ево мощно безо всякіе трудности потому, что тою рѣкою даже до самого устья рѣки Днѣпра плавной ходъ будетъ стругами свободной, и непріятельской путь одержанъ будетъ паче тысячь многихъ войскъ. По тому, что кромѣ того Муравского-шляху способнѣйшаго и прямого пути проходить Татаромъ въ Русь некуды; для того, что выше тѣхъ помянутыхъ всѣхъ рѣчныхъ вершинъ отъ Крыму къ Тору и къ Дону, путь безводной и дальной, а внизъ рѣками къ Днѣпру учинилися разливы и озера многіе, гдѣ отнюдь непріятелемъ невозможно пройти. Да не токмо на тѣхъ Овечьихъ-водахъ, но и на всѣхъ помянутыхъ вершинахъ Конскихъ и Самарскихъ и Орельскихъ водъ мочно городы земляные крѣпкіе подѣлать, и людми служилыми конными и пѣшими осадить, и полковыми всякими запасы наполнить, и жить вѣчно, для того, что около тѣхъ

рѣкъ, и на степяхъ, дубровы великіе, и лѣса и терники и талники и камыши, и звѣрь въ лѣсахъ, и рыбы въ водахъ, и кормовъ конскихъ всюды множество, и пашни можно завести великіе. А рѣкою Днѣпромъ внизъ, и тѣми рѣками изъ Днѣпра въ верхъ подъ городы со всякими служилыми запасы проходы плавные будутъ вольные, и непріятелей бусурманскихъ безопасные. Также и сухимъ путемъ, отъ самые Бѣлогородцкіе черты, отъ Чугуева и отъ Валокъ проходъ зъ запасы, въ тѣ городы, будутъ свободные (*).

Октября въ 15-й день по утру рано шли степью, до обѣда, и кормили лошадей на вершинахъ рѣки Молочныхъ-водъ въ

(*) Проектъ дьяка Никиты Зотова, чтобы Русскимъ утвердиться здѣсь, выполненъ въ первый походъ князя Василья Голицына въ 1689. Тогда былъ заложенъ «Богородицкій городокъ» на р. Самарѣ, на урочищѣ «сорокъ бoераковъ», близко Ново-Московска. См. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. IV, 605.

Черное море впадающей. Оттуды съ обѣда до вечера шли берегомъ по правой сторонѣ Молочныхъ-водъ. Въ тѣхъ мѣстахъ съѣхались наша передовая сторожа съ воровскими подъѣзщики, и за ними гонялись, и тѣ воры увидѣвъ съ нами многихъ людей побѣжали на утекъ. И почевали мы на берегу той рѣки подъ терниками на голодномъ и вызженномъ мѣстѣ, кони стояли безъ корму потому, что овесъ запасной и сухари всѣ потравили. Октября въ 16 день по утру рано, на самомъ подъемѣ маеоръ Дмитрей Мокапаковъ взбунтовалъ рейтаръ своихъ и все казацкое войско, чтобы имъ далѣ того насъ не провожать, и итить бы имъ назадъ, а насъ покинуть. И мы ихъ уговаривали показуючи имъ Государской указъ, что имъ велѣно насъ проводить и оставить насъ въ Крыму, въ ближнихъ мѣстѣхъ, и онъ Дмитрей, указу Великого Государя, не послушалъ. И о томъ его бун-

товствѣ, и въ которомъ мѣстѣ насъ оставилъ, къ Великому Государю въ Посольской Приказъ писано. И того числа почевали мы на верховьѣ рѣчки первыхъ-Уклюкъ впадающей въ рѣку Молочные-воды, на самомъ причинномъ воровскомъ мѣстѣ, гдѣ побиты прежніе посланники стольникъ Борисъ Пазухинъ съ товарыщи. И вставъ рано въ полночь, пошли въ путь свой съ Крымскими гонцы вмѣстѣ, съ одними своими людми. И Октября въ 17 день о полудни кормили лошадей на рѣчкѣ, на другихъ Уклюкахъ въ Черное море впадающей, на самомъ же причинномъ и воровскомъ мѣстѣ, гдѣ выходятъ безпрестанно отъ Азовской степи и зъ Дону Калмыки и изъ Запорожья казаки, и изъ Крыма и изъ Погаи татаровя. Тутъ мало отдохнувъ, и вмѣсто присталыхъ лошадей нанявъ мы подъ свои телеги у Крымскихъ гонцовъ лошади, а усталыхъ покинувъ на степи,

пошли съ великимъ поспѣшеніемъ во весь день, коней не кормя. И ночевали посреди степи, кромѣ Спасителя нашего Господа, ни кѣмъ же суть берегомы. Толко мало-что свернувъ зъ дороги стояли съ великимъ страхомъ, оружіе и кони въ рукахъ держащи, и мало отдохнувъ пустилися съ вечера, въ ночь, даже до урочища Черного-колодезя, гдѣ было ужъ самое разбойническое пристанище, отъ Перекопа толко ходу за полтора дни.

На Черной-колодезь пришли до дневнаго свѣту, часа за три, тутъ наѣхали Перекопскихъ татаръ подъѣздщиковъ, которые опасаютъ въ степи Крымскіе всякіе стада, тогда они послыша обозной звукъ и чаяли идущихъ многолюдные рати, похоронилися въ камышъ и въ терникъ. И какъ наѣхался къ нимъ блиско, учали насъ окликать: кто ѣдетъ. Гонцы-жъ татарскіе знаючи тѣ разбойничьи мѣста вооружась

къ бою скочили къ нимъ, и отозвалися своимъ языкомъ, чтобъ по нихъ не стрѣляти, для того, что они Крымскіе послы, а съ ними идутъ послыжъ Великого Государя Его Царского Величества. И съѣхався учали межъ собою говорити тѣ подъѣздщики, что они Перекопскіе татаровя, а не разбойники. И сказали что отъ того мѣста даже до Перекопа, по степи, вездѣ ихъ Крымскіе татаровя стада пасутъ, и проѣздъ къ Перекопу намъ будетъ безопасенъ. Тогда мы услышавъ ихъ розговоры, радости исполнилися, и воздавше Всемогущему избавителю нашему Богу, и Пречистѣй его Богоматери, веліе благодареніе за еже препроводилъ насъ такимъ страшнымъ путемъ здравыхъ, и не попустилъ на насъ враговъ мечемъ поядающихъ, которые дни и ночи по всюду въ томъ пути по сторонамъ насъ стерегли, желаючи погубить насъ, корысти ради своея разбойническія.

Подобаетъ же вѣдати о семъ впредъ ходящимъ посланникомъ и гонцомъ Царского Величества, хотя тотъ нашъ вышеписанной путь Муравского-шляху прямъ и близокъ и кормами и водами и всякими угодьи способенъ, только безъ провожатыхъ многихъ людей пройтить до Крыму отнюдь не возможно для того, что въ тѣхъ рѣкахъ рыбаковъ, а въ терникахъ и тальникахъ камышниковъ и звѣриныхъ промышленниковъ, вездѣ множество, и по степямъ Крымскіе и Азовскіе и Ногайскіе татаровя и Калмыки для разбойные добычи ходятъ въ тѣхъ людныхъ мѣстахъ безпрестанно лѣто и зиму, а въ проѣздѣ посольскимъ людемъ, тѣ вышеписанные люди, общіе враги. И отъ того мѣста до Перекопа ѣхали мы спокойно и недоѣхавъ до Перекопа за 20 верстъ ночевали на рѣчкѣ, подлѣ морскіе заливы Гнилыхъ-водъ. А съ того стану, Крымскіе гонцы, Халилъ-ага съ товарищи, о приходѣ

нашемъ и о своемъ отпустилъ въ Крымъ къ Хану гонца своего татарина Акжейка съ вѣстью, а мы съ нимъ Акжейкомъ къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву о своемъ пріѣздѣ, а къ Ивану Сухотину, противъ указу Великого Государя, о своемъ съ нимъ повиданьѣ, прежде Ханскія бытности, послали письмо.

Октября 19 день поутру рано шли степью къ Перекопу, розсматривая мѣсто и урочище, и положенія жилищъ бусурманскихъ; и недоѣхавъ до Перекопу версты за три, ѣхали къ городу оставя объѣзжую дорогу, прямо чрезъ сухую долину подобну великому озеру, которая знатно что въ мочливое время бываетъ отъ морскихъ гнилыхъ водъ водою наполнена, только знатно что не глубока, въ бродъ конному и пѣшему человѣку итить мочно. А отъ той долины до Перекопа путь гладокъ и крѣпостей ни какихъ, и препятель-

ства ратному хожденію ни каково нѣтъ. Въ Перекопской валъ вошли предъ полуднемъ; шли въ ворота, сквозь башню каменную мимо городка, и минувъ посады, стали близь города подлѣ валу, въ шатрахъ своихъ, устроясь обозомъ, для того, что постоялыхъ дворовъ намъ не дали.

Городъ Перекопъ, каменной, четвероуголенъ; въѣздъ и выѣздъ въ одни ворота съ Крымской стороны, а другіе ворота засыпаны, а съ Московской стороны стоитъ глухою стѣною межъ валу, а въ тѣхъ стѣнахъ учинены многіе домовые жилища съ чердаки. А камень и кирпичь въ стѣнахъ кладенъ и смазыванъ межъ тесницъ и брусьевъ деревянныхъ глиною и грязью, и твердости никакой не имѣетъ. По стѣнамъ, и воротамъ только восемь башенъ; кругомъ всего города ровъ глубиною саженъ трехъ, или малымъ чемъ меньши окладомъ и величиною съ небольшой монастырь. Отъ

тогоже города по обѣ стороны, до морскихъ водъ, учиненъ валъ, а возлѣ валу, съ Московской стороны, отъ степи, ровъ не глубокъ и раздолистъ, и на валу, во многихъ мѣстахъ есть праверзины и людные проходы. Ратныхъ людей и Турскихъ и Крымскихъ, по сказкѣ христіянъ невольниковъ, сотъ съ восемъ, и пушекъ по башнямъ малое число. Посады около того города зѣло нужны, я дворишка и избенка тѣсные; большая половина стоитъ кибитокъ полстяныхъ. Корму намъ, намѣстникъ Перекопскаго бея, Ибраимъ-ага, прислалъ барана освѣжевана, тридцать лепешекъ пшеничныхъ, денежныхъ вязанъ соломы ячной, ячмени четвериковъ съ шесть. Людей съ нами всѣхъ было 26 человѣкъ, лошадей у насъ посланниковъ и у гетманского писаря и у прочихъ всѣхъ посольскихъ людей было 64 лошади, и тѣмъ людскимъ кормомъ по нуждѣ было врядъ

всѣхъ однажды накормить, а лошадямъ толикому числу соломы и ячмени мало что досталось. И для своего степнаго безпокойства и безсоннаго томленья, также и для присталыхъ лошадей хотѣли было отдохнуть въ Перекопѣ, дни зъ два, да за великою скудостью конскихъ кормовъ, ночевали только одну ночь. Тогожъ числа, послѣ обѣда, упросились у градскаго намѣстника ѣхать въ городъ измытися въ гамонѣ, а наипаче ради того, чтобъ намъ видѣть въ городѣ внутреннихъ крѣпостей. И вшедъ въ городъ видѣли кромѣ худыхъ домишковъ и смазанныхъ изъ навозу избушекъ, крѣпостей никакихъ нѣтъ, только въ однихъ воротѣхъ стоитъ одна пушечка полковая, небольшая. Ворота сбиты на иглы изъ тонкихъ бревенъ, на одну внѣшнюю сторону обиты красною жестью, во многихъ мѣстѣхъ облупились. А градоначальника, бея Перекопскаго, въ то время въ

городѣ не было, а былъ у Хана; принималъ и отпускалъ насъ намѣстникъ его, Ибраимъ-ага.

Октября въ 20 день пошли изъ Перекопа въ Крымъ, на своихъ усталыхъ коняхъ по малу, съ великою нуждою, для того, что намъ подводъ не дали, и нанять не добыли. И отшедъ отъ Перекопа ночевали въ 10 верстахъ въ ханской деревнѣ Тузлакѣ, на соляномъ озерѣ, гдѣ по берегамъ видѣли соли великіе стоги, накладены глыбами. Октября въ 21 день переѣхавъ 10 верстъ обѣдали въ мурзинской деревнѣ Тинизола, а ночевали отъѣхавъ отъ тойі деревни 5 верстъ въ ханскомъ селѣ Урманъази. Октября въ 22 день переѣхали верстъ зъ 20, и ночевали въ селѣ Азетмалѣ. Тамъ насъ встрѣтилъ отъ бея розмѣнного присланной татаринъ, посольского двора сторожъ, именемъ Джумалей, и отъ Хана и отъ бея спросилъ насъ о здоровьѣ, и ска-

залъ намъ, что велѣно ему насъ принять и проводить, не занимаючи Бакчисарая, на рѣку Алму, на посольской старой станъ, отъ Бакчисарая въ 10 верстахъ, для того. что и Ханъ самъ вышелъ изъ Бакчисарая, живетъ бѣгаючи отъ мороваго повѣтрія, на тойже рѣкѣ Алмѣ, въ деревнѣ, не далеко отъ посольскаго стану. Октября въ 21 день переѣхали 15 верстъ, и почевали въ селѣ зовомое Гулатъ. Октября въ 25 день, съ того стану перешли верстъ съ 15, и пришли па Алму рѣку, на посольской станъ. А на томъ стану заѣхали прежняго Царского Величества посланника Ивана Сухотина, да съ нимъ переводчиковъ Кутлу-Мамета Тонкачева, да подъячихъ московскихъ Луку Фролова, Ивана Никитина, Волуйского Дементья Елдина, толмачей Терентья Фролова, Васлья Козлова. Тогожъ числа, мы Царского Величества посланники съ Иваномъ Сухотинымъ видѣлись и о

надлежащихъ посольскихъ дѣлахъ съ нимъ Иваномъ говорили. А строенья на посольскомъ дворѣ по Аталыкову мирному договору учинено при посланникѣ Царского Величества, при Васильѣ Ѣлчинѣ, четыре пунишки складены изъ дикого не тесоного камени, смазаны скареднымъ навозомъ, безъ потолковъ и безъ мосту и безъ лавокъ и безъ дверей, а для свѣту учинено по одному окошку. И воистину объявляемъ о томъ строеньѣ, яко псомъ и свиніямъ въ Московскомъ государствѣ далеко покоійнѣе и теплѣе, нежели тамъ намъ посланникомъ Царского Величества. А лошадямъ не только какихъ конюшенъ учинено и привязать ихъ было незачто; и кормовъ намъ и лошедямъ нашамъ ничего не давали, и купить съ великою нуждою хлѣба и ячмени и соломы на силу добывали, и то самою высокою цѣною. Октября въ 26 день пріѣхалъ къ намъ на посольской станъ бей

розмѣнной Аветша-мурза-Сулешевъ и объявилъ намъ проссбя, по указу Ханова Величества велѣно ему у насъ быть въ приставѣхъ, да емуже-де указалъ Хапово Величество звать насъ къ себѣ зъ грамотою Великого Государя и править посольство, и чтобъ мы съ нимъ ѣхали не мѣшкавъ, тогожъ числа. И мы въ тотъ день не поѣхали, для того, что было поздно.

И Октября въ 27 день, убравшися по посольскому чину, и взявъ съ собою Великого Государя грамоту и легкіе поминки поѣхали мы съ нимъ беемъ къ Ханову Величеству въ село, отъ нашего стапу, верстъ съ пять. И пріѣхавъ поставили насъ на татарскомъ дворишкѣ, и велѣли тутъ побывать до указу. А приставъ нашъ бей розмѣнной пошелъ пѣшъ къ Ханову Величеству и къ ближнему его человѣку, и о пріѣздѣ нашемъ возвѣстилъ. И пришедъ къ намъ отъ Хана, тотъ бей говорилъ, чтобъ мы прежде шли къ ближнему человѣку

Ахметъ-агѣ, и отъ думного Царского Величества дьяка Посольскаго Приказу отдали ему письмо. И мы ему бею говорили, что онъ звалъ насъ зъ грамотою Великого Государя къ Ханову Величеству а не къ ближнему ево человѣку, и прежде Ханова Величества, у ближняго его человѣка быти намъ не пригоже, для того, что съ нами есть грамота Великого Государя къ Ханову Величеству. А отъ думнаго Царского Величества дьяка къ Ханову человѣку письма съ нами никакова не послано, а хотябъ и было, и тобъ письмо годилось отдать ему послѣ, и чтобъ Ханово Величество тѣмъ насъ безчестить и неволить не велѣлъ, а велѣлъ бы насъ прежде взять предъ себя, и Великого Государя любительную грамоту и поминки изволилъ принять, посольство наше выслушать. Тогда розмѣнной бей выслушавъ той нашей отповѣди, ходилъ и слова наши доносилъ Ханову Величеству и ближнему его

человѣку. А потомъ пришелъ къ намъ самъ-другъ съ аталыкомъ, то есть зъ дятькою ханскихъ дѣтей, и говорили намъ съ великимъ шумомъ чтобъ мы конечно учинили по изволенію Ханова Вѐличества, буде съ нами отъ посольскаго думнаго дьяка и письма нѣтъ, и мы-бъ зъ грамотою Великого Государя прежде шли къ ближнему ево человѣку, для того, что у нихъ испоконъ такъ ведетца, Царского Величества посланники прежде бываютъ у ближняго человѣка, такжебъ и мы учинили и думного Царского В-ва дьяка письма у себя не таили, а потомъ-де будете у Ханова Величества. И мы о томъ бею говорили: еслибы бей звалъ насъ для повиданья прежде быть у ближняго человѣка, и мы бъ грамоту Великого Государя оставили у себя въ стану, а самибъ были у ближняго человѣка для розговоровъ государственныхъ дѣлъ безпрекословно, а то онъ бей чинитъ не правду: звалъ насъ

прямо ѣхать зъ грамотою Великого Государя къ Ханову В–ву а не къ ближнему ево человѣку зъ грамотою Великого Государя не бывъ у Ханова В–ва по инымъ дворамъ волочитца намъ не пригоже. И вѣдалибъ они о томъ подлинно, что они грозами и безчестными словами и обыклою неволею и тѣснотами своими какъ они чинили надъ прежними Ц–го В–ва посланники, насъ тѣмъ не устрашатъ, и прежде Ханова В–ва, зъ грамотою Великого Государя, къ ближнимъ ево людемъ ни къ кому не пойдемъ, и мимо ево Ханскихъ рукъ ни кому изъ ближнихъ ево людей Великого Государя нашей грамоты не дадимъ.

Аталыкъ и бей говорили: будетъ вы Ханова В–ва не послушаете, и зъ грамотою В–го Государя къ ближнему ево человѣку не пойдете, и отъ думного Ц–го В–ва дьяка письмо ему не отдадите, и Ханово-де Величество велѣлъ у васъ грамоту Великого

Государя отнять имъ силою, и васъ велѣлъ сослать на посольскій станъ. А естли-де у васъ отъ думного посольского діака къ Ханову ближнему человѣку было письмо, и Хановобъ-де Величество указалъ вамъ быть у ближнего своего человѣка съ однимъ тѣмъ письмомъ, а не зъ грамотою В-го Государя и неволибъ вамъ въ томъ не было. И мы говорили: гдѣ головы наши будутъ, тамъ и грамота Ц-го В-ва при насъ, а когда уже увидите насъ мервыхъ предъ собою, тогда и грамоту Царского Величества возмете. А думного Ц-го В-ва діака письма у насъ никаково нѣтъ и съ нами не послано, и грозъ вашихъ и безчестья и всякіе тѣсноты не боимся, и прежде Хана къ ближнему человѣку зъ грамотою В-го Государя не пойдемъ. И ближніе Ханскіе люди, розмѣнной бей и аталыкъ говорили и трудили насъ шумомъ великимъ за то, что ближней, Ханова Величества, человѣкъ пи-

салъ не однажды къ думному Царского Величества дьяку о государскихъ великихъ и къ миру надлежащихъ дѣлѣхъ, и отъ думного де Царского Величества дьяка письму у васъ не быть нельзя, а вы де то письмо таите и отдать ево не хочете для своей гордости, чтобъ вамъ у ближнего человѣка прежде Хана не быть; а послѣ того, хотя то письмо и объявите, и ближней человѣкъ у васъ того письма не приметъ, и за то-де Ханово Величество на васъ зѣло кручинитца и въ безчестье себѣ ставитъ великое.

И мы имъ говорили: Ханова В-ва ближнего ево человѣка Агметъ-аги Царского Величества къ думному діаку письмо было ль того не вѣдаемъ, и отъ думного Ц-го В-ва дьяка не слыхали, а знатно что отъ Ханского ближнего человѣка къ нему письма небывало, или будетъ и было, да гонцы Ханова В-ва такова писма думному дьяку

не отдали, а еслибъ къ нему думному дьяку отъ ближнего человѣка было писано, и онъ бы того писма не препомнилъ и доложа Великого Г–ря Его Ц–го В–ва къ ближнему человѣку Ханова В–ва съ нами отписалъ нестыдясь, понеже онъ, по милости Государской, въ тѣхъ порученныхъ ему посольскихъ дѣлѣхъ имѣетъ свободу и память добрую. И за то насъ Ханову В–ву кручинитца не за что, и чтобъ нынѣ въ надежду сосѣцкіе дружбы и любви къ Великому Государю нашему ево Ханово В–во велѣлъ насъ зъ грамотою Ц–го В–ва быть прежде у себя, и посольства нашего выслушалъ, и къ намъ Ц–го В–ва посланникомъ показалъ милость и честь, какъ тотъ святой государской обычай бываетъ въ мирныхъ государствахъ, понеже мы Ц–го В–ва посланники присланы зъ добрыми и мирными дѣлами.

По томъ тѣжъ, Ханскіе ближніе люди съ нами много шумѣли и спорывались. И по-

шедчи отъ насъ слова наши Ханову В—ву и ближнему ево человѣку донесли, и къ намъ пришедши говорили тихо и склонно, чтобъ одинъ изъ насъ, товарыщъ, зъ грамотою Великого Государя остался тутъ на подворьѣ, а другой-бы шолъ съ ними, и повидался прежде зъ ближнимъ человѣкомъ для розговоровъ о государственныхъ дѣлехъ. Мы-жъ посовѣтовавъ межъ собою, на волю ихъ склонились опасаясь того, чтобъ насъ безъ дѣла и зъ безчестьемъ не отослали прочь въ какое утѣсненіе, и грамоту Великого Государя я Василей отдалъ товарищу своему Никитѣ, а самъ съ розмѣнныимъ бѣемъ взявъ съ собою переводчика и подьячихъ пришли къ ближнему человѣку въ хоромы. И вшедчи съ нимъ привитался; бусурманъ же, надувся поганою своею гордостью, сидѣлъ на коврахъ облегшись на бархатные золотные подушки; и привитался сидя, и велѣлъ мнѣ противъ себя сѣсть по

близку, на уготованномъ мѣстѣ, и спросилъ меня прежде о здоровьѣ и о путномъ нашемъ шествіи, а я Василей ему ближнему человѣку взаимно также поздравилъ. А образомъ и саномъ Агметъ-ага человѣкъ природной и рѣчью свободенъ и тихословенъ; портище на немъ суконное цвѣтомъ мурадъ зелено, на соболяхъ, турецкимъ строемъ; глава его въ бѣломъ завоѣ. Стѣны въ избѣ ево обиты завѣсы золотными и бархатными, чрезъ полосу сшиваны.

Первое ево ближнего человѣка слово ко мнѣ Василью было: для чего мы упрямо дѣлаемъ и Ханова В-ва не слушаемъ, и прежде у него ближнего человѣка быти не хочемъ. А у нихъ де то изстари повелось что прежде бытности у Хана посланники Царского В-ва бываютъ у нихъ ближнихъ людей, или де будто честью въ вашу пору посланниковъ здѣсь не бывало? И я Василей говорилъ: прежнихъ Царского В-ва

посланниковъ лутче и хуже себя мы не ставимъ, а хотя у васъ прежде сего такъ и было, какъ ты сказываешъ, толко мы сего вашего указу не пріемлемъ; должны прежде исполнить всякіе Великого Государя нашего Его Ц-го В-ва посольскіе намъ врученные дѣла по его Государскому указу, а не по Ханскому изволенью и твоему желанью, и ни у которыхъ Государей нигдѣ того не повелось чтобы ближнимъ людемъ мимо Государя грамоты у пословъ В-го Государя нашего принимать; и тотъ у васъ въ Крымѣ обычай и поступокъ зѣло грубъ и государской дружбѣ и любви противенъ, а мнѣ по благодати Бога моего и по изволенію Ц-го В-ва въ послѣхъ быть у посторонниxъ многихъ великихъ Государей не первое посольство, и тѣ ихъ государскіе посольскіе чины и поступки знаю. А что онъ ближней человѣкъ показуетъ прикладъ о прежде бывшихъ въ Крымѣ Царского В-ва

посланникахъ, что они зъ грамотами В-го Г-ря прежде Ханова В-ва бывали у ближнихъ людей и грамоты имъ отдавали, и я тому не дивлюсь, потому что у васъ всегда посланникомъ Ц-го В-ва бываетъ великая неволя и тѣснота и безчестье, для выможенья отъ нихъ вамъ великіе корысти и богатыхъ даровъ, какъ мы теперво то и надъ собою видимъ, и такіе отъ нихъ были поступки по неволѣ вашей, а не своею охотою. А мы присланы къ Ханову В-ву и къ вамъ не дары роздавать, толко добрые дѣла дѣлать, которые надлежатъ межъ великими государи къ мирному постановленію. И ближней человѣкъ Агметъ-ага слушалъ моихъ словъ прилѣжно и ничего мнѣ на тѣ мои слова отвѣту не учинилъ; а говорилъ мнѣ: писалъ я отъ себя къ думному Ц-го В-ва дьяку Посольскаго Приказу зъ гонцами Ханова В-ва не одиножды, о обчихъ государскихъ дѣлѣхъ которые надлежатъ къ мир-

ному постановленію съ радѣтельнымъ моимъ предложеніемъ, чтобъ межъ великими Государи разлитіе крови и плѣнное расхищеніе успокоить и миръ учинить и противъ-де того ево письма чрезъ васъ посланниковъ отповеди не токмо на письмѣ и на словахъ ничего не слышу, о чемъ зѣло удивляюсь и разумѣю, что тотъ думной дьякъ Хановымъ Величествомъ Государемъ моимъ и мною гордитца; или своему Государю радѣнья своего и вѣрныя службы показать не хочетъ; или-жъ вы для своей гордости прежде Ханской бытности объявить мнѣ письма ево не хочете. И будетъ-де то письмо отъ него ко мнѣ у васъ есть, и вы за любовь теперь ево мнѣ отдайте, а естли жъ вы теперь ево мнѣ не отдадите, и впредъ бы у васъ того писма не видалъ. А какъ онъ того письма у меня спрашивалъ и въ то время говорилъ зѣло запалчиво, острыми и гордыми словами которыя трудно и писанію предать. И я

ему говорилъ прежніе свои слова: чего было намъ того таить, естли бы то письмо съ нами послано было, или противъ твоихъ писемъ словами что наказано, и мыбъ тѣ слова тебѣ объявили и письмо отдали, и за то тебѣ на насъ Ц.-го В-ва посланниковъ гнѣватца не зачто. И по тѣхъ разговорѣхъ велѣлъ принесть кавы (кофе), самъ чашку выпилъ и меня подчивалъ; и велѣлъ идти отъ себя зъ беемъ на подворье и готовитца зъ грамотою В-го Государя къ Хану, на посольство. Яжъ ему говорилъ: чтобъ онъ Великому Государю нашему послужилъ, а намъ бы показалъ свою любовь, въ то время когда будемъ предъ Хановымъ В-мъ на посольствѣ и станемъ ему по чину честь и поклонъ отдавать, чтобъ насъ за шеи не брали и силою до земли не нагибали, и тѣмъ насъ не безчестили; мы и сами поклонимся по надлежащему чину. И Агметъ-ага сказалъ: для добраго-де вашего

посольства нагибать силою васъ не велитъ, буде вы сами до земли поклонитесь, также бы де и Царское В-во изволилъ Крымскымъ посланникомъ и гонцомъ въ нагибаньѣ поклоновъ поволыность учинить.

За тѣмъ разошлись. И пришедчи на подворье, одѣлись въ доброе платье и устроясь по посольскому чину, сѣли на лошади и поѣхали къ Ханову Величеству вмѣстѣ съ приставомъ своимъ съ розмѣнныымъ беемъ. Предъ собою прежде велѣли ѣхать въ рядъ двумъ человѣкомъ, подьячему Леонтью Басманову, толмачю Григорью Порываеву. За ними въ рядъ двумъ человѣкомъ переводчикомъ, Кутлу-Мамету Устокасимову, Ахмету Шакулову, за нимижъ въ рядъ ѣхали передъ нами зъ грамотою Великого Государя, по правую сторону, писарь Гетмана Ивана Самойловича Семенъ Раковичь, по лѣвую сторону, подьячей Лука Фроловъ съ любительными Его В-го Государя поминки. А

за ними ѣхали въ рядъ же, мы посланники Ц.-го В-ва; а позади насъ люди наши ѣхали тѣмъ же порядкомъ. А приставъ бей розмѣшной ѣхалъ предъ всѣми посольскими людми на преди, и не доѣзжая до воротъ Ханского двора, саженъ за 30, всѣхъ насъ остановили копычеи и семейни и велѣли ссѣсть съ коней и итить пѣшимъ. И мы о томъ съ приставомъ и съ копычеями спорывались много и хотѣли ѣхать до самыхъ воротъ, и они насъ задержали и лошадей подъ нами остановили, и далѣ ѣхать не пустили. И мы ссѣдчи съ лошадей шли до Ханского двора, и дворомъ, и въ хоромы къ Хану вошли въ шапкахъ, тѣмъ же посольскимъ порядкомъ, и вшедчи стали посреди палаты, и увидѣвъ Ханово Величество шапки сняли и поклонились ему до земли, собою безо всякіе неволи, за договоромъ вышеупомянутымъ зъ ближнимъ человѣкомъ. Ханъ сидѣлъ въ правой сторонѣ палаты,

въ углу, на бархатномъ червчатомъ ковре опершися о подушки золотные. Онъ особою своею строенъ и дороденъ, лица красного, взоромъ светелъ и веселообразенъ, среднего веку, волосомъ черенъ съ сединою, бороду краситъ. Платье на немъ, портище суконное муромъ зеленое на соболяхъ, турецкимъ строемъ, подъ исподомъ кафтанъ тафтяной алой цветъ; шапка—сукно красное съ соболемъ—татарская. Въ полате по стенамъ обитья никакова небыло, толко надъ нимъ Ханомъ виселъ на гвозди саадакъ ево и сабля и пиногоръ бархатной. Ближніе люди стояли по обе стороны подле стенъ въ рядъ, въ одинъ человекъ. Платье на нихъ турецкимъ и татарскимъ строемъ, въ челмахъ и шапкахъ.

Посольство мы, Царского Величества посланники, правили чиномъ надлежащимъ, симъ нижепомянутымъ образомъ. Первую речь говорилъ я Василей: «Божіею мило-

стію, Великій Государь, Царь и Великій Князь Өеодоръ Алексѣевичъ Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ и Государь и облаадатель, Великіе Орды вамъ Муратъ-Гирееву Ханову Величеству велѣлъ поклонитися и здоровье ваше видѣть». А изговоря ту рѣчь поклонилися. И Ханъ выслушавъ рѣчь, спрашивалъ Великаго Государя о здоровьѣ, сидя въ шапкѣ, а молвилъ: Великого Государя Вашего Его Царское Величество какъ Богъ милуетъ? Вторую рѣчь говорилъ я Никита: «Какъ мы поѣхали отъ Великого Государя Царя и Великого Князя Өеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, и Божіею милостію Великій Государь Царь и В. К. Өеодоръ Алексѣевичь всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель Восточныхъ и

Западныхъ и Сѣверныхъ отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ и Государь облаадатель на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія въ добромъ здоровьѣ». Третью рѣчь говорилъ я Василей: «Великій Государь Ц. и В. К. Ѳеодоръ Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Восточныхъ Западныхъ и Сѣверныхъ отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ и Государь и облаадатель Его Царское Величество прислалъ къ вамъ Мурату-Гирееву Ханову Величеству своего Царского Величества любительную грамоту». И подалъ Великого Государя грамоту Хану, въ тафтѣ. А ханъ принявъ тоя Вел-го Г-ря грамоту отдалъ ближнему человѣку Агметъ-агѣ. Четвертую рѣчь говорилъ я Никита: «Великій Государь Ц. и В. К. Ѳеодоръ Алексѣевичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель Вост. и Запад. и Сѣверныхъ отчичь и

дѣдичь и наслѣдникъ и Государь и облаадатель Его Ц-кое В-во прислалъ къ вамъ Муратъ Гирееву Ханову Величеству свои Царского Величества любительные поминки». А изговоря рѣчь, являлъ поминки по росписи, безъ цѣны и безъ ярлыковъ, 40 соболей, вмѣсто лисицы черной пара соболей, да двѣ пары соболей. Подносилъ тѣ поминки Ханову Величеству я Василей Тяпкинъ. А при Ханѣ, близко будучи, принималъ тѣ поминки у меня изъ рукъ ближней ево Ханова человѣкъ, болшой казнодаръ. Пятую рѣчь и посольское дѣло объявлялъ я Василей: «Великій Г-рь Царь и В. К. Ѳеодоръ Алексѣевичъ всея В. и М. и Б. Россіи Самодержецъ, и многихъ царствъ и земель Вост. и Зап. и Сѣв. отчичь и дѣдичь и наслѣдникъ и Государь и облаадатель вамъ Муратъ-Гирееву Ханову Величеству велѣлъ говорить. Въ прошломъ во РПЗ (1678) году по обсылкамъ съ Салтановымъ Величествомъ Тур-

скимъ, и по присылкѣ вашего Ханова Величества гонцовъ съ листами, были посланы къ Вашему Ханову В-ву Великого Государя нашего Е. Ц-го В-ва посланники Иванъ Сухотинъ съ товарыщи, для его государскихъ дѣлъ. И въ прошломъ $\frac{7186}{1678}$ году къ Великому Государю, къ Е. Ц-му В-ву писалъ ваше Ханово Величество въ листу своемъ, съ гонцы своими съ Халилъ-агою съ товарыщи, что его Ц-го В-ва отъ посланниковъ къ дѣламъ государства Е. Ц-го В-ва полезныхъ словъ не было, толко въ рукахъ ихъ былъ чертежъ. И Великій Государь Е. Ц-ое В-во увѣдавъ исъ того Вашего Ханова Величества листа, и что посланника прежнего, товарищъ дьякъ Василій Михайловъ безъ указу Его Ц-го В-ва пріѣхалъ къ Москвѣ, указалъ послать насъ своего Царского В-ва посланниковъ для договору, который надлежитъ ко оному постановленію сосѣдственные дружбы съ вашимъ Хановымъ Величествомъ, а съ

Салтановымъ Величествомъ Турскимъ ко укрѣпленію исконныя брацкія дружбы и любви. И чтобъ ваше Х—во В—во велѣлъ ближнимъ своимъ людемъ тѣхъ дѣлъ у насъ выслушать и договоръ учинитъ, чтобъ В. Ханово В—во съ Великимъ Государемъ съ Е. Ц. В. имѣлъ сосѣдственную дружбу и любовь по прежнему; а плѣнъ и войну на обѣ стороны оставить, и невольникомъ размѣна учинить». А какъ мы посланники Ц—го В—ва то свое посольство правили, и въ то время въ палатѣ молчаніе и тихость были велія, и Ханъ посольства нашего слушалъ внятно и прилѣжно. По томъ принесли предъ Хана кафтаны золотные. Первой кафтанъ надѣли на пристава нашего, на розмѣннаго бея, и бей надѣвъ на себя кафтанъ, снявъ съ себя шапку и приступилъ къ Ханову В—ву наклоняся поцѣловалъ въ правую его полу. А послѣ надѣли кафтаны на насъ, да на переводчика и велѣли ѣхать на подворье и

и быть до указу. А какъ къ Хану на дворъ и въ харомы шли и отправя посольство назадъ зъ двора пошли, и въ ту пору встрѣчали и провожали насъ многіе князи и мурзы, знатные и честные люди.

И по маломъ времени бей, приставъ къ намъ пришелъ на подворье и говорилъ мнѣ Никитѣ, чтобъ я для общихъ государскихъ дѣлъ видѣлся съ ближнимъ человѣкомъ Агметъ-агою. И посовѣтовавъ мы о томъ межъ собою, пошелъ я Никита съ беемъ и съ переводчикомъ и съ подьячими въ домъ, къ ближнему человѣку, и вшедши къ нему въ хоромы, съ нимъ привитался; и велѣлъ мнѣ сѣсть на предъуготованномъ мѣстѣ противъ себя близко, и спрашивалъ меня о здоровьѣ, я ему жъ потомужъ взаимно поздравилъ. Потомъ далъ мнѣ Великого Государя грамоту, каковую мы поднесли Ханову Величеству, и говорилъ мнѣ чтобъ ту Великого Государя грамоту для выразумѣнія

имъ вычесть въ слухъ, потому что съ нимъ сидѣли розмѣнной бей и иные Ханскіе ближніе люди. И я Никита у него Агметъ-аги принявъ Великого Государя грамоту челъ въ слухъ; а переводчикъ Ахметъ-Шакуловъ съ моихъ словъ переводилъ. А выслушавъ тое В-го Г-ря грамоту взялъ у меня къ себѣ онъ Агметъ-ага, а сказалъ, чтобъ намъ въ отвѣтѣ быть къ нему по обвѣщенію, инымъ времянемъ. Онъ Агметъ-ага упоминался и говорилъ мнѣ Никитѣ, зъ злобою великою, что къ нему Царского Величества посольского думного дьяка письма пѣтъ, или-де есть, да вы его таите, не хочите сами отдать для гордости; а будетъ де послѣ съ кѣмъ пришлете мимо себя, и я-де того письма не приму. И я Никита ему говорилъ: естлибъ такое письмо у насъ было, и мыбъ ему поднесли съ честію сами, а таить намъ, не для чего, и пожитку въ той неотдачѣ государственнымъ дѣломъ

кромѣ твоей злобы нѣтъ; а гордости нашей въ томъ предъ тобою никакой не бывало, и впредъ не увидишъ. А по указу В-го Г-ря посланы мы къ Ханову В-ву не гордости своей показывать и не прихотей своихъ исполнять, токмо для великихъ государскихъ общихъ дѣлъ, которые надлежатъ къ мирному постановленію и къ сосѣдской дружбѣ и любви. И Агметъ-ага говорилъ: то-де дѣло зѣло доброе, дай Боже благовременно началось и благополучно совершилось, а Ханово-де Величество и мы, всѣмъ Крымомъ, такова добраго мирного дѣла желаемъ. И отпустилъ меня съ любовію; а съ подворья приказалъ бею съ нами ѣхать на посольскій дворъ.

А потомъ у Калги, Тактамышъ-гирея и у Нурадына Саадетъ-гирея салтановъ были мы въ разныхъ числѣхъ, и отъ Великого Государя поклонъ правили и грамоты подали и про Его Царского Величества здоровье

имъ сказывали и поминки являли и рѣчь о посольскихъ дѣлѣхъ говорили по наказу, противъ тогожъ какъ и Ханову Величеству. и Калга и Нурадымъ салтаны Великого Государя грамоты у насъ приняли и про здоровье Его В-ва спрашивали, и поминки приняли и посольства нашего выслушали и золотные кафтаны на насъ велѣли положить тѣмъ же чиномъ какъ и Ханово Величество. Поминковъ поднесли Калгѣ и Нурадыну салтаномъ, вмѣсто черныхъ лисицъ, по парѣ соболей, да особно по двѣ пары соболей. Калга Токтамышъ-гирей-салтанъ дебелой, росту и вѣку средняго, лицемъ и взоромъ свѣтелъ, въ словесѣхъ благоувѣтливъ; борода руса средняя. Одежда на немъ кафтанъ соболей подъ красным сукномъ, шапка суконнымъ татарскимъ строемъ; сидитъ на бархатномъ коврѣ опершися на бархатные золотные подушки. Въ палатѣ по стѣнамъ обитье золотные; ближніе ево

люди при немъ стоятъ по объ стороны палаты. Нурадынъ Саадетъ-гирей-салтанъ молодъ, лѣтъ въ 30, лицомъ добръ, однимъ глазомъ кривъ, ростомъ повысокъ; разуменъ и въ разговорѣхъ ласковъ. Платье и шапка на немъ соболье, татарскимъ строемъ; сидитъ на бархатномъ коврѣ оперши ся на золотные подушки. Стѣны въ палатѣ ево обиты завѣсами золотными; ближніе ево люди при немъ стоятъ по обѣ стороны палаты. А принимали и встрѣчали и провожали и отпускали насъ ближніе ихъ люди съ такою честью, что и у Ханова Величества. Великого Государя жалованья Ханова Величества и калги и нурадына салтановъ ближнимъ ихъ людемъ соболи остосланы по росписи, какова подъ наказомъ, съ переводчикомъ съ Ахметъ-Шакуловымъ, да съ подъячимъ съ Леонтьемъ Басмановымъ, все сполна.

Октября 28 д. на посольскомъ стану

говорили мы Ивану Сухотину, чтобъ по указу В-го Г-ря и по грамотѣ, отдалъ намъ Статейный свой списокъ, для того, что намъ назначено въ отвѣтѣ быть вскорѣ. И онъ Иванъ намъ сказалъ: что есть у него Статейной списокъ написанъ въ черпѣ, а на бѣло переписать не успѣлъ потому, что онъ и подьячіе во все лѣто лежали болны. И мы ему говорили, чтобъ онъ готовостью того списка не умедлилъ, а для скорости бытья нашего въ отвѣтѣ объявилъ бы намъ словесно, какіе у него договоры въ отвѣтѣхъ съ ближними Хановыми людми были и естли что съ тѣхъ договоровъ въ крѣпкомъ постановленіи. И онъ Иванъ намъ сказалъ: что у него въ отвѣтѣ съ Хановыми ближними людми о государскихъ мирныхъ дѣлѣхъ договоры по наказу были, и о томъ онъ къ Великому Государю къ Его Ц-му В-ву съ Леонтьемъ Григорьевымъ, а послѣ Леонтія, съ толмачемъ, съ Иваномъ Свиридовымъ

писалъ, а въ совершенное постановленіе тѣ ево Ивановы договоры не приведены для того, что о разграниченіи земель между государствъ учинился споръ. Да и боярину Василью Борисовичу Шереметеву про тѣ договоры вѣдомо, по тому, что онъ по указу В—го Г—ря то посольское дѣло вѣдалъ и при тѣхъ ево Ивановыхъ договорѣхъ былъ самъ и къ Великому Государю онъ бояринъ Василій Борисовичъ писалъ отъ себя, а въ отпискѣ-де ево, о ево Ивановыхъ договорѣхъ написано съ его отпискою сходно. И мы у него Ивана о томъ выслушавъ говорили розмѣнному бею, чтобъ намъ Ханово В—во поволилъ видѣтца съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ для того, что есть къ нему отъ Великого Государя милостивая грамота; да и намъ бы, по должности своей христіанской, ево посѣтить и челомъ ударить.

И Октября въ 30 день пріѣхалъ къ

намъ на посольскій дворъ розмѣнной бей и говорилъ: что по указу Ханова В—ва велѣно намъ быть во отвѣтѣ у ближнихъ людей, а прежде велѣлъ намъ посланникомъ Царского Величества заѣхать въ Жидовской городокъ, зовомой Кала̀, и видѣтся съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ и отъ него ѣхать въ отвѣтъ, къ ближнимъ людемъ. Да онъ же бей намъ говорилъ: велѣли—де ему насъ посланниковъ спросить ближніе люди, мочноль при отвѣтѣ нашемъ быть тутожъ и боярину Василью Борисовичу. И мы ему сказали: что то дѣло доброе, и боярину Василью Борисовичу ради. И сѣдчи на лошади поѣхали съ нимъ беемъ къ боярину къ Василью Борисовичу. А пріѣхавъ къ боярину Василью Борисовичу Великого Государя милостивую грамоту иево Царское жалованье 100 червонныхъ золотыхъ, да 40 соболей цѣною въ 50 рублевъ, ему боярину, также и стольнику князь Андрею

Ромодановскому свожъ Государева жалованья 50 золотыхъ червонныхъ да 40 соболей цѣною въ 25 рублевъ поднесли. И бояринъ Василей Борисовичь Великого Государя милостивую грамоту выслушавъ, также и сво Государево жалованье, золотые и соболи принявъ, они бояринъ Василей Борисовичь и стольникъ князь Андрей на его Государской милости благодарственно, съ радостными слезами, били челомъ. А что де ему боярину Василью Борисовичу предъ прежними годами Государское жалованье прислано съ убавкою и о томъ зѣло опечалился и плакалъ горько, разумѣваючи на себя нѣкакой гнѣвъ Государской. И послѣ того изволилъ съ нами говорить въ тайнѣ, безъ бусурмановъ, о крымскихъ посольскихъ дѣлѣхъ, и спрашивалъ насъ: тѣ дѣла, съ которыми мы присланы, ему боярину Василью Борисовичу вѣдать, указано ль? И мы ему объявили, что такова Великого Г-ря

указу, чтобъ ему тѣ дѣла вѣдать съ нами, къ нему не прислано. И онъ бояринъ Василей Борисовичь за то благодарилъ Бога и Государскую милость, что онъ отъ того дѣла учиненъ свободенъ; а прежде сего отъ посольства Ивана Сухотина въ Государскихъ дѣлѣхъ, которые онъ бояринъ вѣдалъ, имѣлъ отъ бусурмановъ великое подозрѣніе и убытки и не вольные трудности. По томъ мы ему извѣщали о посольскихъ договорахъ, что слышали отъ Ивана Сухотина, и ево докладывали тѣ посольскіе договоры съ Хановыми ближними людми постановленными, и ему боярину извѣстноль? и при тѣхъ договорѣхъ онъ бояринъ Василей Борисовичь былъ ли? И бояринъ Василей Борисовичь намъ объявилъ, что Иванъ Сухотинъ про тѣ договоры сказалъ намъ правду, потому, что всѣ тѣ ево Ивановы договоры, по наказу, въ отвѣтѣхъ были при немъ бояринѣ Василье Борисовичѣ. И къ Великому Государю

онъ, о томъ постановленіи, писалъ же во всемъ сходно съ его Ивановою отпискою. А въ совершеніе-де тѣ договоры не приведены для того, что межъ государствъ учинился споръ о разграниченіи земель; да и ближніе-де Хановы люди за чѣмъ тѣ договоры въ совершеніе не приведены, во отвѣтѣ намъ объявятъ. И переговоря о тѣхъ дѣлахъ бояринъ Василей Борисовичъ зъ беемъ и съ нами вмѣстѣ, поѣхали въ отвѣтъ къ ближнимъ людемъ, въ тоже село, гдѣ мы на пріѣздѣ были у Ханова Величества.

И пріѣхавъ въ село, поставили насъ всѣхъ на переднемъ татарскомъ дворишкѣ, до указу. По томъ бей розмѣнной, приставъ нашъ, бывъ у ближнего человѣка Агметъ-аги пришолъ къ намъ. И боярину Василью Борисовичу и намъ посланникомъ Царского Величества говорилъ Хановымъ повелѣньемъ, чтобъ мы шли въ отвѣтъ для посольскихъ дѣлъ къ ближнимъ лю-

демъ. И бояринъ Василій Борисовичъ, и мы, и переводчики, и подьячіе, и толмачи съ нами шли въ отвѣтную палату пѣши, для того, что было переходу намъ не далеко. И вшедчи въ палату, зъ ближними Хановыми людми, съ Агметъ-агою съ товарыщи привитались, и спрося боярина и насъ о здоровьѣ, велѣли намъ сѣсть. Бояринъ Василей Борисовичъ и мы посланники Царского Величества взаимно ихъ поздравя сѣли, на уготованныхъ нискихъ скамейкахъ окрытыхъ коврами, противъ ихъ, по блиску. А сами ближніе люди сидѣли опершися о бархатныя подушки. И противъ боярина Василья Борисовича и насъ не всталъ изъ нихъ ни одинъ, толко встрѣчали насъ на дворѣ и въ сѣнѣхъ многіе мурзы и аги и знатные люди. А въ отвѣтной палатѣ стѣны обиты завѣсами золотными и бархотными чрезъ полосу сшиваны; полъ весь усланъ коврами и попонами цвѣтными. Потомъ не

належащимъ персонамъ велѣли исъ полаты уступить вонъ, остались толко ближнихъ людей Агметъ-ага, Дедешъ–ага, Дефтердарь-ага, бей розмѣнной, Кеманъ-мурза-Сулешевъ, да езычей, се-есть писарь большой Агметъ–аги, которой сидѣлъ одаль отъ нихъ. И умовчавъ немного вопросили насъ Его Царского Величества посланниковъ о нашемъ посольствѣ, и чтобъ мы объявили самую правду не пространными бесѣдами и розговоры, безъ всякихъ околичностей, и лишнихъ словъ, которые болше въ дѣлѣхъ чинятъ трудности и препинаніе, нежели что дѣлъ въ постановленіе приводятъ. И мы имъ соотвѣтствовали, что за нами лишнихъ и пространныхъ словъ нѣтъ и не будетъ, а что намъ отъ Великого Государя нашего Его Царского Величества наказано, то имъ объявимъ и взаемно желаемъ, чтобъ они у насъ со вниманіемъ и съ тихостью выслушали. И они, ближніе люди, намъ молвили:

говорите-де, а они де ради со вниманіемъ слушать. И мы Царского Величества посланники имъ говорили сверхъ нашего посольскаго объявленія, предъ Хановымъ Величествомъ, которое они ближніе люди будучи при Хановѣ Величествѣ отъ насъ слышали. Въ прошломъ во $\frac{188}{1680}$ году прежніе посланники Иванъ Сухотинъ съ товарыщи будучи въ Крыму межъ собою ссорились, и діакъ Василій Михайловъ, изъ Крыму уѣхалъ, а къ Великому Государю Его Царскому Величеству, государь вашъ Ханово Величество въ листу своемъ писалъ, что отъ помянутыхъ отъ посланниковъ, къ дѣламъ Государства Московскаго полезныхъ словъ не было, толко въ рукахъ своихъ держали нѣкакой чертежъ, и чтобъ Великій Государь нашъ Е. Ц-ое В-во для тѣхъ посольскихъ мирныхъ договоровъ и о постановленіи межъ государствъ розграниченія земель съ Салтановымъ Величествомъ Турскимъ изволилъ

къ государю ихъ Хану прислать иныхъ пословъ. А Ханово Величество съ Салтановымъ Величествомъ, о добрѣ переговоря будетъ межъ великими государи посредникомъ и миръ учинитъ. И Великій Государь нашъ Е. Ц-ое В-во выразумѣвъ изъ листа Ханова Величества къ нему Великому Государю писанное, указалъ ѣхать къ государю вашему для мирныхъ договоровъ и для постановленія о розграниченіи межъ государствъ земель, намъ своимъ Государевымъ посланникомъ, и при семъ нашемъ отвѣтѣ, прежде объявленія нашего въ дѣлѣхъ, хощемъ отъ васъ вѣдать:—послы Салтанова Величества Турского въ Крымѣ у государя Вашего Ханова Величества есть ли, и при нашихъ договорѣхъ съ вами ближними Хановыми людми за Салтанову сторону говорить съ нами будутъ ли? И Агметъ-ага и протчіе съ нимъ ближніе люди сказали намъ: пословъ-де Салтановыхъ у Ха-

пова Величества нѣтъ, а повелѣніе и полная мочь о тѣхъ дѣлѣхъ дана отъ Салтана Турского государю ихъ Хану Крымскому; и они ближніе люди имѣютъ отъ своего государя указъ говорити съ нами о всемъ, какъ за Салтана Турского сторону, такъ и за свои Крымскіе юрты, и чтобъ мы Царского Величества посланники съ ними ближними Ханскими людми, за Салтана Турского сторону въ мирные договоры вступили надежно. И мы у нихъ выслуша въ той отповѣди, еще ихъ вопросили: съ прежними Царского Величества посланники, съ Иваномъ Сухотинымъ съ товарыщи, о мирномъ постановленіи по наказу данному имъ отъ В-го Г-ря нашего договоры у васъ бывали-ли, и въ докончанномъ постановленіи учинены-ли, и что учинено? И Агметъ-ага съ товарыщи своими намъ сказали: у прежнихъ-де посланниковъ договоры о государскихъ дѣлѣхъ они слышали, а въ постано-

вленіе приведены будутъ тогда, какъ въ его Царского Величества посланники о розграниченіи межъ государствъ Царского Величества и Салтанова Величества земель имъ межу прямую объявимъ, потому, что-де они ближніе люди у прежнихъ пословъ не слыхали; а государь ихъ писалъ къ Великому Государю Е. Ц-му В-ву:—будетъ Его Царское Величество изволитъ учинить рубежъ по Днѣпръ рѣку, тогда бы и пословъ своихъ къ Ханову Величеству послалъ; а будетъ не изволитъ Его Ц-ое В-во рубежу быти по Днѣпръ, то бы и пословъ своихъ не посылалъ, толко бы ханскихъ гонцовъ Халилъ-агу съ товарыщи велѣлъ отпустить, и чтобъ мы посланники Ц-го В-ва о розграниченіи земель указъ Великого Государя имъ объявили. И мы имъ ближнимъ людемъ говорили: хотя въ листу Ханова В-ва такъ и написано, какъ они ближніе люди намъ объявляютъ, толко Иванъ Сухотинъ

къ Великому Государю писалъ, что у него учинился договоръ по волѣ Великого Государя Е. Ц-го В-ва, а діакъ Василей на Москвѣ сказалъ, что о рубежѣ говорили съ стороны Ханова В-ва по Рось и по Тясминъ и по Ингулъ, и по той Ивановой отпискѣ и по Васильевѣ скаскѣ обнадежена стала межа не по Днѣпръ рѣку. И ближніе люди намъ говорили: слышали они отъ Ивана Сухотина и отъ діака Василья о розграниченіи земель межъ государствъ во объявленьѣ по Рось и по Тясминъ и по Ингулъ во многихъ розговорѣхъ, толко-де въ договоръ о межѣ на тѣ урочищи они, ближніе люди, съ нами Иваномъ и съ Васильемъ не вступали, и слушать того не хотѣли, по тому, что Салтанову В-ву Турскому и и государю ихъ Ханову В-ву по тѣ урочища межи иной кромѣ Днѣпра не чинивать. И будетъ-де вы посланники Царского Величества учнете о той межѣ говорить, о чемъ

Иванъ и Василей объявляли, и мы-де у васъ того слушать и въ отвѣты васъ имать не будемъ, для того, что кромѣ Днѣпровой межи, съ ихъ сторону уступки не будетъ. А будетъ де вамъ о Днѣпровой межѣ договоръ чинить наказано, и мы-де съ вами во всѣ государственные дѣла, о чемъ съ нами будете во отвѣтѣхъ говорить, вступать готовы. И мы имъ въ той Днѣпровой межѣ отказали, а говорили имъ, что посольская наша присылка обнадежена межею по отпискѣ къ Великому государю Ивана Сухотина, и по скаскѣ діака Василья Михайлова какъ они отъ нихъ Ханова В-ва ближнихъ людей слышали, и были обнадежены. А увидався съ Иваномъ будемъ съ вами говорить послѣ, въ иномъ отвѣтѣ. И они на насъ осердились и съ великимъ не вѣжливымъ шумомъ велѣли намъ ѣхать на посольской станъ. А пріѣхавъ на станъ, по указу Великого Государя о договорныхъ

статьяхъ, какъ намъ въ наказѣ написано, справливались съ наказомъ и зъ статейными списки Ивана Сухотина и діака Василья Михайлова и зъ своимъ болшимъ наказомъ; а о объявленіи межи по большому наказу положили мы совѣтъ, съ писаремъ Гетманскимъ, съ Семеномъ Раковичемъ, что намъ ту межу объявить въ другомъ отвѣтѣ. ┼

И Ноября въ 3 день по присылкѣ отъ Ханова В-ва были у ближнихъ ево людей у Агметъ-аги съ товарыщи, въ томже селѣ, въ отвѣтѣ. И ближніе люди въ первомъ словѣ говорили намъ: чтобы мы имъ объявили о межѣ последнее намѣреніе. И мы имъ въ Днѣпровой межѣ отказали по прежнему, что то дѣло нестаточное и указу на то Великого Государя о Днѣпровой межѣ нѣтъ и впредъ не будетъ. А есть намъ Великого Государя Е. Ц-го В-ва о межѣ передъ прежнимъ Царского Величества посланниковъ объявленіемъ новой указъ, которой

межъ государствъ имѣетъ быти въ розграниченіи земель на обѣ стороны зъ добрымъ пожиткомъ и безобидно. И чтобъ оли ближніе люди того Великого Государя нашего Е. Ц-го В-ва указу изволенія о межѣ выслушали у насъ прилѣжно, зъ добрымъ радѣніемъ а не съ шумомъ, а выслушавъ донесли бы то наше объявленіе Ханову Величеству. И они намъ велѣли говорить, а сами обѣщали выслушать прилѣжно. И мы Царского Величества посланники говорили имъ и межу объявили, по большому наказу, такову. Междо государствъ Царского Величества и Салтанова Величества Турского быти розграниченію земель и межъ,—взявшися отъ мѣстечка Василькова, издавна до Кіева належащаго, до дороги Хвастовской, полемъ. А на томъ полѣ до дороги Хвастовской покопать копцы, а дорогою Хвастовскою мимо мѣстечки Ракитною и Олшанку къ мѣстечку Синицѣ, до рѣки Роси, приве-

сти по берегу Роси, тутже блиско имѣетъ вестися до рѣки Ирденя, а по берегу Ирденя до рѣки Тясмины, а по берегу Тясмины приведчи ниже Чигирина въ милѣ, гдѣ рѣчка Чюта впадаетъ, взявшися изъ подъ лѣса Чюта званого, въ Тясмину, опять имѣетъ быти отъ Тясмина проважена поперегъ, по-надъ рѣчкою Чютою и по подъ лѣсомъ Чютою съ того боку отъ Чигирина до верху рѣчки малого-Ингулца, а по-надъ Ингулцомъ симъ бокомъ отъ Днѣпра имѣетца провадити мимо Сѣчи, противъ рѣчки Посаковки въ Днѣпръ впадающей, а противъ Посаковки пришедчи опять отъ Ингульца-малого до верха Посаковки поделать полемъ копцы, а Посаковкою придти до самого Днѣпра. А отъ того розграниченія до Богу рѣки, нигдѣ Салтанову В-ву Турскому такожъ и Ханову В-ву на Казацкихъ прежнихъ жилищахъ, отъ Бога рѣки до вышепомянутыхъ рѣкъ и рѣчекъ, та-

кожъ и вновь нигдѣ городовъ и мѣстъ и мѣстечекъ не ставить и не заводить, и старыхъ не починивать и людми своими не населять, и юртами не кочевать; и поволитъ ни кому не велѣть и Великого Государя Е. Ц-го В-ва съ стороны никого не призывать и не принимать, и поволитъ ни кому не велѣть же. А которые городы или села или иные какіе ни есть зовомые мѣста Казацкого поселенія обрѣтаютца нынѣ межъ Богомъ, и съ тѣмъ вышепомянутымъ розграниченіемъ и съ тѣхъ мѣстъ жителей выслать и дать имъ волю, куды они походятъ туды и пойдутъ, а самые тѣ мѣста разорить, чтобъ впредъ отъ того у В-го Г-ря у Е. Ц-го В-ва съ Салтановымъ В-мъ Турскимъ и съ Его Хановымъ В-мъ какая ссора и недружба не учинилась, а былобъ сохранно во всякой твердости, безъ нарушенія, и войны ни за что не вчинать.

И Агметъ-Ага, и всѣ съ нимъ будущіе

ханскіе ближніе люди, выслушавъ того нашего объявленія разсмѣялися и съ подивленіемъ намъ говорили: будетъ де толко за вами дѣла есть, что вы теперво намъ объявляете, и такову межу показуете, то не пошто-де было вамъ сюды и ѣздить, потому, что еще въ той межѣ отказано прежнимъ помянутымъ посланникомъ, и съ тою вѣдомостью отпущенъ къ Царскому Величеству Леонтей Григорьевъ и дьякъ Василей Михайловъ и гонецъ государя ихъ Хана; а приказано де имъ Леонтью и Василью отъ Ханова В-ва извѣстить Великому Государю, также и зъ гонцомъ ихъ въ Ханскомъ листу писано,—если по Днѣпръ изволитъ Великій Государь межу учинить, на томъ и миръ станетца; и съ стороны-де Ханова В-ва по Рось и по Тясминъ и по Ингулъ уступки не бывало и впредъ не будетъ. А Царскому де Величеству пристойнѣе было вѣрить написанному дѣлу въ Хановѣ листѣ, а не

Ивановой отпискѣ Сухотина и Васильевѣ скаскѣ Михайлова, для того, что-де за ихъ межъ собою развратомъ слушать было у нихъ нечего и договоровъ было съ нами чинить не мочно. И мы имъ ближнимъ людемъ говорили: что Иванъ Сухотинъ съ товарыщи, о розграниченіи таковыхъ урочищъ, каковы мы посланники въ сторону Салтанова Величества нынѣ поступаемъ не объявляли, и въ отпискѣ Ивановой къ Великому Государю о томъ не писано, а изволилъ то нынѣ учинить Великій Государь Его Ц-ое В-во для успокоенія обоихъ государствъ народовъ и унятія кровей, и свободы плѣнныхъ въ обоихъ сторонахъ съ великою съ своей Ц-го В ва стороны уступкою многихъ пространныхъ угожихъ земель и рѣкъ. А мочно имъ ближнимъ людемъ то разумѣть, что Салтанову Величеству имѣя пространные государства своего городы и земли для чего за такіе пустые и

малые и не прибыльные земли, которые за тѣмъ розграниченіемъ имѣютъ остатца въ сторонѣ Царского Величества, исконную дружбу розрушатъ, и крови на обѣ стороны, что Богу не пріятно, проливати, и плѣннымъ свободу не давати. И если за такою великою уступкою дойдетъ до войны и кроворазлитія и то отъ Бога на комъ взыщетца, что многими и пространными землями не удоволясь за малое мѣсто земли къ миру не приступать и войну начинать, и будетъ тому метителемъ Богъ, кто обоимъ народамъ не пожелаетъ добра и кровей унятія и плѣннымъ свобожденіе, для того, что по нынѣшнему нашему вышепомянутому предложенію, малая часть земли останетца въ сторонѣ Великого Государя Е. Ц-го В-ва. И приводили мы ихъ, ближнихъ людей, къ тому склоненію всякими пріятными розговоры сколко было возможно, и Государевымъ жалованьемъ обнадежввали, а инымъ

и давали; только отнюдь по тому нашему наговору и обѣщанію склоненіе къ миру по нашему предложенію, не показали. А послѣ того подумали они ближніе люди межъ собою и переговорили тихо и учали намъ говорить: что они по словесному нашему пространному объявленію, межи о розграниченіи межъ государствъ выразумѣть не могутъ и урочищъ таковыхъ не знаютъ, и чтобъ мы имъ, тѣмъ урочищамъ дали писмо, также чертежъ учинили и подписали татарскимъ писмомъ; а какъ-де они по тому нашему писму и по чертежу о межѣ и о урочищахъ выразумѣютъ и о томъ-де они доложатъ Ханову Величеству; а какое-де будетъ Ханова В-ва о томъ изволеніе, тогда они ближніе люди, учинятъ намъ извѣстно и велятъ быть въ отвѣтъ. И мы тѣ ихъ слова выслушали и уразумѣли въ томъ дѣлѣ трудность великую и межъ собою посовѣтовали, хотя намъ о томъ чертежа изъ Посольскаго

Приказу и подано толко безъ такова писма и чертежа обойтитца и къ склоненію ихъ приводить было невозможно, обѣщали имъ прежде письмо выписавъ о межѣ изъ наказу дать, а если по письму не могутъ тѣхъ пограничныхъ урочищъ выразумѣть, тогда и чертежъ дадимъ. Потомъ отпустили насъ на посольскій станъ.

И Ноября въ 5 день на посольскомъ стану приказали мы изъ болшого своего наказу, то пограничное розграниченіе написать переводчикомъ, татарскимъ писмомъ, и написавъ отослали то письмо къ ближнему человѣку Агметъ-агѣ тогожъ числа, съ переводчикомъ Ахметомъ Шакуловымъ. А о чертежѣ призвали къ себѣ въ совѣтъ посланнаго отъ Гетмана Ивана Самойловича, Прилуцкого полку писаря Семена Раковича и казаковъ съ нимъ будучихъ, Тимоѳея Ѳедорова съ товарыщи, которые въ Запорожьѣ по Днѣпру живали и тѣ степные рѣчки и урочища и городы и

мѣстечка взявшися отъ мѣстечка Васильковa, издавна до Кіева надлежащаго, до дороги Хвастовской, и тою дорогою мимо мѣстечекъ Ракитные и Ольшанки и до мѣстечка Синицы и до Роси рѣки и до Ирденя и Тясмины и гдѣ ниже Чигирина рѣчка Чюта впадаетъ, и до рѣчки малого Ингулца даже до рѣчки Иосаковки въ Днѣпръ впадающей, всѣ мѣста и рѣчки и урочищи знаютъ, и говорили имъ: могутъ-ли они тѣ урочища, памятью своею, на чертежѣ написать подлинно; а для подлиннаго выразумѣнія и примѣру, мы посланники Е. Ц. В-ва, показали имъ печатной чертежъ, нѣмецкаго тисненія, всего Московскаго государства и всея Малороссійскія страны обоихъ сторонъ Днѣпра, дажъ до Крыму и до самого Понтискаго моря, вся грады и мѣста и рѣки и урочищи и степи и лѣса изящно изображены, которые подписаны по латинѣ и по польски. И писарь

Семенъ Раковичь съ казаками своими сказали намъ: что мочно примѣняючись къ тому печатному чертежу тѣ урочища, объявленныя межи, имъ памятью и знаемостью своею написать, понежъ тотъ печатной чертежъ съ ихъ знаемостью и съ памятью о тѣхъ урочищахъ зѣло сходенъ. И за тѣмъ нашимъ общимъ совѣтомъ, писарь Семенъ Раковичь чертежъ учинилъ и написалъ сво своею рукою, слово въ слово, какъ тѣ грады и рѣка Днѣпръ и иные рѣки и рѣчки и степные урочища и лѣса въ своихъ положеніяхъ обрѣтаюттся, такъ онъ надъ ними и подписалъ. А надъ тѣми его подписками велѣли мы подписать татарскимъ переводчикомъ.

Ноября въ 7 день, въ вечеру, пріѣхалъ къ намъ отъ ближнего человѣка Агметъ-аги Алледекъ его которой былъ отъ Хана въ гонцахъ на Москвѣ съ Халилъ-агою и сказалъ намъ, чтобъ мы утрѣ рано ѣхали въ отвѣтъ къ ближнимъ людемъ. И По-

ября въ 8 день, по утру рано, съ приставомъ своимъ съ розмѣннымъ беемъ и съ присланнымъ по насъ Халилъ-агою, пріѣхали мы въ греческое село зовомое Мингушъ, отъ нашего стану въ 20 верстахъ, и были у ближнихъ людей Агметъ-аги съ товарыщи въ отвѣтѣ. Въ первыхъ словахъ поздравя намъ и посадя на уготованныхъ мѣстѣхъ, спросили у насъ помянутого чертежа, а по писму де вашему о межѣ хотя и татарски написано выразумѣть совершенно не можемъ. Тогда мы ему говорили: хотя намъ отъ Великого Государя нашего такова указу и нѣтъ, что намъ вамъ чертежъ дать, однакоже мы видя въ томъ дѣлѣ чрезъ недоумѣніе ваше великую трудность, покамѣстъ вамъ тѣ урочища на чертежѣ для лутшего выразумѣнія, и развернувъ чертежъ показали. И ближней человѣкъ Агметъ-ага по тому чертежу подписи всѣ прочелъ и выразумѣлъ и

похвалилъ, что тотъ чертежъ написанъ разумно, правдою, и спросилъ у насъ того чертежа, чтобы мы ему отдали показать Ханову Величеству и инымъ ближнимъ многимъ людемъ, которые тѣ урочища знаютъ. И мы ему говорили по вышереченнымъ своимъ словамъ: такова великого Государя указу, что намъ чертежъ давать, нѣтъ, да и для того вамъ чертежа дать не возможно опасаясь отъ васъ такова озлобленія какъ вы принявъ у прежнихъ Ц—го В—ва посланниковъ у Ивана Сухотина съ товарыщи чертежъ ихъ обругали, и къ Великому Государю нашему въ грамотѣ написали великое поречепіе, что будто отъ нихъ о государскихъ дѣлѣхъ годныхъ словъ ни какихъ не слыхали, толко въ рукахъ держали незнаемо какой чертежъ. А Агметъ—ага говорилъ намъ съ прилѣжнымъ прошеніемъ и по своей вѣрѣ обѣщался клятвенно, чтобъ мы въ томъ никаково пореченія и лжи-

выхъ на себя словъ и писма не опасались, и тогожъ чертежа Ханову Величеству чрезъ ево Агметовы руки донести и посмотрѣть дали, а Ханово де В-во высмотря тотъ чертежъ и выразумѣвъ въ немъ дѣло, по тому укажетъ съ вами и договоры чинить, а тотъ чертежъ онъ Агметъ-ага отдастъ намъ самъ своими руками. А если-де вы за своимъ упрямствомъ того чертежа не дадите, и посольство-де ваше будетъ слѣпотою покрыто и выразумѣть о межѣ безъ чертежа не мочно потому, что не выразумѣвши межи весъ чертежа, словомъ и писму вашему вѣрить нечему и наизустъ такихъ дѣлъ не дѣлаютъ. И мы посовѣтовавъ межъ собою и положась на помощь Господа Бога, тотъ чертежъ ближнему человѣку Агметъ-агѣ отдали. И Агметъ-ага принявъ у насъ чертежъ говорилъ намъ: если-де государь ихъ Ханъ, по указу Салтанова В-ва Турского и самъ за свою сторону по сему вашему объ-

явленію изволилъ учинить межу и розграничченіе земель, и Великій Государь вашъ Его Ц-ое В-во за такое Хана ихъ дружелюбіе и доброе посредство изволитъ-ли обѣщать какіе любителные въ дарѣхъ поминки, и имъ ближнимъ людемъ жалованіе, также и Салтану Турскому и везирю. И мы ему сказали: естли государь вашъ Ханово В-во за Салтанову сторону Турского и за свой юртъ по той нашей объявленной межѣ къ мирнымъ договорамъ склонитца и межу постановитъ и въ шертную грамоту напишетъ и Великій Государь нашъ Е. Ц-ое В-во Салтанову В-ву Турскому и государю вашему Хану, любительные поминки въ дарѣхъ, и везиру Салтанову и вамъ Ханскимъ ближнимъ людемъ свое государское жалованье пришлетъ. А коликое число будетъ, и то объявимъ въ то время, какъ государь вашъ Ханъ къ той помянутой межѣ склонитца и мирной договоръ во всемъ съ нами учинитъ; а не видя

вашего склоненія, обѣщать вамъ ничего не можно. И ближней человѣкъ намъ говорилъ: что прежніе Ц-го В-ва посланники Иванъ Сухотинъ съ товарыщи обѣщали Салтанову везирю ево, и государю ихъ Хану отъ той межи, которую вы объявляете на 45,000 рублевъ, да имъ ханскимъ ближнимъ людемъ 5,000 червонныхъ золотыхъ. На тѣ ево слова мы ему сказали: про такое обѣщаніе Ивана Сухотина мы не слыхали и къ Великому Государю къ Его Ц-му В-ву онъ Иванъ не писывалъ и въ статейномъ ево списку, которой намъ далъ за рукою своею, того не написано. И Агметъ-ага сказалъ: Ивану-де Сухотину съ товарыщи въ томъ обѣщаніи казны запиретца не возможно, потому, что ихъ обѣщаніе было при бояринѣ Васильѣ Борисовичѣ Шереметевѣ, и будетъ де вы въ томъ намъ не вѣрите, и государь ихъ Ханъ велитъ ево Ивана поставить предъ Вами, и въ томъ обѣщаніи допросить

єво при бояринѣ Василье Борисовичѣ и при васъ, въ лицо. И мы ему Агметъ-агѣ говорили: какъ вы хочете себѣ, и съ Иваномъ такъ чините; а мы по указу Великого Государя имѣемъ о томъ особной указъ, а до Иванова такова обѣщанія намъ и дѣла нѣтъ, потому, въ хановѣ грамотѣ къ Великому Государю, посольство его опорочено, и за такимъ порокомъ про єво Иваново посольство и поминать было намъ недлячего. По томъ намъ велѣли ѣхать къ себѣ на подворье и ночевать въ томъ селѣ, для того, что назначилъ намъ быть предъ государемъ ихъ Ханомъ, по утру.

И Ноября въ 9 день пріѣхалъ къ намъ на дворъ бей розмѣнной и велѣлъ намъ съ собою ѣхать къ Хану, въ бакчю зовомую Шуря, на рѣчкѣ на Качѣ, отъ помянутого греческаго села Мангуша въ 10 верстахъ. И какъ мы выѣзжаючи исъ того села будетъ на полѣ, тогда встрѣтилъ насъ отъ

ближнего человѣка, Кеманъ мурза Сулешевъ, сказалъ намъ, чтобъ мы ѣхали къ себѣ на посольской станъ, а у Хана-де имъ быть сегодни, не время. И тогожъ числа пріѣхавъ на станъ, видѣлись мы съ Иваномъ Сухотинымъ, и говорили ему о обѣщательной казнѣ, про которую намъ сказывалъ Ханской ближней человѣкъ, и спрашивали ево: какую онъ казну съ товарыщи своими, Салтану Турскому и везиру, такъ и Хану Крымскому и ближнимъ ево людемъ, и сколко числомъ и отъ какія межи сулилъ, и для чего онъ Иванъ съ товарищи о томъ къ Великому Государю не писали, и въ статейномъ своемъ спискѣ каковъ намъ отданъ, не написанъ, тѣмъ и намъ въ отвѣтѣхъ учинилъ трудность не малую. И Иванъ Сухотинъ намъ сказалъ: что онъ ближнимъ Ханскимъ людемъ отъ послѣдніе Тясминскіе межи Великого Государя казны ничего не суливалъ для того, что они ближніе люди

къ договоромъ о той межѣ не приступили, то-де на него затѣваютъ напрасно; а товарищи-де ево казну сулилиль кто и отъ чего и сколко, того онъ не вѣдаетъ.

Нóября въ 14 день, до свѣта, часа за три, пріѣхали къ намъ отъ Хана и отъ ближнего человѣка Агметъ-аги розмѣнной бей да Халилъ-ага, велѣли намъ и Ивану Сухотину съ нами ѣхать къ ближнему человѣку, въ село Мангушъ, а потомъ назначили намъ быть и у Хана. И мы тогожъ числа изготовясь на отвѣтъ, поѣхали съ ними, а Иванъ Сухотинъ заупрямился мѣстного ради случая, съ нами вмѣстѣ не поѣхалъ и бею сказалъ: естли-де Ханову В-ву или ближнимъ ево людемъ есть до него дѣло, и они-де велятъ ему быть особно. И какъ мы въ помянутое село пріѣхали, а Иванъ остался на стану, и для того ево упрямства, что онъ съ нами вмѣстѣ не пріѣхалъ, ближней человѣкъ намъ быть у себя

не велѣлъ, толко приказалъ къ намъ зъ беемъ и съ Халилъ-агою, велѣлъ насъ спросить: естьли у насъ къ Днѣпровой межѣ склоненіе? И мы сказали: что о Днѣпровой межѣ склоненія у насъ нѣтъ, и впредъ не будетъ, окромѣ того объявленного рубежа, которой мы во отвѣтѣхъ объявили. И тогожъ числа въ вечеру Агметъ-ага велѣлъ намъ видѣтца съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ, по ево боярскому челобитью; а по Ивана Сухотина, ближней человѣкъ, велѣлъ нарочно послать наскоро, тогожъ часа, и велѣлъ ево взять силою. И привезли ево въ то село тойже ночи до свѣта, и поставили на особномъ дворѣ.

Ноября въ 15 день, по утру рано, пришли къ намъ бей розмѣнной да Халилъ-ага, говорили намъ отъ ближнего человѣка: Ивана-де Сухотина про объявленіе государскіе казны, по ево Агметъ-аги съ нами розговоромъ, мы посланники спрашивали-ль и что онъ намъ сказалъ? И мы имъ ска-

зали тѣже его Ивановы слова, которые у него слышали на посольскомъ дворѣ и какъ, о томъ выше сего написано. И приставъ бей выслушавъ у насъ, велѣли намъ съ собою итить вмѣстѣ, на дворъ къ боярину къ Василью Борисовичу, а Иванъ-де Сухотинъ тутъ же будетъ и предъ бояриномъ для обличенія тѣхъ Ивановыхъ запорныхъ словъ во обѣщаніе отъ Тяеминской межи государскіе казны, съ нимъ Иваномъ видѣлись; а бояринъ Василей Борисовичь и они розмѣнной бей и Халилъ-ага, при насъ посланникахъ, въ тѣхъ его словахъ обличатъ. И мы къ боярину къ Василью Борисовичу на подворье пришли съ ними вмѣстѣ; а Иванъ Сухотинъ пришолъ тутъже прежде насъ; и какъ учалъ бояринъ Василей Борисовичь и розмѣнной бей и Халилъ-ага Ивана допрашивать въ помянутомъ дѣлѣ, и онъ Иванъ въ томъ много мялся и того своего дѣла объявить не хотѣлъ, не вѣдомо

для чего. И бояринъ Василей Борисовичь выговаривалъ ему, что онъ напрасно въ томъ мнетца и на себя тѣмъ своимъ запоромъ стыдъ наводитъ, для того, что то обѣщаніе отъ него Ивана съ товарыщи было при немъ бояринѣ Василъѣ Борисовичѣ, и и запиратца въ томъ стыдно, да и на него де боярина тѣмъ своимъ запоромъ, наводить отъ бусурманъ подозрѣніе великое, и нынѣшнему посольскому дѣлу, онъ Иванъ, тѣмъ чинитъ препону не малую, и насъ посланниковъ тѣмъ своимъ запоромъ отъ Хановыхъ ближнихъ людей кладетъ такое недовѣрство. Также и бей розмѣнной и Халилъ-ага выговаривали ему Ивану, острыми словами съ шумомъ, называючи ево лживымъ человѣкомъ, и обличали ево тѣмъ, что онъ по тайному своему наказу, толикое число за Тисминскую межу обѣщалъ вмѣстѣ съ товарищи своими, при бояринѣ Василъѣ Борисовичѣ, а ближніе де Хановы лю-

ди, беи и карачеи и аги и мурзы въ тѣ поры были всѣ. Да и мы посланники ему Ивану въ любовъ говорили удивляючись єво такому затрудненному поступку, для чего онъ отъ насъ въ то Великого Государя дѣло таитъ и въ статейной списокъ не написалъ и на насъ въ томъ наводитъ отъ Хана и отъ ближнихъ людей не православное посольство, потому, что мы въ тѣ слова, что онъ Иванъ казны не обѣщалъ вступили крѣпко, и чтобъ онъ Иванъ оставилъ свое упорство и дѣло свое объявилъ. И онъ Иванъ вынялъ писмо и сказалъ, что то у него выписка исъ тайного наказу и объявленное число обѣщательные Великого Государя казны за Тясминскую межу намъ въ письмѣ своемъ показалъ, гдѣ єво рукою написано: Хану 10,000 червонныхъ золотыхъ, ближнимъ єво людемъ 3,000 червонныхъ золотыхъ, Салтану Турскому и везирю єво на 5,000 рублей соболей, а

болши де того за Тясминскую межу онъ Иванъ не сулиівалъ, а что-де Хановы ближніе люди намъ посланникомъ объявляютъ обѣщательные казны болши того числа, и то-де хотя и сулено, толко отъ первыхъ дальныхъ рубежѣй по Днѣстръ или по Богъ рѣки, а и за Тясминской-де рубежъ какъ казна обѣщана и каковымъ случаемъ посулена и то де одинъ Богъ вѣсть, толко де онъ Иванъ теперво все то одинъ на себя перенимаетъ для того, чтобъ посолькому новому дѣлу остановки не учинить. И говорилъ намъ, чтобъ статейной єво списокъ отдали ему назадъ, а онъ де тѣ свои слова о обѣщательной казнѣ велитъ вписать и закрѣпитъ своею рукою и отдастъ намъ тотъ свой статейной списокъ по прежнему. И мы ему тотъ списокъ обѣщали отдать, тѣ слова вписать, какъ приѣдемъ на станъ. А розмѣнной бей и Халилъ-ага выслушавъ єво

Ивановы слова донесли о томъ ближнему человѣку, а отъ ближнего человѣка приѣедчи бояриму Василью Борисовичу и намъ посланникомъ и Ивану Сухотину сказали, что ближней человѣкъ выслушавъ у нихъ тѣхъ словъ, поѣхалъ къ Ханову В-ву, а намъ приказалъ ѣхать за собою къ Ханову Величеству въ помянутые ево бакчи, на рѣчкѣ на Качѣ, и чертежъ нашъ отдали намъ назадъ.

И тогожъ числа пріѣхали мы къ Ханову двору, сѣли съ коней у воротъ и шли къ нему дворомъ, и въ хоромы вступивъ по посольскому чину въ шапкахъ и ставъ посредѣ палаты, бояринъ Василей Борисовичь и мы съ нимъ снявъ шапки поклонились Ханову В-ву до земли. Потомъ бояринъ Василій Борисовичъ подступя ближе и чрезъ переводчика Кутлу-Мамета Устокасимова, спрашивалъ Хана о здоровьѣ, а говорилъ: я отъ вашего Ханова Величества невольникъ

видя ваше государское здоровье радуюсь и вопрошаю, какъ Господь Богъ ваше Ханово В-во милуетъ и по-здорову ли пребываеши, понеже много лѣтъ сидючи въ неволѣ, очей твоихъ не видалъ? Ханъ выслушавъ веселымъ лицемъ отвѣщалъ самъ и рекъ: тебя де взаимно помилуетъ Богъ и здорово ли ты пребываешъ? И бояринъ В-й Б-чъ говорилъ: милостію Божіею и твоимъ государскимъ жалованьемъ въ живыхъ, яко убогій невольникъ, обрѣтаюсь. Тогда Ханъ ево боярина Василья Борисовича почтилъ и велѣлъ ему сѣсть. И онъ Бояринъ В-й Б-чъ Ханову В-ву, за такое ево милосердіе билъ челомъ а не сѣлъ, и говорилъ чрезъ тогожъ переводчика: сидѣть де ему теперво негодитца для того, что Великого Государя Его Ц-го В-ва посланники призваны править посольство. И онъ Ханъ на тѣ ево слова умолчалъ, а онъ потомъ училъ говорить Ивану Сухотину: ты-де былъ прежде къ

намъ присланъ и договоры съ нашими ближними людми чинилъ и казну обѣщалъ и намъ то отъ ближнихъ людей вѣдомо; а нынѣ-де, для чего въ томъ запираешся, мы де тебѣ по вѣрющей Царского Величества грамотѣ вѣрили, а ты своимъ запоромъ показуешъ себѣ ложъ. И Иванъ Сухотинъ Ханову В-ву говорилъ: какіе де онъ договоры зъ ближними ево людми чинилъ и и что казны обѣщалъ при томъ и теперво стоитъ и не запираетца ни въ чемъ. А что де товарищъ ево дьякъ Василей Михайловъ воровалъ и по ночамъ къ ближнимъ ево людемъ ѣздилъ и подарки развозилъ и дѣла ложные объявлялъ и откупясь къ Москвѣ отъ вашего Ханова В-ва отпущенъ, того онъ Иванъ не вѣдаетъ. А какіе де статьи о мирныхъ договорѣхъ онъ Иванъ будучи во отвѣтѣхъ объявлялъ и о томъ де къ Великому Государю бояринъ Василей Борисовичь и онъ Иванъ писали, и тѣ ево

Ивановы слова передъ Хановымъ В-вомъ бояринъ В-й Б-чъ освидѣтельствовалъ тѣмижъ словами. Потомъ Ханово Величество говорилъ намъ Ц-го В-ва посланникомъ: писалъ де онъ Ханъ къ Великому Государю чтобъ границѣ быть межъ государствъ Е. Ц-го В-ва и Салтана Турского по рѣку Днѣпръ, также и о Кіевѣ и о всѣхъ Малороссійскихъ народахъ и земляхъ, и Царское В-во слова ево Хановы поставилъ не крѣпко и въ грамотѣ своей ни каково явного соотвѣтствованія къ нему Хану отписать не изволилъ, только де во всемъ велитъ вѣрить вамъ посланникомъ, что вы учнете объявлять и говорить. И вы де посланники Его Ц-го В-ва будучи въ первомъ отвѣтѣ съ нашими ближними людми на словахъ объявили, а послѣ на писмѣ и на чертежѣ показали какъ быть границѣ. И ему де Хану ближніе ево люди словесные наши отвѣты а послѣ и на писмѣ и на чертежѣ розграниченіе

землямъ показали, и ево де Ханово В-во то наше писмо челъ и на чертежѣ выразумѣлъ, что тотъ чертежъ учиненъ самымъ дѣльнымъ расположеніемъ тѣхъ урочищъ и рѣкъ и рѣчекъ и земель; а выразумѣвши де велѣлъ тотъ чертежъ отдать вамъ назадъ для того, что Салтаново Величество Турской изволяетъ и онъ Ханъ къ Великому Государю къ Его Ц-му В-ву писалъ, что быть межъ государствъ розграниченію землямъ по рѣку Днѣпръ и по Кіевъ, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ нога войскъ ево Салтановыхъ заступила, а уступки по ихъ мусульманскому закону болши того, хотя Царское Величество изволилъ и казну многую Салтанову Величеству обѣщать, не будетъ; а мусульманскихъ де царей слово едино и непремѣнно и къ содержанію крѣпко. Того бы ради Е. Ц-е В-во и пословъ своихъ посылалъ а по вашему де посланничью нынѣшнему объявленію межи, и на чертежѣ показанному роз-

граниченію, Салтанъ Турской не учинитъ. И мы посланники предъ Хановымъ В-вомъ говорили: хотя къ Великому Государю нашему къ Его Ц.-му В-ву отъ васъ Ханова В-ва въ грамотѣ съ стороны розграниченія межи по Днѣпръ, широко и пространно писано, толко, Государь, тому розграниченію по Днѣпръ состоятися не возможно, а потребнѣе всѣхъ словъ и пріятнѣе въ грамотѣ вашей Ханова В-ва Великому Государю нашему Е. Ц.-му В-ву показалось, гдѣ написано, что ваше Ханово В-во сосѣдцкіе дружбы и миру желаете и съ Салтаномъ Турскимъ переговоря о добрѣ, будете посредникомъ и миръ учините, того ради и насъ посланниковъ своихъ къ твоему Ханову В-ву послалъ и велѣлъ вашему Ханову В-ву о томъ вашемъ изящномъ словѣ, еже глаголется посредникъ, для лутчего выразумѣнія, чтобъ то слово посредникъ значилось, известись подробну, толкобъ ты Государь изволилъ

насъ милостиво и пріятно выслушать. И Ханово В-во велѣлъ намъ говорить: а онъ де радъ будетъ слушать съ любовію.

И мы говорили тѣми словами. Хотя у насъ того въ наказѣ было не написано, посредничество, Государь, разумѣетца дѣло высокое и богоугодное и любви достойное, егожъ подобаетъ содержати и начати и совершати право, разсмотрительнымъ разсужденіемъ, якоже посредѣ двухъ соперниковъ единому засѣдающу праведному судіи, дабы межъ оными всякую вражду успокоить, и всѣ заходящіе ссоры съ обоихъ сторонъ искоренить и на обѣ стороны безо всякіе кривды и обиды и хитрости миръ учинить, чтобъ то на обѣ стороны было съ радостію а не съ печалію пріемно. И Великій Государь нашъ Е. Ц-ое В-во разсуждая своимъ государскимъ мудрымъ и пресвѣтлымъ разумомъ о изящномъ словеси вашего Ханова В-ва, еже именуешися посредникъ, и согла-

суясь съ своими государскими прежними мудрыми ближними людми положилъ, по Бозѣ, надежду свою въ томъ посредничествѣ на ваше дружелюбіе еже изволите ваше Ханово В-во въ томъ великомъ государственномъ общемъ дѣлѣ праведнымъ мѣриломъ высокого разума своего на обѣ стороны прилѣжно и пріятно въ мирѣ поступить и межъ Его Ц-мъ В-вомъ и Салтаномъ Турскимъ миръ учинить, и межи розграничить безъ всякіе хитрости и обиды по выреченному и на писмѣ и на чертежѣ показанному объявленію, а не по Днѣпръ и не по Кіевъ. Яко посредникъ, не суть долженъ восхищеніемъ своимъ или силою, не боясь суда Божія, одну сторону чрезъ мѣру удоволить а другую въ великой обидѣ видѣть, и такой бы посреднической миръ въ крѣпости и въ долготѣ времяни стояти не возмоглъ. А Великому Государю нашему Его Ц-му В-ву каковые бы ради неволи или

упадку и безсильства по Днѣпръ и по Кіевъ уступить; понеже при ближней помощи въ великихъ и несмѣтныхъ и сильныхъ ратѣхъ своихъ, мечь свой государской высоко содержитъ и далеко по всюду простираетъ, и всякому непріятелю, а паипаче тому, еже не правдою находящему на ево государскіе грады и земли, которые отъ Всемогущаго Господа Бога ему Государю врученные и повѣренные отпоръ дастъ всегда и впредъ при надеждѣ Божія милосердія и при вѣрѣ ево святой христіанской, силы ево государскія всѣмъ сопротивящимся въ крѣпости храбрства своего не ослабѣваютъ, то вашему Ханову Величеству яко ближайшему сосѣду самому извѣстно. И Ханъ выслушавъ слова наши внятно, говорилъ самъ и ближніе люди къ тому пристали: въ томъ де дѣлѣ кому Богъ поможетъ; а по вашему де объявленію ево Ханово В-во для исконныя дружбы и любви съ Царскимъ Вели-

чествомъ розграниченіе земель по ево государской волѣ радъ бы учинилъ и стоять бы ему Хану за то не за-что, по тому, что та не ево Ханова земля; толко де онъ въ томъ самъ не волецъ и безъ указу Салтана Турского учинить ему не возможно и иного и ни какова указу отъ Турского Салтана о разграниченіи земель кромѣ Днѣпра и Кіева нѣтъ и впредъ не будетъ. И будетъ де вамъ сверхъ сего вашего объявленія отъ Великого Государя вашего дана полная мочь въ постановленіи межи по рѣкѣ Днѣпру, и вы вступайте въ то дѣло не мѣшкая, по тому, что де у насъ исконной обычай—многихъ и пространныхъ словъ слушать не любимъ. И мы ево Ханову Величеству говорили: если бы Великій Государь нашъ Е. Ц-ое В-во о такой не склонности вашего Ханова В-ва вѣдалъ, и онъ бы Великій Государь насъ посланниковъ послалъ съ тѣмъ нашимъ посольствомъ мимо

вашего Ханова Величества къ Салтану Турскому, по тому, что Салтаново В-во и везирь ево писали къ Великому Государю Его Ц-му В-ву не одиножды зъ желательнымъ изволеніемъ, чтобъ для тѣхъ мирныхъ договоровъ Царское В-во изволилъ къ нему Салтану пословъ своихъ прислать. А Великій Государь Е. Ц-ое В-во надѣясь на правосодержательное ваше Ханово В-во посредство и желаючи сосѣдцкіе дружбы и любви и великіе вамъ прибыли и свободного пожитку, презирая посолство къ Салтану Турскому, послалъ насъ прежде къ вашему Ханову В-ву, обѣщевая вамъ великую свою государскую казну за прошлые за три годы и впредъ погодно, по старымъ росписямъ, чтобъ ни какимъ впредъ ссорамъ не быть и воинское кроворазлитіе унять и въ неволѣ страждущихъ людей, на обѣ стороны на окупъ и на розмѣну, свободить и межъ государствъ Е. Ц-го В-ва и Солтана Турского

розграничечье земель, межу учинить по сему нашему объявленію, и чтобъ ево Ханово В-во нынѣ отъ себя изволилъ насъ отпустить съ тѣмъ нашимъ посольствомъ къ Салтану Турскому, гдѣ надѣемся на помочь Всесильнаго Бога и на братолюбіе ево Салтанова Величества къ Великому Государю нашему, что онъ по сему нашему посолскому объявленію къ миру склонитца и розграниченіе земель, межи изволитъ учинить, такъ какъ мы нынѣ вашему Ханову В-ву предъявляемъ. А если ваше Ханово В-во къ Салтану Турскому насъ отпустить не изволишъ, тогда вели насъ отпустить къ Великому Государю нашему къ Его Ц-му В-ву, и что отъ лица вашего Ханова В-ва безъ дѣла насъ отпустите и такова праведного и склонного миру и многихъ земель уступленія не примете и съ нами не постановите и настоящія кроворазлитные войны и плѣнного похищенія съ обоихъ сторонъ на-

родовъ успокоить не хощете, тогда да будетъ мщеніе Божіе на зачинающихъ и желающихъ мужей крови, ихъ же гнушастца Господь Вседержитель и истребитъ ихъ и погубитъ до конца, и здѣ на землѣ обитающихъ пусты сотворитъ опама-жъ во вѣки въ неугасимомъ тартарѣ мучити будетъ.—Ханъ выслушавъ прилѣжно, молвилъ: воля Божія да будетъ, надъ всѣми нами! и паки дважды и трижды рекъ: что ему того дѣла учинить не возможно ни какими мѣрами для того, что де Салтанъ Турской окромѣ Днѣпровой межи, иной ни какой учинить не хочетъ, о томъ де къ нему Хану присланъ указъ ево крѣпкой и непремѣнной подъ великимъ страхомъ; того де ради и насъ посланниковъ отпустить ему къ Салтану не почто и не возможно. Естли бы де та земля была ево Ханова, и онъ бы межу учинилъ по волѣ Царского Величества съ охотою; я де тѣмъ не стыжусь имѣя надъ собою болшое

начало, а что де вы посланники желаете отпуску къ Великому Государю вашему къ Е. Ц-му В-ву и вы де какъ у насъ съ честію приняты, такъ съ честію здравы и отпущены будете вскорѣ и провожатые вамъ даны будутъ, даже до Запорожья. И велѣлъ намъ ѣхать на посольской станъ и къ отпуску и въ путь свой готовитца, и сказалъ намъ: что онъ насъ отпуститъ дни въ три или въ четыре. По томъ учали мы по указу В-го Г-ря упоминатца объ отпускѣ съ нами Ивана Сухотина съ подъячими и съ переводчики, и съ толмачи и Ханъ молвилъ: какъ де ево посланникъ Сеферъ-ага отпущенъ будетъ съ Москвы, тогда Ивана Сухотина отпуститъ; а до тѣхъ де мѣстъ побыть ему въ Крымѣ. И мы говорили Ханову В-ву: что онъ Иванъ присланъ въ посланники особно, и не за Сеферъ-агу и держать ево не годитца по тому, что за Сеферъ-агу посланники въ Крымѣ жили и отъ великіе тѣсноты и нуж-

ды померли, и нынѣ въ ево Сеферово мѣсто живутъ переводчикъ Кутлюмаметъ Устокасимовъ да подьячей Дементей Елдинъ, и чтобъ ево Ханово В—во велѣлъ ево Ивана отпустить безовсякого напраснаго задержанія, съ нами, такъ какъ и ево Ханскихъ гонцовъ Великій Государь нашъ съ милостію отпустилъ. А Иванъ Сухотинъ говорилъ ему Хану: на твоей душѣ будетъ грѣхъ, какъ онъ Иванъ будучи въ Крыму даромъ умретъ. И Ханъ разсмѣялся, и не моляя ничего велѣлъ ему итить вонъ. Потомъ, поклонясь Хану, поѣхали на Алму рѣку, на посольской станъ; а бояринъ Василей Борисовичь поѣхалъ къ себѣ въ Жидовской городокъ.

А какъ мы по большому своему наказу бы въ отвѣтѣ у Ханова В—ва со объявленіемъ Тясминской межи, о чемъ Ханово В—во намъ отказалъ и назначилъ намъ къ Великому Государю отпускъ, и послѣ того

въ разныхъ числѣхъ присылалъ Ханово В-во и ближніе люди съ приставомъ нашимъ беемъ, Халилъ-агу которой былъ на Москвѣ въ гонцахъ и говорилъ намъ: Ханово Величество указалъ васъ допросить противъ словъ Ивана Сухотина которые онъ говорилъ передъ ево Хановымъ В-вомъ про взятки ближнихъ ево людей зъ дьяка Василья Михайлова да и отъ него де Халилъ-аги Ханову В-ву про тѣ взятки извѣстно, потому, какъ де ево Халилъ-агу отпустили съ Москвы и въ то де время о тѣхъ взяткахъ выговаривалъ ему думной дьякъ Посольскаго Приказу, и чтобъ мы противъ взятки объявили подлинно, кто, сколко и отъ чего съ нево Василья взято, тобы мы дали на писмѣ, за руками своими. И мы имъ говорили: то мы слышали какъ Иванъ Сухотинъ будучи при насъ предъ Хановымъ В-вомъ про товарыща своего Василья говорилъ, что онъ подарки развозилъ по по-

чамъ и давалъ Ханова В-ва ближнимъ людемъ, и вы Ивана о томъ и спрашивайте, а намъ про то не вѣдомо. А что будто тебѣ Халилъ-агѣ думной Царского В-ва дьякъ о тѣхъ взяткахъ на Москвѣ выговаривалъ и съ нами о томъ приказу отъ думного дьяка не было. А будетъ Ханова В-ва ближніе люди зъ дьяка Василья многіе дары побрали и отступили ево съ обнадеживаніемъ Тясминскіе межи по нынѣшнему нашему объявленію, въ чемъ намъ Ханово В-во отказывалъ, и то сдѣлано съ вашіе стороны зѣло худо и не пристойно, да и потому знатно, что съ нево Василья ближніе люди побрали подарки и Тясминскою межею, на отпускѣ ево обнадежили, что онъ Василей на Москвѣ въ Посольскомъ Приказѣ сказывалъ, что съ стороны Ханова В-ва упоминались ближніе люди о межѣ по Рось и по Ирдень и по Тясминъ, и для того обнадеживанья межи и мы отъ Вели-

кого Государя Его Ц-го В-ва посланники присланы и отъ Василья Михайлова слышали сами мы, что онъ Ханову Величеству и сынуево Токтамышъ-гирею-салтану и ближнимъ многимъ людемъ о той помянутой межи, чтобъ по ней миръ учинить, давалъ многіе дары; а что кому онъ Василей далъ, того мы подлинно не вѣдаемъ и на писмѣ намъ давать нечего. И бей розмѣпной и Халилъ-ага говорили намъ: будетъ де о тѣхъ дарѣхъ что онъ Василей кому давалъ не объявите и росписи за руками не дадите и вамъ быть въ держаньѣ. А Ханово В-во и ближніе ево люди, будетъ что съ него Василья и отъ какова дѣла даровъ взяли, въ томъ у нихъ запору не будетъ. А сынъ Ханова В-ва, Токтамышъ, гирей-салтанъ дитя малое, котораго вы послы Ц-го В-ва и сами видѣли, и тому де дѣлъ ни какихъ дѣлать не кому, и будто и тому дитятѣ Василей дары давалъ,

и то онъ затѣялъ ложно. И мы видя въ томъ себѣ отъ нихъ великую докуку и затрудненіе, а наипачеже всего, чтобъ посольскимъ дѣламъ впредъ какіе препоны не учинить и Хана не озлобить, обѣщали тѣмъ взяткамъ дать роспись въ то время, какъ намъ съ Крыму отпускъ будетъ, и по совершеніи перемирныхъ договоровъ и приведчи Хана и Калгу и Нурадина къ шерти (присягѣ) и взявъ шертную грамоту на самомъ изъ Крыму поѣздѣ нашемъ выписавъ изъ Васильева статейного списка, о тѣхъ сво дачахъ, дали за руками своими.

Ноября въ 26 день пріѣхалъ къ намъ на посольской дворъ приставъ нашъ Авелша-мурза Сулешовъ, бей размѣнной, объявилъ намъ, что Ханово В-во хочетъ къ нему быть въ гости, утрѣ, и будетъ у него дневать и ночевать, а отъ него поѣдетъ въ въ далные мѣста, для полевые потѣхи, и если ево бея онъ Ханъ спроситъ объ васъ:

что естли отъ васъ въ прибавку нового и угодного дѣла къ миру склоненіе, и мы–бъ ему бы обьявили. И мы то слыша приказали съ нимъ къ Хану: если по нашему объявленному рубежу межа состоитца и мы по обѣщанію прежнего посланника Ивана Сухотина съ товарыщи сверхъ годовые дачи Великого Государя казны, обѣщаемъ Ханову В–ву 10,000 червонныхъ золотыхъ, ближнимъ ево людямъ 3,000 черв. золотыхъ, Салтану Турскому и везирю ево на 5,000 рублевъ соболей. — И какъ Ханъ къ нему бею пріѣхалъ у нево кушалъ и ночевалъ и онъ бей слова наши ему Хану всѣ доносилъ, и пріѣхавъ къ намъ сказалъ Хановымъ словомъ: что отнюдь того по той межѣ мирному постановленію не бывать, хотябъ и 100,000 червонныхъ золотыхъ было сулено, и для де того послалъ къ Салтану Турскому нарочно ближнего своего человѣка, Кетипа диванского, велѣлъ ему извѣ-

стить, что кромѣ вашего упорства и первыхъ рѣчей, что и отъ прежнихъ посланниковъ онъ Ханъ и ближніе ево люди ничего добраго не слыхали, и за то насъ Ханъ велѣлъ задержать до указу Салтана Турского въ великой тѣснотѣ и въ голодной скудости и на стужѣ, въ земляной ямѣ гдѣ ни печи, ни лавокъ, ни потолку, ни окошекъ не было, толко дверцы съ окошечкомъ малымъ въ которыя входили и исходили, да сверху накрыто хворостомъ и наметано землею и томъ животъ свой мучили. Тотъ же бей въ то время кричалъ на насъ крѣпко, для чего мы безъ дѣла пришли; отъ Хана де писано къ Великому Государю, если по Днѣпръ быть межѣ и пословъ бы своихъ изволилъ посылать; а вы де толко ѣздите въ Крымъ со многими своими ратьми провожатыми и высматриваете шляховъ и прямыхъ переходовъ къ воинскому способу; и то де себѣ подлинно

вѣдайте, что межи кромѣ Днѣпра рѣки, далѣ Салтанъ Турской не уступитъ, потому, что законъ ихъ мухамединской зѣло имъ бусурманомъ того повелѣваетъ хранити,—гдѣ Салтана Турского, въ войнѣ будучи, нога конская заступитъ, того мѣста не токмо за 10 или за 100,000 червонныхъ золотыхъ ни за многія миліоны того не уступитъ. И сего вашего обѣщанія за межу по вашему предложенію слышать государь ихъ Ханъ не хочетъ, а вамъ де будетъ пожить у насъ въ ямахъ, на Алмѣ. Мы ему сказали: воля въ томъ Ханская и Салтанова, а намъ неволя ваша и тѣснота не страшна, готовы за повелѣніе своего Государя еще и до смерти отъ васъ пострадать. А что мы къ вамъ въ посольство присланы и мы васъ въ томъ не изубыточили; насъ же, всегда пріѣзжаючи на станъ, грабите и тѣснотами своими подарки на насъ вымогаете, и по се число отъ Хана вашего не токмо намъ пищи,

ни конемъ нашимъ соломы охапки, ни полѣна дровъ, чѣмъ на такой стужи живучи обогрѣтца, не видали. А за любительные поминки (подарки) Великого Государя нашего, которые мы поднесли государю вашему Хану, и вамъ ближнимъ людемъ, ево Государское жалованье отослали, не токмо благодаренія или въ дѣлѣхъ Его Ц-го В-ва какое доброхотѣніе показать, или намъ за то какое пріятное воздаяніе учинить, но и слова доброго отъ Хана вашего и отъ васъ по се число не слышимъ, еще и паки горькую муку и тѣсноту и безчестье отъ васъ терпимъ. А что Кетипа даванского государь вашъ Ханъ послалъ къ Салтану Турскому на насъ извѣстить, что будто мы пріѣхали не съ прямымъ посольствомъ, со обманомъ, и за то бы Салтана поострить къ злобѣ и вооружить къ воинскому великому подвигу подъ Кіевъ и на иные Великого Государя нашего городы, и тѣмъ намъ ваши вооpy-

жительства вѣдомы и не страшны. Дознал̀ъ Салтанъ Турской и везирь войско Царского Величества подъ Чигиринымъ (*) и на горахъ Чигиринскихъ, гдѣ Турковъ пропало болши 300,000; а ваши Татарскіе орды, издревле намъ вѣдомы вѣтрѣные ваши воинства, и будетъ государь вашъ Ханъ насъ задержитъ и къ Великому Государю нашему не отпуститъ и слово свое объ отпускѣ нашемъ перемѣнитъ, а въ грамотахъ своихъ къ Великому Государю нашему пишетъ и съ нами на посольствѣ говорилъ, что мусульманскихъ царей слово едино и не премѣнно и къ содержанію крѣпко; а нынѣ въ такихъ малыхъ дняхъ отмѣнилось, и впредъ такимъ непостояннымъ словамъ Государемъ Христіанскимъ и посломъ ихъ вѣрить будетъ

(*) Побѣда сія совершена 19 Августа 1678 года бояриномъ Ромодановскимъ. Слѣдствіемъ ея было перемиріе и оставленіе земель малороссійскихъ по лѣвую сторону Днѣпра за Россіею.

вамъ не возможно. Съ тѣмъ его бея и отпустили.

И съ того числа поѣдучи зъ двора отъ насъ, бей приказалъ посольского двора сторожу татарину Джумалейку не велѣлъ къ намъ ни какихъ народовъ, людей съ харчами и съ конскимъ кормомъ и съ дровы припущать, и для покупки всякихъ кормовъ съ посольского двора людей нашихъ въ Бакчисараій и по деревнямъ, спускать не велѣтъ. И съ помянутого числа сидѣли мы въ запорѣ Декабря по 28 число. И видя надъ собою конечную бѣду и тѣсноту, положили между собою, двое насъ, совѣтъ въ тайнѣ размышляючи и дознаючись по ихъ бусурманскимъ поступкамъ подлинно, что по первому нашему объявленію розграниченіе земель межи не примутъ, и для того ни къ какимъ мирнымъ договорамъ приступить не мыслятъ; и о томъ доведались подлинно, что Ханъ велѣлъ кли-

кать по всѣмъ Крымскимъ юртамъ и по Нагайскимъ улусамъ, чтобъ готовились въ войну, по Государевы Украинскіе города, на весну; а Калгѣ и Нурадыну приказалъ чтобъ для добычи и языковъ посылали въ Русь подъѣзды, болшими полками, которые подъѣзды татарскимъ языкомъ зовутца белбаши, а наипаче боясь того, чтобъ Салтанъ Турской, чрезъ сво оклеветанье возгордясь не велитъ принять нашего послѣдняго посольства и по тайному наказу объявленія также замедленія ради своего въ томъ нашемъ послѣднемъ объявленіи, опасаясь государскіе опалы, и нехотя ратемъ сво Государскимъ въ воинскихъ подвизѣхъ великихъ убытковъ и трудовъ; къ томужъ припоминаючи розговоры со мною Васильемъ Гетмана Ивана Самойловича, чтобъ въ томъ упорствѣ своемъ времени не продолжали и безо всякого сумнѣнія и поразумѣнія Малороссійскихъ народовъ поступали на

Днѣпрѣскую межу безстрашно, также и посланной сво писарь Семенъ Раковичь и съ нимъ будущіе казаки Тимоѳей Ѳедоровъ съ товарыщи, видя отъ бусурмановъ въ дѣлѣ такое упорство и къ нимъ гоненіе и великую тѣсноту, учали намъ говорить, чтобъ мы въ даль дѣла своего не откладывали и по договору Гетмана Ивана Самойловича, въ Батуринѣ со мною Васильемъ, въ розграниченіи земель зъ бусурманы вступали немедленно потому, что и время приспѣваетъ ратнымъ готовостямъ къ вешнимъ подъемомъ, чтобъ тѣмъ замедленіемъ нашимъ Турчина не возгордити; понеже искони тотъ врагъ, обычай свой прегордой содержитъ, егда выходитъ въ поле и войска свои на христіанскихъ границахъ поставитъ, тогда ужъ отнюдь ни какова посольства и миру не пріемлетъ ни отъ кого, и пословъ задерживаетъ въ великой тѣснотѣ у себя, даже до совершенія воинского своево

промыслу того настоящаго лѣта. А́ намъ де уже того его выходу ко христіанскимъ границамъ ждать будетъ не долго, потому, что войска Турецкіе всѣ стоятъ въ готовности по Дунаю, и въ Волоской землѣ; къ томужъ де и онъ писарь съ казаки своими съ лошадми великую нужду, грязь и стужу и голодъ великой и тѣсноту терпятъ и день и ночь кроютца и ночуютъ въ ямахъ, межъ горъ и каменья. Наипаче же всего боялися мы въ томъ нашемъ продолженіи, чтобъ не допустить бусурмановъ на разлитіе невинные крови христіанскіе и плѣннаго порабощенія по тому, что время къ воинскимъ готовостямъ зближалось. Да при тойже нашей задержкѣ ѣхали чрезъ Крымъ отъ Салтана Турского Калмыки и горскіе Черкесы и ночевали у пристава нашего, у бея розмѣнного, и бей розмѣнной тѣхъ Калмыковъ и Черкесъ у себя въ дому потчивалъ со всякимъ удоволствомъ и провожалъ

ихъ въ путь со многими Крымскими татары. И мы отъ него бея также и отъ плѣнныхъ людей Московскаго народа довѣдались подлинно, что Великому Государю нашему Его Ц.-му В-ву Калмыки и горскіе Черкесы измѣнили и били челомъ въ подданство Салтану Турскому, и для того тѣ ихъ послы у Салтана были, да и до нашего пріѣзду, въ Крыму Калмыковъ и Черкесъ многое число было съ продажными табуны конскими. И узнавъ ихъ въ томъ ихъ Калмыцкомъ и Черкесскомъ съ Турки и съ Татары пересылкѣ и готовости на его Государскіе Украинные городы войною, того ради усовѣтовавъ межъ собою и съ писаремъ Семеномъ, тайно увѣряся и примѣняяся ко многовремянному и непреклонному бусурманскому ихъ упорству, положили на томъ, что отозватца къ Хану чрезъ ближнихъ людей съ новымъ дѣломъ по тайному нашему наказу.

И Декабря въ 28-й день, за тѣмъ нашимъ помянутымъ общимъ совѣтомъ, посылали мы отъ себя пристава своего Авелшумурзу Сулешева бея розмѣнного, къ ближнему Ханову человѣку къ Агметъ-агѣ, велѣли ему говорить, чтобъ онъ Ага велѣлъ намъ у себя быть на розговорѣ о государскихъ мирнѣхъ дѣлѣхъ. Декабря въ 29-й день, бей розмѣнной отъ ближнего человѣка къ намъ пріѣхалъ и говорилъ: будетъ де вы имѣете отъ Великого Государя своего Е. Ц-го В-ва такову полную мочь и указъ уступить въ Салтанову сторону Турского земель и межу учинить по рѣку Днѣпръ, и везирю Салтанову сверхъ годовой Крымской дачи дадите на 25,000 рублевъ соболей и съ таковымъ де вашимъ склоненіемъ Агметъ-ага велѣлъ вамъ быть къ себѣ на розговоръ, толко ему бею взявъ такову вѣдомость о межевомъ розграниченіи, велѣлъ прежде нашего подъему вѣсть себѣ учинить. А

будетъ де вы не имѣете по вышеписанному предложенію ево такіе полные мочи, и вамъ де никогда у ближнихъ людей не бывать и сидѣть будете въ заточеньѣ пока война межъ государствъ успокоитца. Мы ему говорили: чтобъ онъ на насъ въ томъ не досадывалъ, дѣлъ мы новыхъ посольскихъ теперешнихъ кромѣ самого государя ихъ Хана, или по неволѣ его ближнего его человѣка Агметъ-аги ему бею объявити не можемъ, и будетъ намъ велитъ къ себѣ Агметъ-ага для того быть и видѣтца намъ и объявленія новаго у насъ выслушать похочетъ, поѣдемъ. И бей выслушавъ наши слова послалъ съ вѣстію передъ собою и передъ нами къ Агметъ-агѣ гонца, сторожа́ посольского двора Джумалейка татарина, а самъ съ нами поѣхалъ вмѣстѣ, въ село Мангушъ, и дорогою будучи сказалъ намъ, что государь ихъ Ханъ велѣлъ, при томъ отвѣтѣ у ближнего человѣка быть для

прислушиванья и свидѣтельства боярину Василію Борисовичу Шереметеву, и намъ посланникомъ та бытность боярская годна-ль. И мы ему сказали: что тому зѣло де ради и благодаримъ государю ихъ Хану за то, что велитъ бояриу Василью Борисовичу съ нами видѣтца и при отвѣтахъ нашихъ посольскихъ быть, и впредъ того желаемъ. И того числа въ помянутое село пріѣхали о полудни, и не бывъ во отвѣтѣ, прежде насъ допустили видѣтца съ бояриномъ съ Васильемъ Борисовичемъ, и поздравя мы боярина въ его горькихъ и невольныхъ терпѣніяхъ и споболѣзнуючи ему плѣнного страданія, съ нимъ поплакали, и свои трудности и бѣды ему извѣстили и въ тайнѣ помянутое наше новое посольство ему объявили и какъ намъ о дѣлѣхъ Великого Государя въ отвѣтѣ зъ ближними людми говоритъ и объявлять о томъ съ нимъ совѣтовали. И бояринъ Василій Борисовичъ

выслушавъ говорилъ намъ: жаль того зѣло, что вы напрасно такъ долго держались, и великіе нужды терпите сами отъ себя; давно де было вамъ то дѣло годилось объявить потому, что у бусурмановъ то исконно въ крѣпости, на чемъ постановятъ, слова того держатца не отмѣнно. И мы ему сказали: что дѣлали по указу Великого Государя а не собою, того ради и объявить вскорѣ не смѣли. За тѣмъ наступила ночь и въ отвѣтѣ того числа быть не успѣли.

Декабря въ 30 день рано, пришолъ бей къ намъ на подворье, говорилъ намъ чтобъ шли въ отвѣтъ къ ближнимъ Хановымъ людемъ и зъ бояриномъ вмѣстѣ, пѣши для того, что итти сухо и не далеко. И пришедъ въ палату бояринъ Василей Борисовичъ и мы, зъ ближними людми съ Агметъ-агою да зъ болшимъ казнодаромъ привиталися (поздоровалися) и другъ-друга съ обѣи стороны, по обычаю поздравили; и поса-

дили насъ на уготованныхъ мѣстѣхъ, по близку себя и не надлежащимъ до государскихъ дѣлъ персонамъ велѣли уступить вонъ, толко при ближнихъ людехъ, въ засѣдкѣ остался бей, да писарь большой агинъ, да стоящей предъ нимъ Халилъ-ага, бывшей гонецъ на Москвѣ, съ бояриномъ и съ нами сѣдящихъ Гетмана Ивван Самойловича писарь Семенъ Раковичь; и стояли предъ нами переводчиковъ три человѣка: Кутломаметъ Устокасимовъ съ товарыщи, да подъячихъ два человѣка. И не много умолчавъ зачали мы говорить о постановленіи межи по первому нашему объявленію и обѣщали Хану и прочимъ палежащимъ особамъ ихъ, государеву казну по Ивановымъ розговорамъ Сухотина, а будетъ имъ кажетца того мало и они-бъ намъ запросы свои объявили, а мы то у нихъ выразумѣвши можемъ и прибавить поелику пристойно и возможно, а чтобъ конечно

розграниченіе учинить по вышепредложеннымъ многимъ нашимъ розговорамъ и упорство всякое съ обѣ стороны оставить. Тогда возрѣвши всѣ на насъ зѣло свирѣпымъ образомъ, говорили намъ шумно: сего-де мы вашего дѣла слышать не хочемъ, чему отнюдь въ постановленіи не бывать, и давно вамъ въ томъ отказано, и не токмо де тысячи, хотя бы вы миліонами обѣщали, того Салтанъ Турской учинить не изволитъ, да не явится для того разоритель мусульманского ихъ закона, какъ о томъ писано выше сего; и если де толко за вами дѣла, и мы бы шли отъ нихъ вонъ, пока не обезчещены, и жили на Алмѣ вмѣстѣ съ Иваномъ Сухотинымъ. И мы, видя ихъ поганую гордость и злобу и несклонность, говорили имъ, не показуючи по себѣ противности, тихо и учтиво съ подивленіемъ на нихъ: что такова обычая у государеіі великихъ ни гдѣ нѣтъ чтобъ на пословъ гнѣватца и

кричать и съ безчестьемъ высылать; есть то грубость странная, и о томъ знайте, что мы вашего крику и ни какихъ грозъ и тѣсноты не боимся, хотя бы вы намъ и муками и смертію претили, и намъ то не страшно, яко готовы есмы за пресвѣтлѣйшее достоинство Великого Государя нашего хотя и до горькіе смерти пострадати; и будетъ вы впредъ станете намъ такіе свои нелѣпые слова изпущать и на насъ кричать и мы съ вами и сами говорить не хочемъ и пойдемъ вонъ, и впредъ къ вамъ въ отвѣтъ не поѣдемъ, хотя и звать будете. А теперво мы къ вамъ пріѣхали было съ добрымъ новымъ дѣломъ. И бусурманы выслушавъ наши слова умолкли гораздо, и учали насъ вопрошать тихо и любовно, что за нами новаго дѣла есть, то бы мы имъ объявили. И мы имъ говорили: если бы сіе наше посольство было у Салтана Турского, конечно бы безо всякого упорства по тому первому на-

шему объявленію розграниченіе межъ государствъ земное, и межа была въ постановленіи а нынѣ видимъ и сами, что тща надежда Великого нашего Государя Его Ц-го В-ва въ дружбѣ и любви государя вашего Хана, наипачежъ въ неправедномъ ево въ мирныхъ дѣлѣхъ посредничествѣ предаетъ то онъ Великій Государь всякую вашу неправду и на несодержащихъ правду Божію, суду и мщенію его праведному; и слыша мы нынѣ злобу вашу и грубость и въ такомъ праведномъ и святомъ мирномъ розграниченіи упорство, не хочемъ у васъ здѣ труды свои вотще положити, но и сверхъ изволенія Великого Государя нашего Его Ц-го В-ва хотя и гнѣвъ и опалу его государскую на себѣ понесемъ, однакоже дерзаемъ съ вами по Днѣпровой межѣ въ новое дѣло вступити; только мы съ нами ближними людми говорить о тѣхъ статьяхъ не хочемъ для того, что вы межь великихъ Государей радѣнія

своего ничего не показуете, толко болше на насъ вымогаете корыстей и пожитковъ своихъ; и чтобъ они ближніе люди донесли слова наши государю своему Ханову Величеству такіе: чтобъ насъ посланниковъ Царского Величества велѣлъ взять предъ себя, и новообъявленного нашего посольства статей о Днѣпровой межѣ выслушалъ и впредъ бы о всѣхъ статьяхъ перемирные договоры изволилъ въ постановленіе съ нами приводить, за сторону Салтана Турского и за Крымскіе юрты самъ собою. И Агметъ-ага съ товарыщи говорилъ намъ съ сердцемъ и зъ шумомъ: или де прежде сего лутче васъ посланниковъ отъ Царского Величества въ Крыму не бывало, что вы гордится нами ближними людми Ханова В-ва и договоровъ чинить съ нами не хочете и домогаетеся такой высокости, чего изстари не повелось, чтобъ государю ихъ Ханову В-ву самому съ вами посольскіе договоры чинить. И мы

имъ говорили: что ими ближними людми Ханова В—ва мы не гордимся, толко мы усмотрили въ государскихъ дѣлѣхъ отъ нихъ нерадѣніе и непостоянство, за чѣмъ отнюдъ предъ ними впредь въ отвѣтѣ быть не возможно для того, что они будучи съ нами въ отвѣтахъ и въ розговорѣхъ сказывали намъ, будто Иванъ Сухотинъ съ товарыщи сулилъ отъ Тясминскіе и Ингульскіе межи Великого Государя казны—Салтану и везирю его и Ханову Величеству 45,000 рублевъ, да имъ ближнимъ людемъ 5,000 червонныхъ золотыхъ вымогаючи на насъ, чтобъ и мы тожъ обѣщали и показуючи тѣми по себѣ словами своими склонность постановленію Тясминской межи съ нами, также и мы по разумѣнію словъ вашихъ начаялись, что Салтанъ Турской и Ханово В—во и вы ближніе люди хочете съ нами миръ учинить и о розграниченіи межъ государствъ земель, межу учинить по нашему

предложенію, и мыслили мы о томъ межѣ собою казны Великого Государя по надлежащей мѣрѣ за ту межу вамъ посулить. А какъ мы были у Ханова В-ва и о помянутой межѣ извѣстили ему подлинное наше объявленіе и надѣялись отъ ево Ханова В-ва, что и онъ о той запросной казнѣ за Тясминскую межу упоминатца будетъ же, и Ханово В-во при васъ, многихъ будущихъ въ ту пору ближнихъ людѣхъ, не токмо о казнѣ упоминался, но и о межѣ по нашему предложенію совершенно отказалъ, а говорилъ: что Салтанъ Турской далѣи Днѣпровой межи не уступитъ, что вы ближніе люди сами слышали и тутже приговаривали; по тому намъ съ вами во отвѣтахъ впредъ быти не возможно, и говорили имъ, чтобъ они насъ отпустили на станъ, и слова-бъ наши донесли Ханову В-ву. И они насъ отпустили и слова наши обѣщались донести Ханову В-ву, и намъ о томъ, чрезъ бея, извѣстно учинить.

А пріѣхавъ на станъ, посовѣтовали мы межъ себя и умыслили то, чтобъ Ханову В-ву посулить подарки отъ того, чтобъ онъ насъ во отвѣтъ имѣлъ предъ себя и о всемъ договоры съ ониами чинилъ самъ своею особою, а поднести бы намъ тѣ подарки отъ себя, учиня о миру договоры и взявъ шертную грамоту и приведчи ево къ шертѣ въ ту пору, какъ будемъ на отпускѣ, и приказали о томъ Ханову В-ву извѣстить въ тайнѣ, приставу своему розмѣнному бею, чрезъ переводчика Ахмета Шакулова, да и ближнимъ людемъ Агметъ-агѣ и казнодару болшому велѣли обѣщать отъ себя подаркижъ отъ того, чтобъ объ они государю своему Ханову В-ву не отговаривали насъ предъ него во отвѣтъ имать и договоры съ нимъ чинить, также и помянутому бею за такое ево радѣнье и матери и женѣ и дѣтемъ ево и снохѣ и племянникомъ дары отъ себя посулили. И приставъ нашъ,

бей, выслушавъ у насъ, обѣщался то донести Ханову В-ву и ближнимъ людемъ тайно вскорѣ, и намъ учинить извѣстно.

И Декабря въ 31 день пріѣхалъ къ намъ на станъ помянутой приставъ нашъ бей розмѣнной, сказалъ намъ: что онъ тѣ наши слова Ханову В-ву и ближнимъ людемъ донесъ, и Ханово де В-во и ближніе люди ему бею сказали, что тѣ наши слова имъ годны и приказалъ де Ханово В-во съ нимъ беемъ ѣхать намъ къ сво Ханову В-ву со объявленіемъ статей и межи, нового своего посольства; да и боярину де Василью Борисовичу Ханово В-во при томъ нашемъ объявленіи, приказалъ быть предъ собоюжъ.

И Генваря во 2-й день взявъ съ собою гетманского писаря пріѣхали мы съ приставомъ своимъ беемъ, на рѣку Качю, гдѣ стоялъ въ бакчахъ Ханово Величество; и не доѣхавъ Ханского двора, въ стрѣльбище, задержали насъ и свели вмѣстѣ зъ

бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ и велѣли намъ подождать, пока-мѣстъ извѣститъ объ насъ Ханову В-ву. И мы зъ бояриномъ съ Васильемъ Борисовичемъ дожидались Ханского указу, часа зъ два. А потомъ пріѣхалъ приставъ бей, велѣлъ боярину В-ю Б-чу и намъ ѣхать ко двору Ханова В-ва; а не доѣхавъ двора по близку, велѣли намъ сѣсть съ коней и итить на дворъ пѣшимъ. А какъ ко двору и дворомъ шли и предъ хоромы вошли, и насъ встрѣчали многіе беи, и карачеи, и мурзы; да тутъ же на дворѣ видѣли мы двухъ сыновъ Ханова В-ва — болшого Алыбъ-гирея-салтана, въ возразстѣ совершенномъ, да Токтамышъ-гирея-салтана лѣтъ пяти или шти, у дятьки на рукахъ, и велѣли имъ поклонитца, и мы имъ честь воздали, поклонились имъ по обычаю въ поясъ. А вшедъ въ палату, поклонились Ханову В-ву сами собою, а не усилнымъ поклономъ бусурманскимъ, какъ

прежде сего бывало надъ прежними посланники. И Ханово В-во боярина Василья Борисовича и насъ спрашивалъ о здоровьѣ нашемъ и умолчавъ не много, пока ближніе ево люди разобрались и стали по мѣстамъ своимъ и утихли, тогда изволилъ намъ Ханово Величество говорить, чтобъ мы свое дѣло о Днѣпровой межѣ и иные къ миру належащіе статьи ево Ханову В-ву объявили. И мы ево Ханову В-ву говорили и били челомъ, чтобъ онъ изволилъ у насъ объявленія нашего о мирныхъ договорѣхъ межь Великимъ Государемъ нашемъ, Его Ц-мъ В-вомъ и Салтаномъ Турскимъ и съ нимъ Ханомъ, милостиво выслушать. И Ханово В-во повомилъ намъ говорить, а самъ слушалъ прилѣжно и милостиво. И мы говорили рѣчи свои, статьями, по перемѣнамъ: Великій Государь нашъ Его Ц-ое В-во желая съ Салтановымъ В-вомъ Турскимъ брацкіе любви, а съ вами Хановымъ Величе-

ствомъ сосѣдственные дружбы, указалъ намъ Его Ц-го В-ва посланникомъ вашему Ханову В-ву объявити послѣднее свое государское о мирныхъ дѣлѣхъ намѣреніе: 1-я статья. Перемирнымъ лѣтомъ быть на 20 лѣтъ, а рубежу быти въ тѣ годы рѣкѣ Днѣпру, а для сосѣдственные дружбы и любви и для крѣпкаго содержанія тѣхъ перемирныхъ лѣтъ, по указу Ц-го В-ва мы посланники обѣщаемъ дать вашему Ханову В-ву казны противъ старыхъ росписей на прошлые на три года, да съ нынѣшнего перемирного договору, впредъ на 20 лѣтъ, давать по-годно, по старымъ же росписямъ. 2-я. А въ тѣ перемирные 20 лѣтъ, отъ рѣки Бога и до помянутого рубежа рѣки Днѣпра, Салтанову В-ву Турскому и вашему Ханову В-ву вновь городовъ своихъ не ставить и старыхъ казацкихъ разоренныхъ городовъ и мѣстечекъ не починивать; и съ стороны Царского В-ва перебѣщиковъ не принимать

и поволить того чинить ни кому не велѣть, и поселенія людемъ своимъ никакого народу на помянутыхъ казацкихъ земляхъ не чинить и оставить ихъ пусты. А которые люди нынѣ на тѣхъ казацкихъ разоренныхъ городахъ и мѣстечкахъ и селахъ живутъ, и тѣхъ людей съ тѣхъ жилищъ выслать вонъ и дать имъ воля, гдѣ захотятъ, тамъ да идутъ. 3-я. Крымскимъ, Ачаковскимъ, Бѣлогородцкимъ татарамъ вольно по обѣ стороны Днѣпра, на степяхъ около рѣчекъ, кочевать и для конскихъ кормовъ и звѣриныхъ промысловъ ѣздить и стада и товары свои пасти; также бы и съ стороны Царского В-ва Низовымъ и городовымъ войска Запорожского казакомъ, промышленнымъ людемъ, плавать Днѣпромъ для рыбные ловли, и по всѣхъ степныхъ рѣчкахъ на обоихъ сторонахъ Днѣпра, для рыбы и для бранья соли и для звѣриного промыслу ѣздить былобы вольно-жъ и до устья Черного моря.

4-я. Кіевъ съ монастырями и зъ городами и съ мѣстечками и съ селами всего своего старого уѣзду, то есть ниже Кіева, Васильковъ, Триполье, Стайки и съ селами къ нимъ належащихъ, да выше Кіева, два мѣстечка—Дѣдовщина, да Радомышль имѣетъ быть въ сторонѣ Его Ц-го В ва. 5-я. Запорожскіе, Низовые казаки, въ Сѣчѣ и около Сѣчи въ иныхъ урочищахъ внизу рѣки Днѣпра пребывающихъ по томужъ имѣютъ быти въ сторонѣ Его Ц-го В-ва; и Салтанову В-ву Турскому и вашему Ханову В-ву до тѣхъ Низовыхъ казаковъ нынѣ и впредъ дѣла нѣтъ и ни какими мѣрами въ нихъ не вступатца и перебѣщиковъ отъ нихъ на свою сторону не принимать, и подъ державу свою ихъ не перезывать. 6-я. Съ нами Ц-го В-ва посланника ближніе люди вашего Ханова В-ва мирные договоры о имянованьѣ и о титлахъ Ц-го В-ва что Салтанову В-ву Турскому и вашему Ханову В-ву и Калгѣ

и Нурадыну салтаномъ въ грамотахъ своихъ писать имянованье и титло Его Ц-го В-ва сполна, какъ онъ Великій Государь самъ въ грамотахъ своихъ государскихъ имянованіе и титло свое описуетъ. И о Малороссійскихъ городахъ и народахъ, въ сторонѣ Его Ц-го В-ва обрѣтающихся и о Дорошенкѣ и о санжакахъ и о бояринѣ Васильѣ Борисовичѣ Шереметевѣ и о стольникѣ князь Андреѣ Ромодановскомъ съ прочими невольники, на окупъ и на размѣну и о успокоеніи войны и о иныхъ до миру належащихъ общихъ государскихъ дѣлѣхъ постановили на томъ, естли миръ о розграниченіи рубежа учинитца и тѣмъ всѣмъ договорамъ быти здержаннымъ, по изволенію Ц-го В-ва. 7-я. Если у Великого Государя Его Ц-го В-ва учинитца съ которымъ пограничнымъ государемъ ссора и война, а тотъ непріятель учнетъ у Салтанова В-ва и у вашего Ханова В-ва ратныхъ людей просить себѣ

на помочь, и Салтанову В-ву Турскому и вашему Ханову В-ву тому помянутому Ц-го В-ва непріятелю ратныхъ своихъ людей на помочь не давать и самимъ не ходить и ни въ чемъ не помогать и исъ подданыхъ своихъ голдовниковъ ни кого не посылать, и быти Его Ц-го В-ва другу другомъ, а недругу недругомъ. 8-я. На тѣ всѣ вышепомянутые статьи чтобъ ваше Ханово В-во самъ за себя и за Салтаново В-во Турского также и Калга и Нурадынъ салтаны и пять родовъ честныхъ Крымскихъ, по своему мусулманскому закону шерть (присягу) учинили и въ шертную грамоту велѣли написать и руки свои приложить и печать свою золотую, ваше Ханово В-во велѣлъ къ той шертной грамотѣ привѣсить, что то мирное утвержденіе на тѣ перемирные годы будетъ здержано безъ нарушенія. А буде ваше Ханово В-во за сторону Салтанова В-ва Турского шерти учинить не сможете, и тыбъ

изволилъ насъ посланниковъ Царского В-ва отпустить къ Салтану Турскому. 9-я. А буде Ваше Ханово В-во насъ Ц-го В-ва посланниковъ къ Салтанову В-ву отпустить не изволите, и ты-бъ изволилъ писать, чтобъ Салтаново В-во прислалъ въ Крымъ для мирныхъ съ нами договоровъ, пословъ своихъ и вѣрющую грамоту за своею государственною печатью и за рукою везиря своего въ томъ, что тѣ всѣ вышеписанные наши перемирные договоры съ Его Салтанова В-ва стороны будутъ здержаны безъ нарушенія и та бы вѣрющая Салтанова В-ва грамота отдана была намъ Ц-го В-ва посланникомъ.—Тогда Ханово В-во словесного нашего объявленія со вниманіемъ милостиво по статьямъ, выслушавъ говорилъ намъ: чтобъ мы тѣ статьи велѣли написать не мѣшкавъ и не ѣздя на посольской нашъ станъ, на Алму; велѣлъ намъ ночевать блиско отъ своего пребыванія, съ версту,

въ деревнѣ. На завтрѣе приказалъ намъ быть предъ себя, и тѣ объявленныя о мирныхъ договорѣхъ статьи поднести намъ его Ханову В-ву, на русскомъ писмѣ. Также бы мы и шертную образцовую грамоту на русскомъ и на татарскомъ писмѣ изготовили, и какъ ее ево Ханово В-во у насъ спроситъ, и онабъ была готова. А Его Ханово В-во принявъ у насъ тѣ писменные статьи и шертную образцовую грамоту вырозумѣвъ, пошлетъ къ Салтанову В-ву Турскому. И отпустилъ насъ въ помянутую деревню, и приказалъ приставу, велѣлъ намъ и людемъ нашимъ и лошадямъ дать кормъ. И мы, ударя челомъ ево Ханову В-ву, по належащему чину пошли вонъ. А исъ хоромъ и зъ двора провожали насъ до лошадей, вышепомянутые чины по первому ихъ обычаю, и Ханскихъ дѣтей болшого и меншого Токтамышъ салтановъ видѣли за воротами, и потомужъ имъ поклонилися въ

поясъ. И съдчи на лошади поѣхали съ приставомъ въ ближнюю деревню, а бояринъ Василей Борисовичъ простясь съ нами поѣхалъ къ себѣ въ Жидовской городокъ, зовомой Кала. А въ деревню пріѣхавъ тогожъ вечера, вышеобъявленныя о миру договорныя статьи написали подлинно, справясь съ наказы и съ шертною образцовою грамотою, какова намъ дана исъ Посольского Приказу.

И Генваря въ 3-й день пріѣхалъ къ намъ приставъ нашъ, бей Авелша-мурза-Сулешевъ, велѣлъ съ собою вмѣстѣ ѣхать къ Ханову В—ву съ письменными статьями, и пріѣхавъ ко двору, взяли насъ безъ мотчанія, и по первому помянутому чину насъ приняли и припровадили предъ лице ево Ханова Величества. И мы, вшедчи въ палату, ударили челомъ Ханову В—ву, и били челомъ за ево жалованье, что пожаловалъ насъ и людей и лошадей нашихъ велѣлъ

накормить и кланялись по своей волѣ, какъ о томъ помянуто выше сего. И Ханово В-во спросилъ насъ о здоровьѣ и мы ему также челомъ ударили и поздравили и поднесли ему прежде объявленные словесно, письменные, о перемирныхъ договорѣхъ статьи, на русскомъ писмѣ. И Ханово В-во приявъ у насъ писмо, розвернувъ посмотрилъ и отдалъ ближнему человѣку своему Агметъ-агѣ, приказавъ ево намъ отдать и велѣлъ намъ тѣ письменные статьи предъ собою вычесть и самъ изволилъ слушать черезъ переводчиковъ нашихъ Кутлумамета Устокасимова и Ахмета Шакулова и Сулеймана Тонкачеева. И мы у Агметъ-аги тѣ статьи приняли и предъ ево Хановымъ В-вомъ челъ ихъ явствено, по статьямъ, я Никита. А какъ тѣ статьи черезъ переводчиковъ у насъ Ханово В-во слушалъ и въ то время многажды на нихъ переводчиковъ кручинился за то, что они переводить и толма-

чить не умѣютъ, и велѣлъ привесть своего толмача, бывшего человѣка боярина Василья Борисовича, Мишку, которой обсурманился доброволыю и велѣлъ было наши речи съ письменныхъ статей переводить и толмачить ему Мишкѣ, и услышалъ, что онъ Мишка хуже и переводчиковъ бредитъ, велѣлъево ударить въ шею и выслалъ вонъ, и приказалъ по прежнему толмачить переводчикомъ, и кручинясь на нихъ говорилъ имъ, чтобъ они толмачили разумно съ нашихъ словъ, принося самую истину. А выслушавъ всѣ статьи, говорилъ намъ: тѣ де статьи написаны разумно и ево Ханову В-ву годны. И велѣлъ тѣ статьи у насъ принять ближнему своему человѣку Агметъ-агѣ, а намъ приказалъ изготовить шертную образцовую грамоту, на татарскомъ письмѣ, не ѣздя на посольской станъ. А для близости велѣлъ намъ ѣхать и стоять въ Жидовскомъ го-

родкѣ и въ Марьинѣ селѣ (*). И мы ударя челомъ ево Ханову В—ву поѣхали въ Жидовской городокъ и стояли въ жидовскихъ домахъ; и выбравъ изъ образцовой шертной грамоты, какова намъ дана изъ Посольского Приказу за дьячьею рукою, что належало дѣлъ къ мирнымъ договоромъ, написали русскимъ письмомъ въ новообразцовую шертную грамоту, а съ русского письма велѣли переводить и написать по татарску, помянутымъ переводчикомъ. И переводчики ту образцовую грамоту переводили и писали съ великою трудностію многіе дни; а переписавъ ту грамоту съ русского на татарское письмо, справили мы съ ними отъ слова до слова съ великимъ трудомъ, и для подлинные справки, переписки были татарскимъ писмомъ многіе. А исправя ту образцовую

(*) Маріино село,— предмѣстіе Бакчисарая, мѣстопребываніе христіанъ Грековъ. Такъ называлось отъ церкви во имя Успенія Богоматери.

грамоту, татарское писмо съ русскимъ, слово въ слово, приказали мы переводчикомъ къ русскому писму образцовой шертной грамоты, для вѣрности, приложить руки. А въ прикладываньѣ рукъ ихъ, по нашему велѣнью, для вѣрности написано имянно тѣми словами: такова образцовая шертная грамота, слово въ слово, написана татарскимъ писмомъ и подана Хану; переводили переводчики Кутлумаметъ Устокасимовъ, Ахметъ Шакуловъ, Сулеиманъ Топкачеевъ и писалъ онъ Сулеиманъ своею рукою.

И Генваря въ 9 день пріѣхалъ къ намъ отъ Ханова В-ва приставъ нашъ бей, спрашивалъ у насъ: готоваль де у васъ образцовая шертная грамота, и буде готова, и Ханово В-во велѣлъ вамъ къ себѣ ѣхать и грамоту съ собою привезть. И тогожъ числа мы посланники Ц-го В-ва съ нимъ беемъ поѣхали и грамоту съ собою взяли. А пришедъ въ полату, Ханову В-ву по обычаю

поклонилися и поднесли ему шертную образцовую грамоту на татарскомъ писмѣ. И Ханово В-во принявъ у насъ тое грамоту, вычелъ ее самъ; а въ той грамотѣ съ руского писма, каково у насъ осталось за переводчиковыми руками съ котораго они переводили на татарское писмо, написано:

Образцовая шертная грамота, какова взять у Муратъ-Гирея, Ханова Величества Крымского, намъ Ц-го В-ва посланникомъ, по учиненному перемирному договору.

Божiею милостiю Великiе Орды и Великого юрта Кипчатцкiе степи Крымского государства многихъ несщетныхъ Татаръ, многихъ несмѣтныхъ Нагаи, Татцкiи и Тефкецкiи меж-горскихъ Черкасъ, Я Муратъ-Гиреево Ханово Величество. Божiею милостiю Великому Государю Царю и Великому Князю Ѳеодору Алексѣевичу Всея Великiя и Малыя и Бѣлыя Россiи Самодержцу и многихъ государствъ и земель Восточныхъ

и Западныхъ и Сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и наслѣднику и Государю и облаадателю отъ многа много съ любовію поклонъ, а послѣ поздравленія мы Муратъ-Гиреево Ханово В-во объявляемъ: что въ прошломъ $\frac{178}{1670}$ году, а по нашему мусульманскому закону въ $\frac{7082}{1674}$ году, къ отцу Вашего Ц-го В-ва блаженные памяти къ Великому Государю Царю и В-му К-зю Алексѣю Михаиловичу всея В-я и М-я и Б-я Россіи самодержцу и многихъ государствъ и земель В. и З. и С. отчичу и дѣдичу наслѣднику и Государю и облаадателю посылалъ Крымской Адиль-Гирей-Ханъ пословъ своихъ Шахтемиръ аталыка съ товарыщи, для обновленія исконной дружбы и любви и вновь учиненія миру и тѣ ево послы и старыежъ Крымскіе послы, Сеферъ-ага съ товарыщи, по указу ево Ханова В-ва зъ ближними Его Ц-го В-ва людми учинили договоръ о миру, на договорной записи шертовали, что быти

тому договору во вѣки непремѣнно, и тотъ договоръ Адиль-Гирей-Ханъ подкрѣпилъ и шерть (клятву) свою учинилъ-же и шертную грамоту, за золотою печатью, Его Ц-го В-ва посланникомъ далъ. А на каковыхъ статьяхъ тотъ договоръ учиненъ, и о томъ во обоихъ сторонахъ вѣдомо. И во $\frac{679}{1671}$ году Адилъ-Гирею-Хану учинилось премѣненіе, а на его мѣсто учинился на Крымскомъ юртѣ Салимъ-Гирей-Ханъ, и при немъ тотъ договоръ нарушенъ, и была на обѣ стороны война и недружба до сего времяни. И во прошломъ во $\frac{187}{1679}$ году мы Муратъ-Гирей Ханово В-во учинилися на Крымскомъ юртѣ и желая быти съ вами Великимъ Государемъ Царемъ и В. К, Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ всея-В. и М. и Б. Россіи Самодержцемъ и многихъ государствъ и земель В. и З. и С. отчичемъ и дѣдичемъ и наслѣдникомъ и Государемъ и облаадателемъ съ Вашимъ Ц-мъ В-мъ во искошюй

дружбѣ и любви, посылали зъ грамотами своими гонцовъ своихъ, а съ ними къ Вашему Ц–му В-ву писали: что напередъ сего съ предки Вашего Ц-го В–ва съ Великими Государи и Великими Князи Россійскими, великіе государи Турскіе Салтаны и нашего Ханова В-ва предкижъ въ соединеніи и въ доброй вѣрности и въ миру и въ ссылкахъ пребывали, и чтобъ нынѣ вамъ Великому Государю Ц–му В–ву съ Салтановымъ В–мъ Турскимъ и съ нами Муратъ-Гиреевымъ Хановымъ В-вомъ быти въ дружбѣ и любви, а наше Ханово В-во Турскому Салтану о добрѣ переговоря будемъ посредникомъ и миръ учинимъ, и будемъ Вашего Ц-го В-ва другу другомъ, а недругу недругомъ. И вы Великій Государь ваше Ц-ое В-во противъ того послали къ нашему Ханову В-ву посланниковъ своихъ столника и полковника и намѣстника Переславского Василья Михайловича Тяпкина, да дьяка Никиту

Моисеевича Зотова, для подтвержденія съ Салтановымъ В-вомъ Турскимъ исконные дружбы, а съ нами Хановымъ В-вомъ мирного договору. И по указу васъ Великого Государя тѣ ваши Ц-го В-ва посланники съ нами Хановымъ В-вомъ и зъ ближними нашими людми во многихъ отвѣтѣхъ были и ваши Ц-го В-ва посольскіе дѣла мы, у нихъ посланниковъ, выслушали. И въ нынѣшнемъ во $\frac{189}{1681}$ году Генваря въ 3 день, по указу Салтанова Величества Турского, имѣя отъ него повелѣніе и указъ, наше Ханово Величество и братья наши Калга и Нурадынъ салтаны, и ближніе люди Крымского юрта пять родовъ честныхъ: Ширинскіе, Мансуровы, Аргинскіе, Куликовы, Сулешевы съ тѣми вашего Ц-го В-ва посланники постановили въ договорѣ на томъ, что вамъ Великому Государю Царю и В. К. Θеодору Алексѣевичу (*) . . . съ Магаметъ

(*) Повтореніе вышепомянованнаго Царскаго титула.

Салтановымъ В-вомъ Турскимъ быть во исконной дружбѣ и любви и въ любительныхъ пересылкахъ, такъ какъ искони бывали Турскіе Салтаны съ предки Вашего Ц-го В-ва съ Великими Государи Цари и Великими Князи Россійскими, и плѣнъ и войну на обѣ стороны отставить, да за егожъ Салтанова В-ва Турского сторону и за себя, и за всѣ Крымскіе юрты и Нагайскіе кочевья учинили перемирные договоры съ нынѣшняго $\frac{189}{1681}$ году мѣсяца Генваря съ 3-го числа, впредъ на двадцать лѣтъ. А промежъ Государствъ вашего Ц-го В-ва и Салтанова В-ва Турского въ тѣ перемирные годы быти рубежу рѣкѣ Днѣпру; а для сосѣдственные дружбы и любви и для крѣпкого содержанія тѣхъ перемирныхъ лѣтъ, тѣ вашего Ц-го В-ва посланники обѣщали дать нашему Ханову В-ву вашіе Ц-го В-ва казны любительныхъ поминковъ, противъ старыхъ росписей, на

прошлые на 3 года по нынѣшнему перемирному договору, впредъ на 20 лѣтъ, давать по годно, по старымъ же росписямъ. А въ тѣ перемирные годы, отъ рѣки Бога и до помянутого рубежа рѣки Днѣпра и по Днѣпру нигдѣ Салтанову В–ву Турскому и намъ Ханову В–ву вновь городовъ своихъ не ставить и старыхъ казацкихъ разоренныхъ городовъ и мѣстечекъ не починивать, и поселенія людей ни какого народу, на помянутыхъ казацкихъ земляхъ не чинить и оставить ихъ пусты, и съ стороны Ц–го В–ва перебѣщиковъ не принимать и поволитъ того чинить никому не велѣть.

А Крымскимъ и Ачаковскимъ и Бѣлогородцкимъ татарамъ нашимъ, по обѣ стороны Днѣпра на степяхъ около рѣчекъ кочевать и для конскихъ кормовъ и звѣриныхъ промысловъ ѣздить, и стада и товары свои пасти вольно. Также и Вашего Ц–го В–ва стороны Низовымъ и городовымъ вой-

ска Запорожского казакомъ, промышлен-нымъ людемъ, рѣкою Днѣпромъ и во всѣхъ степныхъ рѣчкахъ на обоихъ сторонахъ Днѣпра плавать, для рыбные ловли и для бранья соли и для звѣриного промыслу, по степямъ ѣздить, даже до устья Черного моря вольно-жъ. А городъ Кіевъ съ монастырями и сколько-то стариного своего уѣзду съ разореными городками ниже Кіева, съ Васильковымъ, съ Трипольемъ, съ Стайками и съ селами къ нимъ изстари належащими, быти въ сторонѣ и въ державѣ вашего Царского Величества. А которые городки и мѣстечка обрѣтаютца выше Кіева и до тѣхъ городковъ и мѣстечекъ Салтанову В—ву Турскому и намъ Ханову В—ву дѣла нѣтъ. Также и Запорожскіе Низовые казаки въ Сѣчѣ и около Сѣчи, въ иныхъ урочищахъ внизъ рѣки Днѣпра пребывающихъ, имѣютъ быти въ сторонѣ и державѣ Вашего Царского Величества, и

Салтанову В-ву Турскому и намъ Ханову В-ву до тѣхъ Низовыхъ казаковъ нынѣ и впредъ дѣла нѣтъ и въ нихъ не вступатца и подъ державу свою не перезывать. Да Салтановужъ В-ву Турскому и намъ Муратъ-Гирею Ханову В-ву Крымскому и братьѣ моей Калгѣ и Нурадыну салтаномъ, и по насъ будущимъ наслѣдникомъ нашимъ Ханомъ Крымскимъ, Калгамъ и Нурадыномъ, въ грамотахъ своихъ къ вамъ Великому Государю, Вашего Ц-го В-ва именованіе и титло писать сполна во всемъ, какъ вы Великій Государь въ своихъ Ц-го В-ва грамотахъ сами себя описуете и какъ въ началѣ сей шертной грамотѣ Вашего Ц го В-ва имянованіе и титло написано. И ни въ какихъ подданныхъ народовъ Вашего Ц-го В-ва и въ городы и въ земли государствъ вашихъ нигдѣ Салтанову В-ву Турскому и мнѣ Муратъ-Гирею Хану и братьѣ моей Калгѣ и Нурадыну салтаномъ не вступатца и вой-

ны ни за что не всчинать и о Дорошенкѣ и о санжакахъ Салтанову В-ву Турскому впредъ не упоминатца. А боярина Василья Борисовича Шереметева и столника князя Андрея Ромодановскаго съ прочими со всѣми завоеванными невольники, намъ Ханову В-ву на отпускъ и на розмѣну отпустить; а розмѣнѣ быть впредъ, грядущими временами, и розмѣнному мѣсту быть. И сіе непремирное постановленіе Салтанову В-ву Турскому и вамъ Ханову В-ву содержать безъ всякого нарушенія, и впредъ мнѣ Муратъ-Гирееву Ханову В-ву и братьѣ моей Калгѣ и Нурадыну салтаномъ и по насъ наслѣдникомъ нашимъ впредъ будущимъ Ханомъ на Крымскихъ юртахъ, быть съ вами Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ В-я В-я и М-я и Б-я Россіи Самодержцемъ и съ наслѣдники вашими впредъ будущими Великія Россіи Государи Цари и Великими Князи въ дружбѣ

и любви, и вездѣ быти намъ вашего Ц-го В-ва другу другомъ а недругу недругомъ. И впредъ намъ Муратъ-Гирею-Хану и братьѣ нашей Калгѣ и Нурадыну салтаномъ, и дѣтямъ и племянникомъ нашимъ и Крымского юрта всякимъ людемъ и Нагайскимъ мурзамъ и Бѣлгородцкой ордѣ и Темрюцкимъ Черкасомъ и всякимъ улуснымъ людемъ которые у насъ послушны и въ повелѣньѣ, мурзамъ и улуснымъ людемъ на ваше Великого Государя вашего Ц-го В-ва государства на Украинскіе городы, которые ни-есть обрѣтаютца подъ самодержавною вашего Ц-го В-ва рукою, по сей шертной грамотѣ, войною не ходить и городовъ и земель не воевать и лиха ни какова ни за что, не хотѣть и не мыслить. А буде Крымскихъ и Нагайскихъ или какихъ нибудь къ Крымскому юрту прииалежащихъ улусовъ, кочевые наши люди и улусные татаровя вашихъ Великого Государя вашего Ц-го

В-ва людей, которыхъ нибудь городовъ вашего Ц.-го В-ва государства, или казацкіе городы повоюютъ, и повоевавъ придутъ въ кочевья, и въ тѣ кочевья намъ Муратъ-Гирею-Хану посылать ратныхъ своихъ людей и велѣть розыскивать на-крѣпко и розыскавъ, тѣхъ людей казнить смертью, а побранной ясырь (плѣнныхъ) и животы (имущество) всѣ отдавать въ вашу Великого Государя сторону, безъ окупу, сполна безо всякіе хитрости, въ правду, по сей нашей учиненной шерти. А вашимъ Великого Государя вашего Ц-го В-ва намъ Муратъ-Гирею-Хану, и братьѣ нашей Калгѣ и Нурадыну салтаномъ и царицамъ и дѣтемъ нашимъ — царевичемъ и царевнамъ, любительные поминки, а ближнимъ людемъ жалованье, присылать къ намъ съ нынѣшнего договору, по вся годы, по росписи какъ давано напередъ сего; а для нынѣшнего перемирного договору вамъ Великому Госу-

дарю вашему Ц-му В-ву повелѣть дать казны своей государской на прошлые на три годы, и впредъ на 190-й годъ, и тое казну отдать намъ на розмѣнѣ, на вышепомянутомъ назначенномъ розмѣнномъ мѣстѣ. А болши того намъ Муратъ-Гирею-Хану и братьѣ нашей Калгѣ и Нурадыну салтаномъ на себя и на царицъ и на дѣтей нашихъ и на ближнихъ людей не просить ничего. И на посланникахъ, которые съ казною въ Крымъ присланы будутъ, ничего не спрашовать и безчестья и тѣсноты ни которыми мѣрами не чинить. А въ которомъ дѣлѣ будетъ споръ, и о томъ намъ Муратъ-Гирею-Хану и братьѣ нашей Калгѣ и Нурадыну салтаномъ писать къ вамъ Великому Государю къ вашему Ц-му В-ву, а до посланниковъ намъ никоего дѣла нѣтъ. А кречетниковъ и арбачеевъ и вожей и скорняковъ въ Крымѣ не держать, отпускать къ вамъ В-му Государю къ вашему Ц-му В-ву безо

всякого задержанія, какъ объ ихъ отпуску будутъ присылать ваши Ц-го В-ва посланники. А посланникомъ и людемъ ихъ и дву человѣкомъ толмачемъ, которыхъ оставятъ посланники съ собою жить въ Крымѣ до розмѣны, кормъ давать имъ не скудной и дворы, на посольскіе пріѣзды, построить въ Бакчисараѣ, со всякими покои, какъ ведетца въ мирныхъ государствахъ, которые въ совѣтѣ пребываютъ; и честь и береженье надъ ними посланники держать, и къ вамъ В-му Г-рю къ вашему Ц-му В-ву отпускать безо всякого задержанія. А толко доведетца къ вамъ В-му Г-рю къ вашему Ц-му В-ву послать посланникомъ отъ себя гонца, или людей, и намъ Муратъ-Гирею-Хану отпущать къ вамъ Великому Государю къ вашему Ц-му В-ву намъ Муратъ-Гирею Хану и братьѣ нашей Калгѣ и Нурадыну салтаномъ послать пословъ зъ грамотами потомужъ, какъ было при прежнихъ Крым-

скихъ, при Исламъ-Гиреѣ и при Маметъ-Гиреѣ и при Адиль-Гиреѣ Ханѣхъ, пяти человѣкъ, а съ ними людей 20 человѣкъ; а болши того пословъ и посольскихъ людей и грамотъ ни отъ кого не посылать; а гонцовъ послать 3 человѣка, да съ ними людей 12 человѣкъ, и то предъ розмѣною, съ вѣстью, или для государственного великого дѣла, а болши 3 человѣкъ гонцовъ и трехъ грамотъ къ вамъ В-му Г-рю къ вашему Ц-му В-ву намъ Муратъ Гирею-Хану и братьѣ нашей Калгѣ и Нурадыну салтаномъ не посылать. А толко ваши Ц-го В-ва послы и посланники и гонцы или торговые люди пойдутъ чрезъ наше государство Крымского юрту, или назадъ, и тѣхъ пословъ и посланиковъ и гонцовъ и торговыхъ людей нашимъ людемъ не задержать и ихъ не побить и не пограбить и пропускать на обѣ стороны, безо всякого задержанія. А буде ваши торговые люди учнутъ пріѣз-

жать въ Крымъ съ товары своими, и имъ тѣми своими товары торговать повольно, со всякими людми. А тѣсноты и безчестья имъ ни какова не чинить и не грабить, и отъ грабежу и отъ насилства сберегать, и безденежно у нихъ ничего не имать, и отпускать ихъ со всѣми товары въ цѣлѣ, безъ всякого задержанія. А которые де наши люди пословъ и гонцовъ и торговыхъ людей пограбятъ, и тѣхъ воровъ велѣть намъ казнить смертію, а взятой полонъ и животы отдать назадъ вамъ безъ окупу. Также какъ и наши Муратъ-Гиреева Хановы В-ва послы и гонцы къ вамъ Великому Государю посланы будутъ, и они пойдутъ прямо, безстрашно и безпошлинно, а вашимъ Великого Государя посломъ и гонцомъ къ намъ приходить безъпошлинножъ. И во всемъ вамъ В-му Г-рю и В-му Князю Өеодору Алексѣевичу В-я В-я и М-я и Б-я Россіи Самодержцу Вашему Ц-му В-ву и всему Россійскому Госу-

дарству, намъ Муратъ-Гирею-Хану и братьѣ нашей Калгѣ и Нурадыну салтаномъ добра хотѣти и лиха ни котораго не мыслить и во всемъ будемъ стоять по сей нашей шерти крѣпко, какъ выше сего написано. А слово наше и шерть премѣнно не будетъ на томъ на всемъ, хотя быти съ вами В-мъ Г-ремъ Царемъ и В-мъ Княземъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ (*) . . и наслѣдники вашими и впредъ будущими Великіе Россіи Государи Цари и Великими Князи, мы Муратъ-Гиреево Ханово В-во и братья наши Калга и Нурадынъ салтаны, также нашего Муратъ-Гиреева Ханова В-ва наслѣдники, и впредъ будущіе Крымского юрту Ханы, въ крѣпкой дружбѣ и любви учинилися, соблюди Всемогущій Богъ! на семъ и будущемъ свѣтѣ вездѣ сію нашу шерть нерушимо, отъ сего времяни, миръ нашъ правдою въ цѣлости

(*) Повтореніе всего титула.

содержать, на томъ мы Муратъ-Гиреево Ханово В-во, и Калга и Нурадынъ за Салтаново В-во Турского и за наслѣдниковъ Салтанова В-ва и за своихъ впредъ будущихъ Крымского юрта Хановъ, да съ нами же и пять родовъ честныхъ Крымскихъ за себя, и за весь Крымской юртъ и за кочевыхъ татаръ и за Бѣлогородцкихъ и за Нагайскихъ татаръ и за Темрюцкихъ Черкесъ и за Азовскихъ татаръ по своему мусульманскому закону, на куранѣ, шерть учинили при вашихъ Ц-го В-ва посланникахъ при столникѣ и полковникѣ и намѣстникѣ Переславскомъ при Васильѣ Михайловичѣ Тяпкинѣ, да при дьякѣ Никитѣ Моисеевичѣ Зотовѣ; и двѣ шертные грамоты Салтанова В-ва Турского и нашу Ханова В-ва, за руками пяти родовъ честныхъ и за золотыми вислыми печатми, тѣмъ вашего Ц-го В-ва вышеимянованнымъ посланникомъ дали и къ вамъ В-му Г-рю къ вашему Ц-му В-ву

отпустили ихъ безъ задержанія, со всякою учтивостью. А что въ сей нашей Ханова В-ва шертной грамотѣ написано, что быти съ вами съ В-мъ Г-ремъ съ вашимъ Ц-мъ В-мъ Салтанову В-ву Турскому во искониой дружбѣ и любви, и то я Муратъ-Гирей-Ханъ учинилъ съ повелѣнія Салтанова Величества Турского, что по сей нашей шертной грамотѣ его Салтанову В-ву держать крѣпко и не порушимо, не премѣняя сего договору ни въ чемъ.—А прочетъ Ханово В-во грамоту, говорилъ намъ: что та грамота добра, и къ отпуску де вашему будетъ она готова, толко де сверхъ той грамоты и сверхъ прежде отъ насъ поданныхъ ему о миру договорныхъ статей, надобно короткое писмо на бѣлорусскомъ и на татарскомъ писмѣ о розграниченіи межъ государствъ Ц-го В-ва и Салтана Турского межи, безъ подписыванья рукъ нашихъ и печатей, для того, отпущаетъ де сво Ханово В-во нынѣ на-скоро

гонца своего Халилъ-агу, который на Москвѣ былъ въ гонцѣхъ, къ Салтану Турскому съ вѣстью отъ себя и съ объявленіемъ межи посольства нашего. А то де наше короткое писмо о межѣ употребляетъ его Ханово В-во отъ насъ и посылаетъ его къ Салтану, для вѣдома межь государствъ о Днѣпровой межи, и чтобъ мы то писмо изготовили къ утрѣ и привезли къ его Ханову В-ву сами. А въ томъ бы нашемъ короткомъ писмѣ о за-Днѣпрскихъ земляхъ и городахъ, кромѣ Кіева съ уѣздомъ и зъ городами, иного ни чего не писали для того, что де Салтаново В-во употребляетъ вскорѣ толко одной вѣдомость о межѣ, а о иныхъ мирныхъ договорѣхъ за ево Салтанову сторону и за Крымскіе юрты имѣетъ полную мочъ его Ханово В-во. И мы Ханову В-ву говорили: чтобы намъ изволилъ въ томъ дать сроку покамѣстъ о томъ писмѣ межь собою посо-

вѣтуемъ. И ударя челомъ, поѣхали къ себѣ на подворьѣ, въ село Маріино.

А пріѣхавъ на станъ и посовѣтовавъ межь собою и зъ гетманскимъ писаремъ Семеномъ, о томъ короткомъ писмѣ доволно, велѣли ему Семену по бѣлорусски, а переводчику по татарски, писмо изготовитъ таково. Божіею милостію Великого Государя Царя и Великого Князя Θеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и многихъ государствъ и земель Восточныхъ и Западныхъ и Северныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и Государя и облаадателя, Его Царского Величества посланники, столникъ и полковникъ и намѣстникъ Переславской Василей Михайловичь Тяпкинъ, діакъ Никита Моисеевъ Зотовъ. Въ нынѣшнемъ во $\frac{189}{1681}$ году, Генваря въ 3-й день за великого государя Магметъ Салтанова Величества Турского сторону, съ Крымскимъ Муратъ–Гиреевымъ

Хановымъ Величествомъ учинили перемирные договоры, впредъ на 20 лѣтъ, а межъ государствами, Царского Величества и Салтанова В–ва быти рубежу рѣкѣ Днѣпру; по той сторонѣ Днѣпра быть берегу и землямъ Салтанова В-ва Турского. А Кіеву и съ кіевскимъ старымъ уѣздомъ и съ разоренными городками, съ Васильковымъ и съ Трипольемъ и Стайками которые изстари къ Кіеву належатъ, быти въ сторонѣ Великого Государя Его Ц-го В-ва, и впредъ Салтанову В-ву Турскому отъ Кіева по той сторонѣ Днѣпра и до Запорожья ни какихъ городовъ и поселенія не строить, также и Ц–му В–ву отъ Кіева до Запорожья городовъ не строить же. А Запорожью съ казаками, быть за Великимъ Государемъ нашимъ, за Его Царскимъ Величествомъ. — И Генваря въ 10 день, по присылкѣ того писма отъ Ханова В–ва съ приставомъ нашимъ, беемъ, ѣздили мы къ Ханову В–ву и то короткое писмо на

бѣлорусскомъ и на татарскомъ писмѣ ему подали; и Ханово В-во то писмо у насъ принявъ и по татарски вычелъ и сказалъ намъ: что то писмо добро, и посылаетъ де ево зъ гонцомъ своимъ къ Салтану Турскому на-скоро. А намъ велѣлъ ѣхать на подворье и дожидатца, покамѣстъ гонецъ отъ Салтана поворотитца.

Генваря въ 13-й день вѣдомо намъ учинилось, что пріѣхалъ въ Крымъ присланной отъ Великого Государя Его Ц-го В-ва съ его государскою грамотою къ Ханову В-ву, Посольского Приказу толмачъ Андрей Щербининъ, и не допустя до насъ, взяли ево на Ханской дворъ и Великого Государя грамоту у него ближней человѣкъ отнялъ силою и поднесъ ее Ханову В-ву. И мы о томъ выговаривали, съ шумомъ, приставу своему бею, что такое насиліе Царского В-ва присланному толмачу чинится, и мимо насъ посланниковъ Ц-го В-ва грамоты Великого Государя у него отымать

не годилось, а довелося было прежде того помянутого толмача зъ грамотою Великого Государя и съ прочими посланными съ нимъ къ намъ государскими дѣлами, прислать ево къ намъ. И мы бы выразумѣвъ указъ В-го Г-ря нашего Ц-го В-ва и взявъ у него грамоту, по посольскому чину подали его Ханову В-ву сами. И то они ближніе люди Ханова В-ва дѣлаютъ не пристойно и къ мирнымъ настоящимъ договорамъ великую противность, а и въ отъимкѣ у толмача и въ роспечатыванье Великого Государя грамоты, пресвѣтлѣйшему престолу Его Ц-го В-ва чести чинятъ умаленіе; и чтобъ онъ бей наши слова донесъ Ханову В-ву, чтобъ велѣлъ намъ ту Великого Государя грамоту отдать, и свои Ханова В-ва очи видѣть, и любительную В-го Г-ря нашего грамоту у насъ изволилъ бы принять самъ, а толмача бы Андрея указалъ зъ дѣлами Великого Государя отпустить къ намъ, на посольской станъ.

И Генваря въ 14-й день пріѣхалъ къ намъ приставъ бей, велѣлъ намъ ѣхать къ Ханову В-ву, на Качю, и говорилъ: помянутая де Великаго Государя грамота отдастся намъ въ ту пору, какъ будемъ на дворѣ Ханова В-ва. А для чего она у толмача взята и Ханову В-ву поднесена и печать у ней отнята и отворена и вычтена, о томъ де вамъ посланникомъ Ц-го В-ва самъ государь, его Ханово В-во, скажетъ. И какъ мы съ беемъ къ Ханову двору пріѣхали по блиску, и бей велѣлъ остановитца и подождать, пока онъ объ нашемъ пріѣздѣ Ханова В-ва доложитъ и грамоту Великаго Государя намъ вывезетъ и толмача Андрея намъ приведетъ. И по не долгомъ времяни пріѣхалъ къ намъ отъ хана бей и толмача съ грамотою Великаго Государя привелъ и намъ его отдалъ. И мы у толмача грамоту В-го Г-ря приняли розшиту и печать у ней отнята; подивилися тому не по малу

и бею о томъ говорили, и онъ намъ сказалъ тѣжъ свои вышеписанные рѣчи. А бояринъ Василій Борисовичъ былъ приведенъ тутъже прежде нашего пріѣзду и поставленъ былъ подъ бакчами съ нами вмѣстѣ, и ту разтворенную Великаго Государя грамоту безъ печати видѣлъ. И по полденномъ богомолномъ Ханскомъ времяни пріѣхалъ бей, боярину Василью Борисовичу и намъ зъ грамотою Великого Государя, велѣлъ ѣхать къ Ханову В-ву. И мы ѣдучи на конехъ къ Ханову двору и дворомъ и въ хоромы идучи, грамоту Великого Государя держалъ я Василій, за пазухою, для того, что безъ печати явно было ее вести посольскимъ чиномъ непристойно. А пришедъ къ Ханову В-ву въ палату, по обычаю поклонясь говорили: По указу Великого Государя нашего Его Ц-го В-ва присланъ къ намъ въ Крымъ толмачъ съ любительною его Государскою къ вашему Ханову В-ву гра-

мотою; а велѣно, государь, намъ ту Ц-го В-ва грамоту у толмача принять и вашему Ханову В-ву поднести намъ Царскаго Величества посланникомъ. И ту В-го Г-ря грамоту, ближніе вашего Ханова В-ва люди, у толмача отняли силою и печать отняли и грамоту растворили и намъ ее отдали безъ печати, и тѣмъ своимъ не обыклымъ въ государскихъ дѣлѣхъ чиненіемъ, ближніе люди вашего Ханова В-ва, пресвѣтлѣйшему престолу Великого Государя нашего Его Ц-го В-ва чести учинили умаленіе, и въ нынѣшнихъ настоящихъ перемирныхъ договорахъ показали противность. И чтобъ ваше Ханово В-во велѣлъ о отъемѣ В-го Государя грамоты и печати розыскать, и на такое ваше государское превысокое честное дѣло дерзающихъ людей велѣлъ учинить, предъ нами послами Ц-го В-ва, оборонь, чтобъ впредъ, межь вами Государи, такими не обычными дерзостями умаленія

Государской чести и ссоры межъ вами Государи не чинили. И Ханово Величество выслушавъ и говорилъ намъ тихо и милостиво усмѣхаючись: чтобъ мы о вышепомянутой отнятой у толмача и роспечатанной В-го Государя грамотѣ не сумнѣвалися и во умаленіи чести Великого Государя Его Ц-го В-ва и въ противности перемирныхъ договоровъ ни какова поразумѣнія себѣ на ближнихъ ево Ханова В-ва людей не имѣли, для того, ту-де В-го Г-ря грамоту у толмача велѣлъ взять и донести къ себѣ, самъ Его Ханово В-во и печать де у нее отнялъ и грамоту отворилъ и вычесть предъ собою велѣлъ онъ же Ханово В-во для того, что де та Его Ц-го В-ва грамота писана и послана отъ Великого Государя къ его Ханову В-ву, а не къ нимъ посланникомъ Ц-го В-ва, и ту де Его Ц-го В-ва грамоту похотѣлось его Ханову Е-ву видѣть вскорѣ. А для де посольского чину, чтобъ намъ ее его Ха-

нову В–ву поднести, велѣлъ де его Ханово В–во отдать вамъ и чтобъ мы посланники Его Ц–го В–ва ту грамоту В-го Г–ря его Ханову В–ву подали, а онъ ее изволитъ у насъ принять самъ, рукою своею. А иные де В–го Г–ря грамоты, за печатьми, которые съ толмачомъ посланы къ вамъ и тѣхъ де у него Ц-го В–ва грамотъ и ни какихъ иныхъ писемъ имать у него не велѣлъ и со всѣмъ его приказалъ отдать вамъ въ цѣлости. И мы выслушалъ Ханова В–ва слова молвили ему: по волѣ твоей государской да будетъ! И грамоту Великого Государя подали, при бояринѣ Васильѣ Борисовичѣ, а отъ Великого Государя поклона и ни какова посольства ево Ханову В–ву мы не правили. И Ханово В–во принявъ Великого Государя грамоту отдалъ ее Агметъ–агѣ. Потомъ бояринъ Василей Борисовичъ, и мы, объявили ево Ханову В–ву присланные къ намъ В–го Государя грамоты о окупныхъ денгахъ

боярина Василья Борисовича и стольника князь Андрея Ромодановскаго и о посланникахъ Ханова В-ва Сеферъ-агѣ, что окупные деньги и Сеферъ-ага присланы въ Бѣлгородъ, и чтобъ его Ханово В-во боярина Василья Борисовича Шереметева и столника князь Андрея Ромодановскаго на откупъ и переводчика Кутломаметъ Устокасимова и подьячего Дементья Елдина, за посланника своево Сеферъ-агу, на розмѣну, велѣлъ отпустить на Торъ или Донъ. А какъ они на Торъ или Донъ привезены будутъ, и изъ Бѣлагорода за боярина Василья Борисовича и за столника князь Андрея Ромодановскаго окупные деньги и Сеферъ-ага изъ Бѣлагорода присланы будутъ. И Ханъ выслушалъ и говорилъ: теперво милостiю Божiею учинился межъ Государи миръ, и бояринъ Василiй Борисовичъ и столникъ князь Андрей Ромодановской на окупъ, и переводчикъ и подьячей за Сеферъ-агу, на розмѣну,

будутъ присланы въ тотъ Ц-го В-ва городъ, подъ которымъ розмѣна имѣетъ быть. Потомъ мы докладывали Ханова В-ва: что живемъ въ Крымѣ безъ дѣла многое время, и чтобъ ево Ханово В-во въ отпуску нашемъ къ Великому Государю Его Ц-му В-ву трудить насъ и держать безъ дѣла не велѣлъ для того, что время то приходитъ, что войска Царского Величества рушатца имѣютъ сего мѣсяца, быть подъ Кіевъ и на иные пограничные мѣста, и будучи на границахъ и подъ Кіевымъ будутъ бояря и воеводы Его Ц-го В-ва промыслы чинить, и не вѣдая перемирныхъ договоровъ учнутъ посылать ратныхъ людей въ подъѣзды и въ войну подъ Крымскіе и Азовскіе и Нагайскіе и иные вашего Ханова В-ва краи и улусы, и чтобъ отъ тѣхъ войсковыхъ Ц-го В-ва промысловъ и подъѣздовъ сему перемирному, межь вами Государи договору какова нарушенія не учинили, а

намъ бы посланникомъ Ц-го В-ва въ томъ отъ Ханова В-ва напрасно въ подозрѣньѣ не быть. И Ханово В-во говорилъ намъ: хотябъ де отъ войскъ Его Ц-го В-ва нынѣ по вашему извѣщенію, промыслъ ратной какой надъ ево Ханова В-ва людми и учинитца и того де на васъ не спросимъ и мирному сему договору порухи отъ того ни какой не будетъ. И чтобъ мы замедленнымъ своимъ житьемъ въ Крымѣ не поскучили, и подождали указу Салтана Турского, которого онъ Ханъ ожидаетъ себѣ вскорѣ; не дождався о томъ перемирномъ дѣлѣ указу отъ Салтанова Величества, отпустить ему Ханову В-ву насъ не возможно. Да намъ же ево Ханово В-во говорилъ: чтобъ мы писали отъ себя на Донъ и въ Запорожье, къ Донскому и Запорожскому войскамъ, и о нынѣшнемъ мирномъ постановленіи имъ въ писмѣ объявили и ихъ тѣмъ отъ воинскихъ промысловъ надъ Азовскими и Крым-

скими и Турецкими народы, задержали. А его де Ханово В-во послалъ свои грамоты во всѣ свои Крымскіе городы и въ Нагайскіе улусы съ Крымскимъ заказомъ, чтобъ за нынѣшними перемирными договоры, въ порубежные и въ Украинные Великого Государя Его Ц-го В-ва городы, отнюдь войною не ходили и для языковъ и ясырь безбашевъ, се-есть подъѣздовъ своихъ не посылали. И мы ево Ханову В-ву въ томъ отказали, а говорили: что намъ не приведчи вашего Ханова В-ва къ шерти и не взявъ у него шертные грамоты, писать о задержаніи воинскихъ промысловъ къ Донскимъ и Запорожскимъ войскамъ не возможно. А когда то перемирное дѣло, за указомъ Салтанова В-ва, съ вашимъ Хановымъ В-вомъ у насъ посланниковъ Ц-го В-ва въ совершеніе придетъ и шерть ваше Ханово В-во и братья ваши Калга и Нурадынъ салтаны, на куранѣ, за Салтана Турского и за себя

при насъ учините и грамоту шертную, ваше Ханово В-во, за золотою своею Ханскою печатью намъ изволишъ отдать и насъ посланниковъ Ц-го В-ва велишъ изъ Крыму къ Великому Государю нашему къ Его Ц-му В-ву отпустить, тогда, за помощію Божіею, вступивши мы въ пограничные Великого Государя Его Ц-го В-ва земли и городы, въ Запорожье и на Донъ, о перемирныхъ договорѣхъ вѣдомо учинимъ, и отъ воинскихъ промысловъ взаимно велимъ казакомъ Донскимъ и Запорожскимъ задержатца и жить, въ пограничьѣ, съ вашими Ханова В-ва и съ Турецкими народы въ покоѣ и въ дружбѣ и любви. И Ханово В-во намъ молвилъ: когда такого писма отъ себя на Донъ и въ Запорожье до совершенія перемирныхъ договоровъ послать не хочете, и вы де живучи не скучайте и подождите отъ Салтанова В-ва Турского тому доброму дѣлу лутчего подтвержденья и указу, И велѣлъ

намъ ѣхать къ себѣ на станъ. И мы говорили: для вашихъ общихъ Государскихъ такихъ добрыхъ дѣлъ жить и дожидатца съ радостію мы всегда готовы, и слыша отъ вашего Ханова В-ва въ Государскихъ дѣлѣхъ способъ, скучать не будемъ. И ударя челомъ сво Ханову В-ву, поѣхали къ себѣ въ станъ.

И Генваря въ 28 день пріѣхалъ къ намъ въ село Маріино приставъ нашъ бей изрозмѣнной и говорилъ: Ханово де В-во изволитъ быть сего числа въ бакчю свою, зовомая Ашлама, по блиску вашего стану, села Маріина, для того, что де отъ Салтана Турского гонецъ съ указомъ поворотился. А какой де отъ Салтана Турского указъ, и то де государь сво Ханъ, хочетъ вамъ объявить, и чтобъ мы къ пріѣзду сво Ханскому были готовы и ждали отъ него вѣсти. И Генваря въ 29 день пріѣхалъ къ намъ тотъ же бей, велѣлъ намъ съ собою вмѣстѣ ѣхать

къ Ханову В-ву, въ помянутую ево бакчю. И мы взявъ съ собою гетманского писаря, къ Ханову В-ву, съ нимъ беемъ поѣхали. А пріѣхавъ вошли въ палату, и Ханову В-ву челомъ ударили по прежнему обычаю. И Ханово В-во спрося насъ о здоровьѣ, говорилъ намъ: присланъ де къ нему указъ отъ Салтанова Величества Турского, велѣно ему, по нашимъ перемирнымъ договорнымъ статьямъ и по образцовой шертной грамотѣ мирное постановленіе за ево Салтанова В-ва сторону и за всѣ Крымскіе юрты, въ совершеніе учинить и шертную грамоту дать за золотою печатью и отпустить вскорѣ. И вынявъ изъ за-пазухи Салтанскую указную грамоту, показалъ намъ, а шертную образцовую грамоту, на татарскомъ писмѣ отъ насъ поданную, держалъ въ рукахъ же своихъ и сказалъ намъ: что онъ велитъ ее къ отпуску нашему изготовить вскорѣ; и салтанскую помянутую присланную къ нему

указную грамоту, для лучіе вѣрности и свидѣтельства отдастъ намъ же, на отпускѣ, вмѣстѣ съ своею шертною грамотою. И велѣлъ намъ къ отпуску готовитца, и срокъ намъ положилъ на 10 дней. И мы выслушавъ сказали: что къ отпуску будемъ готовы. И докладывали ево Ханова В—ва по грамотѣ Великого Государя какова къ намъ прислана съ толмачемъ съ Андреемъ Щербининымъ объ отпускѣ, на окупъ, боярина Василья Борисовича Шереметева, да столника князь Андрея Ромодановского. И Ханово В-во намъ оказалъ: что онъ изволитъ ихъ отпустить съ нами вмѣстѣ, а пока-де-мѣстъ мы посланники Ц.-го В-ва къ отпуску изготовимся и въ тѣхъ де числѣхъ ево Ханово В-во приказалъ къ себѣ быть на съѣздѣ братьямъ своимъ Калгѣ и Нуралыну салтаномъ и честнымъ пяти родомъ Крымскимъ и беемъ и карачеемъ и мурзамъ и агамъ и всякихъ чиновъ Крым-

скихъ юртовъ думнымъ людемъ, чтобъ имъ тѣ договорные статьи и образцовая шертная грамота, для вѣдома, вычесть и о шертованьѣ ихъ передъ нами и о прикладываньѣ къ шертной грамотѣ рукъ, будетъ имъ єво Ханово В-во говорить. А какъ де они къ єво Ханову В-ву, въ думу, съѣдутца и тогда де єво Ханово В-во намъ посланникомъ укажетъ быть тутъ же. И велѣлъ намъ ѣхать на станъ.

Генваря въ 31 день пріѣхалъ къ намъ отъ Ханова В-ва приставъ бей и сказалъ намъ, что де Калга и Нурадынъ салтаны и беи и карачеи и всѣ помянутые чины къ Хану съѣхались и засѣли въ думѣ съ его Хановымъ В-вомъ, въ бакчахъ єво Ханскихъ, на Качѣ; а намъ де посланникомъ Ц-го В-ва велѣлъ єво Ханово В-во по прежнему своему изволенію быть къ себѣ тогожъ часа, а бояринy де Василью Борисовичу велѣлъ єво Ханово В-во быть тутъ же. И

мы взявъ съ собою помянутого гетманского писаря Семена и переводчиковъ и подьячихъ, поѣхали съ приставомъ къ Ханову В-ву. И вшедъ въ палату, ударили челомъ ему и Калгѣ и Нурадыну салтаномъ, по первомужъ обычаю; а ближнимъ людемъ поклонилися рядовымъ поклономъ, на обѣ стороны палаты. И Ханово Высочество и Калга и Нурадынъ боярина Василья Борисовича спрашивали о здоровьѣ. А потомъ говорилъ намъ Ханово В-во: статьи де ваши о перемирныхъ договорѣхъ съ Великимъ Государемъ съ Его Ц-мъ В-вомъ и образцовую шертную грамоту, братья ево Ханова В-ва Калга и Нурадынъ и беи и карачеи и всѣ думные чины слушали, и написанное ваше посольство въ статьяхъ и въ грамотѣ выразумѣли и что де въ тѣхъ статьяхъ и въ грамотѣ о Крымскихъ юртахъ и дѣлѣхъ написано, то де имъ Калгѣ и Нурадыну и всѣмъ годно. И потому де нашему перемир-

пому договору его Ханово В-во, и братья ево Калга и Нурадынъ салтаны за Салтанову сторону Турского и за себя и за пять родовъ честныхъ Крымскихъ и за всѣхъ беевъ и карачеевъ и мурзъ и за всѣ Крымскіе юрты и за Нагайскіе улусы и за Бѣлогородцкихъ и Азовскихъ татаръ и за всѣ ихъ народы подъ державою ево Ханова В-ва обрѣтающихся, по своему мусульманскому закону шерть учинятъ и шертную грамоту ево Ханова В-ва отъ себя, за золотою своею печатью, намъ Его Ц-го В-ва посланникомъ велитъ дать. И пословъ своихъ отъ себя ево Ханово В-во и братья ево Калга и Нурадынъ къ Великому Государю Его Ц-му В-ву для подтвержденья тѣхъ перемирныхъ договоровъ съ любительными грамоты пошлютъ; и насъ де Его Ц-го В-ва посланниковъ къ Его Ц-му В-ву отпустятъ съ своими послы вмѣстѣ. А что въ тѣхъ договорныхъ статьяхъ и въ образ-

цовой шертной грамотѣ написано, чтобъ для лутчіе вѣры двадцатилѣтного перемирного содержанія и за Салтанову сторону Турского договоры родомъ честнымъ Крымскимъ самимъ, на куранѣ, шертовать и къ шертной грамотѣ имъ руки свои приложить; и того де у нихъ въ Крымѣ, изстари, николи не повелось, чтобъ имъ шертовать и руки свои прикладывать. Шертуеть де за нихъ и за Салтана Турского и за все Крымское государство исконно толко одни государи ихъ, наше Ханово В-во и братья наши Калга и Нурадынъ салтаны. И грамота де шертная всегда дастца отъ единого лица нашего Ханова В-ва, за золотою нашею печатью, а не за ихъ руками. И мы посланники Ц-го В-ва говорили: Великій Государь нашъ Его Ц-ое В-во изволилъ въ тѣхъ перемирныхъ статьяхъ о шертованьѣ и о прикладѣ рукъ написать, и намъ посланикомъ Его Ц-го В-ва говорить помя-

путымъ Крымскимъ честнымъ пяти родомъ не безъ причины, для того, — которые бывали мирные договоры прежде сего, у отца ево Государева и Великого Государя Его Ц-го В-ва съ прежними Ханы Крымскими и съ братьею ихъ Калгою и Нурадыномъ салтаны, и тѣ мирные постановленья толко содержались до смерти ихъ, или до перемѣны съ Крымскихъ юртовъ; а по смерти Ханова В ва или по перемѣнѣ иныхъ Хановъ чрезъ тѣхъ пять родовъ непостоянство, мирные договоры всегда разрушаютца и межъ Государства Ц-го В-ва и Крымскихъ юртовъ чинитца война и кроворазлитіе великое и плѣнное похищеніе на обѣ стороны напрасно; какъ то разорванье и не давно сталось въ прошлыхъ годѣхъ, послѣ замиренія съ отцемъ ево Государевымъ, Великимъ Государемъ Его Ц-мъ В-вомъ, Адиль-Гирея-Хана война вчалась великая отъ тѣхъ пяти родовъ при Селимъ-Гиреѣ-Ханѣ. И

Великій Государь нашъ Его Ц-ое В-во не токмо того употребляетъ чтобъ помянутые роды на нынѣшнихъ перемирныхъ чрезъ насъ посланниковъ Его Ц-го В-ва договорѣхъ шертовали и руки свои и печати къ шертной грамотѣ приложили, но и самому вашему Ханову В-ву велѣлъ намъ говорить и въ образцовой шертной грамотѣ написать, чтобъ ваше Ханово В-во и братья ваши Калга и Нурадынъ салтаны на куранѣ шертовали на томъ, что по долголѣтномъ житіи вашего Ханова В-ва и инымъ впредъ будущимъ Ханомъ на Крымскихъ юртахъ и братьямъ ихъ Калгомъ и Нурадыномъ и наслѣдникомъ вашимъ, то нынѣшнее перемирное постановленіе, на 20 лѣтъ, содержать во всякой крѣпости и ненарушеніи. И Ханово В-во говорилъ намъ: шертованье де ево Ханова В-ва и братьи ево Калги и Нурадына за себя, будетъ здержано безо всякого нарушенія, а чтобъ намъ шертовать за

предъбудущихъ по насъ Хановъ и братьи ихъ Калги и Нурадиновъ и за наслѣдниковъ, и то де дѣло не статочное. Почему де намъ, по смерти своей, правду сердецъ ихъ и крѣпость вѣры въ душахъ ихъ вѣдать; о томъ де вамъ и говорить сöромъ. И выговоря, розсмѣялся и молвилъ: на семъ де свѣтѣ мало того обрѣтается, гдѣбъ государскіе наслѣдники содержали правду предковъ своихъ. А нынѣ де съ Ц-мъ В-вомъ перемирные договоры по нашей Ханова В-ва и братьи нашей Калги и Нурадына смерти, или по перемѣнѣ хотябъ кто иные Ханы и Калги и Нурадыны и Крымскіе знатные роды похотѣли что нарушить и войну всчать, и то де дѣло не статочное потому, что крѣпко и постоянно то дѣло имѣетъ быти впредъ съ стороны Салтанова В-ва Турского для того, что безъ изволенія Салтанова В-ва Турского сего перемирного покою никто нарушить не возможетъ; а

пока де-мѣстъ нашему Ханову В-ву и братьѣ нашей Калгѣ и Нурадыну салтаномъ благоволитъ Богъ живымъ быть и на Крымскихъ юртахъ государствовать и до тѣхъ мѣстъ тѣ перемирные договоры будутъ здержаны безъ нарушенія, толко бы де съ стороны Ц-го В-ва какихъ разрушающихъ причинъ не показалось, а по насъ де при новыхъ Крымскихъ государѣхъ то перемирное постановленіе имѣетъ быти подтвержены, новыми шертными грамотами межъ великими Государи, чрезъ присланныхъ пословъ.

А Калга и Нурадынъ салтаны говорили: на чомъ де братъ ихъ Ханово В-во съ Ц-мъ В-вомъ за Салтанову и за свою сторону и за нихъ братью свою и за всѣ Крымскіе юрты перемирные договоры постановитъ и въ шертной грамотѣ напишетъ и шерть учинитъ, на томъ на всемъ они, по мусульманскому закону, шертью своею

утвердятъ и содержатъ безъ всякого нарушенія. А Крымскіе честные пять родовъ: Ширинскіе, Сулешевы, Аргинскіе, Мансуровы, Куликовы и съ ними беи и карачеи и всѣ ближніе люди говорили намъ: домогаетесь де вы посланники Ц-го В-ва у насъ того, чего въ Крыму отъ вѣка не повелось, чтобъ имъ руки свои и печати прикладывать къ грамотѣ Ханова В ва, отъ чего бы имѣло быть государю ихъ Ханову В-ву и Калгѣ и Нурадыну салтаномъ чести ихъ великое умаленіе, и зазоръ, и смерти ихъ и къ крѣпкому содержанію не довѣрство. И мы Ханову В-ву и братьѣ ево Калгѣ и Нурадыну салтаномъ и пяти родомъ честнымъ говорили: Великій Государь нашъ Его Ц-ое В-во того вышепомянутого нашего предложенія отъ васъ употребляетъ ни для какихъ иныхъ пожитковъ, или для умаленія вашей государской чести, токмо для надежды лутчего увѣренія и впредь крѣпкого

содержанія тѣхъ перемирныхъ договоровъ, и учинить бы то вашему Ханову В-ву зъ братьею и написать въ шертную грамоту не трудно. А когда уже пяти родомъ честнымъ, къ вашей Ханово В-во и братьѣ вашей шертной грамотѣ за вышепомянутыми ихъ отговоромъ, рукъ своихъ приложить имъ не возможно, и оипбъ дали на себя особное вѣрющее писмо, за руками ихъ и за печатми своими И Ханово В-во и Калга и Нурадынъ салтаны на тѣ наши слова умолчали; а вышепомянутые роды говорили намъ: писма де особного дать не возможно; развѣ де противъ старыхъ обычаевъ посылать имъ къ Ц-му В-ву отъ себя особныхъ пословъ зъ грамотами. И мы имъ говорили: то дѣло нестаточное, что вамъ отъ себя къ Великому Государю нашему къ Его Ц-му В-ву особныхъ пословъ зъ грамотами посылать, для того, что вы Ханова В-ва подданные холойи, и говорить вамъ про то

стыдно и не пригоже; а послы посылаютца отъ Государя къ Государемъ а вы холопи, такіежъ что и мы, должны быть въ повелѣньѣ и въ послушаньѣ своихъ Государей; и подобятися вамъ ко Государемъ, такими своими гордыми и не вѣжливыми словами не годитца. И они намъ говорили: у Великого Государя вашего то повелось ли, что къ его Государскимъ грамотамъ, бояромъ и ближнимъ людемъ руки прикладывать. И будетъ де вы посланники дадите намъ на себя писмо, что Ц-го В-ва бояре и ближніе люди къ его государской грамотѣ руки приложатъ, и мы де къ шертной Ханова В-ва грамотѣ руки свои приложимъ. И мы имъ говорили: что у Великого Государя нашего у Его Царского Величества такова обыкновенія нѣтъ и не бывало и впредь быть не возможно, по тому, что милостію Божіею, онъ Великій Государь, на своемъ государскомъ престолѣ

самодержствуетъ единъ и творитъ и повелѣваетъ якожъ хощетъ. А бояре и ближніе люди, всѣ повинуютца сво Государской волѣ, и на чомъ онъ Великій Государь со окрестными Государи свое государское какое дѣло изволитъ постановить и укрѣпить, и грамоты свои государскіе за единою царственною своею печатью послать, на томъ всякое дѣло въ крѣпости и состоитца; а бояръ и ближнихъ людей рукъ, у тѣхъ государскихъ грамот не бываетъ ни когда. А что вы Ханова В-ва, подданные холопи, самовольствомъ своимъ упрямитесь и вѣрющаго писма на тѣ перемирные договоры за руками и за печатми своими дать не хочете, и тѣмъ показуете по себѣ, въ содержаніи тѣхъ перемирныхъ договоровъ, не довѣрство. И они намъ говорили: на чомъ де государь ихъ Ханово В-во зъ братьею своею, съ Калгою и съ Нурадыномъ салтаны, за Салтанову сторону Турского и за себя и за нихъ пять

родовъ Крымскихъ и за всѣ Крымскіе юрты, какъ о томъ написано будетъ въ шертной грамотѣ, шерть учинятъ на томъ де на всемъ, и отъ нихъ будетъ здержано безо всякого нарушенія. А какъ де у Великого Государя вашего, ближніе ево люди къ грамотамъ ево государскимъ рукъ не прикладываютъ и во всемъ повинуютца ево государскому изволенію, также де они подлежатъ воли своимъ государемъ и вѣрятъ имъ во всемъ, и для умаленія ихъ государской чести, рукъ они прикладывать не будутъ и писма не дадутъ. — И мы, видя тѣхъ помянутыхъ родовъ упорство, что они не токмо за Салтанову сторону Турского, и сами за себя шертовать и рукъ своихъ къ шертной грамотѣ прикладывать и особно писма дать не хотятъ, говорили Ханову В-ву и Калгѣ и Нурадыну салтаномъ зъ большою докукою и съ прошеніемъ, чтобъ они показуючи истинное посредничество и

любовь къ Великому Государю Его Ц-му В-ву, по перемирнымъ нашимъ договорамъ учинили, на куранѣ, шерть и отдали намъ свою Ханскую шертную грамоту, за золотою печатью, отпустилъ насъ для подтвержденія тѣхъ перемирныхъ договоровъ къ Салтанову В-ву Турскому и отъ себябъ изволилъ къ ево Салтанову В-ву отписать, чтобъ тѣ перемирные договоры его Салтаново В-во велѣлъ съ нами, за свою сторону подтвердить, по томужъ, и шерть и куранѣ изволилъ при насъ посланникахъ Ц-го В-ва учинить и шертную свою Салтанскую грамоту къ Великому Государю нашему послать. И Ханово В-во говорилъ намъ: то де дѣло не статочное, что ему насъ къ Салтану Турскому отпустить, потому, что вся полная мочь отъ Салтанова В-ва вручена ему Хану, а для де истинного ево посредничества межъ Салтаномъ Турскимъ и Великимъ Государемъ нашимъ Его Ц-мъ

В-вомъ и впредь для вѣчныя дружбы и любви, по нашему прошенію и докукѣ, пошлетъ отъ себя наскоро къ Салтанову В-ву гонца своего, зъ грамотою и зъ договорными статьями, чтобъ ево Салтаново В-во на тѣ перемирные договоры и статьи за свою Салтанску сторону прислалъ къ ево Ханову В-ву свою салтанскую шертную грамоту, а пока де мѣстъ тотъ гонецъ поворотитца отъ Салтана съ указомъ и мыбъ до тѣхъ мѣстъ пожили въ Крымѣ. И изговоря рѣчь свою, велѣлъ намъ ѣхать на станъ. И мы выслушавъ тѣ ево слова и видя въ отпуску нашемъ къ Салтану Турскому великую несклонность, положились на ево Ханское изволеніе, и челомъ ударя Хану и Калгѣ и Нурадыну, поѣхали къ себѣ на станъ; а бояринъ Василей Борисовичь поѣхалъ въ Жидовской городокъ. А объ отпускѣ своемъ, на окупъ, побить челомъ Ханову В-ву времени онъ не изыскалъ

для того, что въ палатѣ было о посольскихъ дѣлѣхъ зѣло шумно. И дожидались мы противъ тѣхъ писемъ отповѣди отъ Салтана, многое время.

Февраля во 2 день пріѣхалъ къ намъ, въ Маріино село, приставъ нашъ бей, звалъ насъ и велѣлъ намъ съ собою ѣхать къ ближнему Ханова В-ва человѣку къ Агметъ-агѣ для розговоровъ о государскихъ посольскихъ дѣлѣхъ. И мы того часа поѣхали съ нимъ беемъ къ Агметъ-агѣ; а вшедчи къ нему въ палату, по палежащему обычаю привитались и поздравяся сѣли, подлѣ сво Агметъ-аги, по блиску. А въ ту пору сидѣли съ нимъ агою, ближніе люди Ха-В-ва, бей Ширинской старой, да казнодаръ болшой, да Дедешъ-ага, да дефтердаръ большой, да приставъ нашъ бей розмѣнной, да язычей, се-есть писарь ближней. А въ розговорѣхъ своихъ упоминались у насъ, чтобъ мы обѣщали Салтанову В-ву Турскому

и государю ихъ Ханову В–ву и везирю Салтанову и 10 Хановымъ ближнимъ людемъ, и за Ханское раденье и за ихъ доброхотство и помочь въ нынѣшнихъ посольскихъ перемирныхъ договорѣхъ, по Днѣпръ рѣку, сверхъ обѣщательные, погодные казны тожъ число, что Иванъ Сухотинъ имъ сперва обѣщалъ денгами и соболми. И мы имъ въ томъ отказали и говорили съ великими упорными словами, обличаючи ихъ Ханскою грамотою писанною къ Великому Государю Его Ц–му В–ву, чрезъ гонца ихъ Халилъ-агу. Также и чрезъ Ханскіе слова, реченные намъ, и ихъ прежними разговоры, что хотябы не токмо 100,000 золотыхъ, какъ о томъ писано выше сего, но и миліоны Салтанову В-ву давали, и ему, по мусульманскому вашему закону, уступить межи далѣ Днѣпра, въ ево Салтанскую сторону не возможно. А что вы ближніе люди Ханова В–ва хвалитеся собою въ томъ по-

слѣднемъ посолскомъ нашемъ розговорѣ, о Днѣпровой межѣ, радѣньемъ и спомогательствомъ, и мы посланники Ц-го В-ва ни мало вашего доброхотства въ дѣлѣхъ, кромѣ противности вашей, ни какіе прислуги ко пресвѣтлѣйшему престолу Великого Государя нашего отъ васъ не видали и не слыхали; и говорить вамъ о томъ не пристойно и стыдно. Да и Государю вашему Ханову В-ву, по вышепомянутымъ писаннымъ въ ево Ханской грамотѣ, и изъ устъ ево намъ реченнымъ словамъ, упоминатца о такой казнѣ не годитца потому, что всѣ нынѣшніе перемирные договоры учинили мы съ Салтановымъ В-вомъ и съ вами ближними людми по волѣ Салтана Турского и по писму и по словамъ ево Ханова В-ва и по вашимъ розговорамъ; и такими безпотребными и не правдивыми о государской казнѣ на насъ вымогательствы трудити, и обыклыми своими грубыми тѣснотами держатъ насъ на-

прасно, въ Крымѣ, вамъ непристойно. И будетъ впредъ вы, ближніе люди, учнете насъ въ томъ трудити и о чемъ не годитца вамъ говорить, о томъ будете намъ докучать, и мы впредь къ вамъ ближнимъ людемъ, кромѣ самого ево Ханова В–ва особы, на розговоръ и ни въ какой отвѣтъ не поѣдемъ. Да и по нынѣшнему объявленію Днѣпровой межи, въ постановленіи мира, не токмо что словами но и самою особою Ханова В–ва договоровъ чинить болши не будемъ, для такихъ вашихъ непристойныхъ на насъ вымогательствъ, и просимъ честность вашу о томъ, денесите Ханову В–ву чтобъ насъ отпустилъ къ Великому Государю Его Ц–му В–ву, того ради; что видимъ мы и сами въ сердцахъ вашихъ намѣреніе не о миру имѣете, но болши пожитковъ своихъ, на насъ посланникахъ Ц–го В–ва, вымогаете. И ставъ мы съ мѣста своево, осердясь на нихъ и не поклонясь

имъ пошли было отъ нихъ вонъ; и они насъ удержали, и словами тихими уговаривали, чтобъ мы на нихъ въ томъ не гнѣвились и говорили съ ними покладно. И будетъ де толикого числа, по первому обѣщанію Ивана Сухотина, казны Салтанову В-ву и Ханову В-ву, и везирю Салтанову и 10 Хановымъ ближнимъ людемъ не хочемъ посулить, и мы де хотя тое Великого Государя Его Ц-го В-ва чрезъ Ивана Сухотина, обѣщательные за Тясминскій рубежъ Ханову В-ву 10,000 червонныхъ золотыхъ, да Салтану Турскому и везирю ево на 5,000 рублевъ соболей, да ихъ Хановымъ ближнимъ людемъ 3,000 червонныхъ золотыхъ посулили. И мы имъ совершенно во всемъ томъ отказали, острыми словами, выкидаючи имъ на очи многіе ихъ въ дѣлѣхъ государскихъ неправды и препинательства болши было, нежели вспомогательныя ихъ радѣнья. Да и то имъ вы-

говаривали съ шумомъ, не боясь ихъ страховъ: что они ближніе люди, приняли у переводчиковъ присланные чрезъ насъ имъ государское жалованье не вѣжливо и не благодарно, и не токмо вы били челомъ за ево государскую милость, но и слова доброго не рекли. И мы, видя вашу такую злонравную гордость и неблагодареніе, также и въ общихъ ихъ государскихъ дѣлѣхъ ваши нерадѣнія, не токмо такіе великіе Ц-го В-ва казны отъ нынѣшнихъ договоровъ Днѣпровой межи вамъ сулить, но ни малые почести учинить вамъ не годитца. И ставъ опять съ мѣста своего, пошли отъ нихъ, не простясь, вонъ. И они сидя на мѣстѣхъ своихъ промолчали и пустили насъ, на станъ къ себѣ нашъ, свободно, И послѣ того, о той помянутой казнѣ, намъ ближніе Ханова В-ва люди присылаючи пристава нашего бея, упоминались многижды. И мы имъ наипаки совершенно отказали и грозили

имъ, хотѣли для того нарочно ѣхать и бить челомъ на нихъ, въ томъ вымогательствѣ, Ханову В–ву. Потомъ затихли и о болшой казнѣ болши не упоминались, толко чрезъ того бея приказывали намъ, Агметъ–ага да казнодаръ болшой и велѣли говорить намъ, въ любовь, что мы ихъ Агметъ–агу и казнодара болшого и ево самого пристава нашего бея, по скончаніи перемирныхъ договоровъ и на отпускѣ нашемъ изъ Крыму не препомнили и почесть учинили по нашему вышеписанному обѣщанію. Также де бы и на Москвѣ будучи Великому Государю Его Ц–му В–ву донесли, чтобъ они въ милости ево Государской забвенны не были. А они де Агметъ–ага и казнодаръ болшой и бей розмѣнной должны ему Государю во общихъ государскихъ дѣлѣхъ служить со всякимъ добросердечнымъ радѣньемъ. И мы имъ чрезъ бея приказывали, что мы отъ себя Агметъ-агѣ и казнодару и ему бею

обѣщанное свое слово содержимъ. А когда дастъ Богъ намъ видѣти Великого Государя нашего Его Ц-го В-ва пресвѣтлые очи, и что впередъ, отъ нихъ увидимъ къ совершенію перемирныхъ дѣлъ радѣнье и къ Его Ц-му В-ву службу, о томъ извѣстимъ.

И Марта въ 1 день пріѣхали къ намъ на станъ, розмѣнной бей зъ ближнимъ Ханскимъ человѣкомъ а своимъ племянникомъ, съ Кеманомъ-мурзою-Сулешевымъ и объявили намъ, что де на тѣ статьи Салтанъ Турской прислалъ къ Ханову В-ву указъ, а къ Великому Государю къ Его Ц-му В-ву свою Салтанскую подтверженную грамоту и чтобъ мы готовы были на отпускъ вскорѣ, а къ короткому де письму нашему о межѣ, что мы дали и посылано было къ Салтанову В-ву, будучи на отпускѣ передъ Хановымъ В-вомъ приложилибъ мы руки и печати свои. Да Ханово де В-во велѣлъ вамъ объявить, что онъ посылаетъ къ Ве-

ликому Государю Его Ц-му В-ву въ посл҃ѣхъ ближнего своего человѣка, а сво бсева племянцика, Кемана-мурзу-Сулешева, и отпуститъ де сво съ вами вмѣстѣ. И мы выслушавъ говорили бею и Кеману-мурзѣ, чтобъ они прежде нашего отпуску показали и дали намъ перевесть, какову Ханово В-во даетъ Великому Государю нашему Его Ц-му В-ву шертную свою грамоту, и что написано въ Салтановѣ присланной грамо́тѣ. И какъ они намъ тѣ грамоты показали и переводчики Кутломаметъ Устокаеимовъ да Сулейманъ Тонкачеевъ превели и руки свои къ переводамъ приложили, и мы исъ переводовъ выразумѣли, что написаны тѣ грамоты, предъ образцовою шертною грамотою съ убавкою, и приказали съ ними къ Ханову В-ву: что мы такихъ грамотъ не примемъ; и чтобъ Ханово В-во велѣлъ свою шертную грамоту написать противъ нашей образцовой шертной грамоты, какову мы

ему подали. И они намъ отказали съ болшимъ гнѣвомъ и упорными словами, а говорили: или-де вы государей нашихъ учить пріѣхали и свои упрямые обычаи и лишніе слова писать, то де не въ честь возмете, что вамъ изволитъ написать и дать Ханово В-во, потому, что де всякой Государь воленъ на своемъ государскомъ престолѣ, и дѣлаетъ что хочетъ; а вы де насъ не учите и не указывайте! А будетъ де вы заупрямитесь и такихъ грамотъ не примете, и тѣ де грамоты писаны будутъ къ Великому Государю вашему къ Его Ц-му В-ву съ его Ханскими послы; а васъ де, за упрямство ваше, велятъ держать въ кайдалахъ и зашлютъ въ вѣчную неволю! И мы о томъ имъ выговаривали, съ великимъ шумомъ, ссылаючись на Ханскіе первые слова, какъ онъ намъ сперва обѣщалъ дать шертную свою грамоту, противъ нашей образцовой шертной грамоты, при всѣхъ своихъ ближнихъ людѣхъ и при

пихъ бей и Кеманъ. И они намъ говорили: какъ належитъ дѣлу быть, такъ Ханово В-во въ грамотѣ своей шертной и написалъ, и чтобъ мы готовы были къ отпуску вскорѣ. И мы имъ говорили прежніе свои слова упорно: что мы такіе шертные грамоты, договоровъ крѣпки, и о томъ Великому Государю нашему, Его Ц-му В-ву, какъ Богъ извѣститъ.

И Марта въ 4 день взяли насъ предъ Ханово В-во къ отпуску, близь Бакчисарая, на поле, гдѣ были разбиты шатры Ханскіе. А недопустя до шатровъ не подалеку, пріѣхалъ къ намъ отъ Ханова В-ва помянутой Кеманъ-мурза, да съ нимъ Ханской языччей, се-есть писарь, имянемъ Абдулъ-ага, говорили намъ: Ханово де В-во велѣлъ вамъ говорить: желаючи де сво Ханово В-во съ Великимъ Государемъ дружбы и любви, изволилъ оставить древніе обычаи палаты своей, — какъ де прежніе послы предковъ

Царского Величества и ево Государскіе прихаживали предъ лицы ихъ Ханова В-ва, и тѣхъ пословъ приставы, по два человѣка, взявъ за шею, наклоняли ихъ главами даже до самой земли, а нынѣ Ханово В-во любя Великого Государя вашего Его Ц-ое В-во, а васъ посланниковъ жалуя, на первой и на иныхъ на всѣхъ вашихъ, предъ лицемъ ево Ханова В-ва бытностяхъ, такова безчестного принужденія чинить вамъ не велѣлъ, и кланялись ево Ханову В-ву, по воли своей. Также нынѣ, на отпускѣ будете кланяться ево Ханову В-ву по воли своей. Также нынѣ, на отпускѣ будете кланяться ево Ханову В-ву безъ всякого принужденія, по своей волѣ. А какъ де вы будете у Великого Государя Его Ц-го В-ва, и вамъ бы де о томъ ему Великому Государю извѣсбезъ указу Великого Государя Его Ц-го В-ва принять не смѣемъ, и чтобъ Ханово В-во тѣмъ насъ поневолить не велѣлъ, а

поволилъ бы намъ о томъ писать и послать отъ себя гонца къ Великому Государю Его Ц—му В—ву о пріемѣ той Ханова В—ва шертные грамоты, что̀ онъ Великій Государь намъ укажетъ; а до тѣхъ мѣстъ, побудемъ мы въ Крымѣ; и чтобъ они тѣ слова наши донесли Ханову В—ву и намъ учинили отповѣдь. И того дни, помянутой бей, приставъ, пріѣзжалъ въ станъ и сказалъ: тѣ де ваши всѣ упорные слова, и о гонцѣ къ Великому Государю, прошенье ваше доносилъ, и Ханово де В—во велѣлъ вамъ въ томъ вовсе отказать, для того, что по указу Салтанова В—ва Турского, велѣно насъ посланниковъ Ц-го В-ва отпустить ему Хану самому, къ Великому Государю, съ шертными грамотами тотъ-часъ; и для нашего отпуску присланъ отъ Салтанова В—ва нарочно чаушъ, которому велѣно нашего отпуску и выѣзду изъ Крыму дожидатца, и дождався ѣхать ему на—скоро къ Салтанову

В-ву съ вѣстью. И чтобъ мы всячески упорность свою отложили и грамоты шертные приняли и въ путь свой были готовы. И мы, видя ихъ самую несклонность, приказали къ его Ханову В-ву зъ беемъ: что къ отпуску мы готовы и шертные грамоты примемъ по неволѣ; а будутъ ли тѣ шертные грамоты Великому Государю нашему Его Ц-му В-ву годны, и къ содержанію перемирныхъ тить, чтобъ по ево государской милости и Ханова В-ва и Калги и Нурадына салтановъ послы предъ ево государскимъ лицемъ, на пріѣздѣ и на отпускѣ кланялись по своей волѣ, и любительные ихъ грамоты онъ Великій Государь у пословъ ихъ изволилъ принимать, и на отпускѣ свои государскіе грамоты отдавать имъ, своею Государскою рукою, также какъ и ево Ханово В-во и Калга и Нурадынъ салтаны Его Ц-го В-ва у пословъ грамоты, на пріѣздѣ принимаютъ и на отпускѣ отдаютъ своими руками. И

мы имъ сказали: какъ по волѣ Великого Бога, будемъ предъ лицемъ Царского Величества, то все ему Великому Государю извѣстимъ. Потомъ велѣли намъ иттить къ Ханову В-ву. И вшедъ, въ шатеръ поклонились ево Ханову В-ву, по воли своей, какъ намъ обвѣщено. И Ханово В-во спросилъ насъ о здоровьѣ, и споболѣзнуючи о упадкѣ умершихъ людей нашихъ, говорилъ намъ: чтобъ мы о томъ не оскорблялись; то де учинилось по воли Божiей! И мы ему, за тѣ ево милостивые слова благодарственно челомъ ударили. А по томъ ближнему своему человѣку Агметъ-агѣ велѣлъ къ себѣ поступить ближе съ шертною своею Ханскою и съ Салтановою грамотами, а въ своихъ Ханскихъ рукахъ держалъ книгу куранъ, и по своему мусульманскому закону на куранѣ шертовалъ; а цѣлуючи куранъ, говорилъ намъ: что во всемъ онъ Ханъ и Салтаново В-во Турской, по договорамъ нашимъ

и по шертной своей и Салтанова В-ва грамотамъ, мирное постановленіе содержатъ непорочно, на 20 лѣтъ. А изговоря велѣлъ къ шертной своей грамотѣ печать свою золотую, томужъ ближнему своему человѣку, привѣсить при насъ; и положа ее въ золотой мѣшечекъ, а Салтанскую, съ латинскимъ переводомъ, въ отласной мѣшечекъ, велѣлъ ему, тѣ грамоты, передъ собою по блиску, отдать намъ въ руки. А намъ ево Ханово В-во изволилъ говорить: чтобъ мы посланники Ц-го В-ва о пріемѣ тѣхъ грамотъ не изъ ево Ханскихъ рукъ не оскорблялись и не спорывались для того, что самому ево Ханову В-ву изъ своихъ рукъ, для страху мороваго повѣтрія отдать не годитца; а не для какіе гордости и нелюбви. А когда де было отъ мороваго повѣтрія безстрашно, и тогда де ево Ханово В-во, не токмо государскіе грамоты, и письма ваши посольскіе принималъ у васъ своими руками,

и договоры посольскіе съ вами чинилъ своею особою, чего при прежнихъ Крымскихъ Ханѣхъ, отъ вѣка не бывало. И то де все дѣлалъ ево Ханово В-во въ надежду крѣпкіе сосѣцкіе дружбы и любви съ Царскимъ Величествомъ; и мы, знаючи тѣ ево Ханскіе въ пріемѣ государскихъ грамотъ и нашихъ посольскихъ писемъ, склонности, не спорили и учинили по волѣ ево, и тѣ грамоты передъ ево Ханскимъ лицемъ приняли изъ рукъ, у ближнево ево человѣка Агметъ-аги.—Потомъ ближней ево человѣкъ Агметъ-ага поднесъ намъ писмо наше о межѣ межь Государствъ Ц-го В-ва и Салтана Турского, которое у насъ взято было, на бѣлорусскомъ писмѣ, писанное писаревою Семеновою рукою Раковича. А Ханово В-во говорилъ намъ: чтобъ мы къ тому писму, руки и печати свои приложили. И мы принявъ то писмо, и справя съ своимъ писмомъ каково у насъ осталось, руки и печати свои

приложили и отдали томужъ ево ближнему человѣку. Потомъ передъ Ханово В-во принесли кафтаны золотные. Первой кафтанъ положили на пристава нашего бея розмѣнного, и бей надѣвъ кафтанъ и снявъ шапку, подступя къ Ханову В-ву, поцѣловалъ ево въ правую руку. А послѣ бея надѣли такіежъ кафтаны на насъ и на гетманского писаря Семена и на переводчиковъ на Кутломамета и на Сулеймана. И мы за тѣ кафтаны, Ханову В-ву, били челомъ и поднесли ево Ханову В-ву обѣщательные дары, о которыхъ написано выше сего. И Ханово В-во велѣлъ у насъ тѣ дары принять благодарно. А насъ пожаловалъ своимъ Ханскимъ жалованьемъ, мнѣ Василью — коня, а мнѣ Никитѣ—обьярь. А пожаловавъ насъ дарами, говорилъ намъ: чтобъ мы будучи на Москвѣ, не препомнили извѣстить Великого Государя, ево Ханова В-ва слова о томъ: Прежде сего посылалъ его Ханово

В-во къ Великому Государю гонцовъ своихъ Садыкъ-агу съ товарыщи, о добромъ дѣлѣ, и какъ де тѣ гонцы были отпущены съ Москвы, и тѣхъ де гонцовъ и ихъ людей, въ степи побили до смерти и животы пограбили Запорожскіе казаки; и то де ево Ханову В-ву извѣстно, что у Ц-го В-ва про тѣ смертныя убивства разыскано и воромъ казнь учинена. И чтобъ де за тѣхъ побитыхъ людей указалъ Ц-ое В-во на Запорожскихъ казакахъ доправить ту цѣну, какъ о томъ написано было прежъ сего къ Великому Государю въ ево Хановѣ листу, съ гонцомъ ево съ Халилъ-агою и отдать тѣ денги и грабленые животы въ то время, какъ подъ городомъ Переволочнымъ розмѣна будетъ. И мы ево Ханову В-ву отвѣтъ учинили, какъ о томъ написано нами въ большомъ наказѣ и говорили съ отказомъ: что доносить намъ о томъ Великому Государю не о чемъ, для того, что имъ та гибель учи-

нилась самими отъ себя, и Ц-го В-ва посланники погибли съ ними-жъ вмѣстѣ, отъ ихъ же обнадеживанья безстрашного пути. И Ханово В-во говорилъ намъ: васъ де я въ томъ трудить больши не буду, а отпишу о томъ къ Ц-му В-ву съ посломъ своимъ съ Кеманомъ-мурзою-Сулешевымъ. Да Ханово-жъ В-во, у отпуску, приказывалъ намъ къ Великому Государю Его Ц-му В-ву писать прежде своего пріѣзду къ Москвѣ, чтобъ В-кій Г-рь въ надежду братцкіе дружбы изволилъ послать къ Салтану Турскому для подтвержения нынѣшнихъ перемирныхъ договоровъ, пословъ своихъ государевыхъ, съ любительными поминки, вскорѣ, чтобъ тѣ помянутые договоры не мѣшкая подкрѣпить и шертную грамоту, у Салтана Турского, особную взять. А которые статьи противъ вашей образцовой шертной грамоты въ его Ханскую грамотуу не внесены, и то де будетъ написано и подтвержено въ Салтановѣ

грамотѣ Турского. И онъ де Ханъ о томъ, къ Салтану Турскому писалъ и впредь будетъ писать же. Намъ же Ханово В-во приказывалъ: чтобъ съ стороны Великого Государя Его Ц-го В-ва во всѣхъ Украинныхъ городѣхъ и границахъ, ни отъ какихъ народовъ, наипаче зъ Дону и отъ Запорожья никакихъ воинскихъ задоровъ, водянымъ и сухимъ путемъ не было, и о томъ бы Великого Государя Его Ц-го В-ва повелительные грамоты во всѣ городы были посланы вскорѣ, а мыбъ до Его Ц-го В-ва посланники ѣхали нынѣ изъ Крыму съ его Ханскими послами на Запорожье и чрезъ Малороссiйскiе городы для того, чтобъ тѣ народы, мирное постановленiе отъ насъ вѣдали и задоровъ никакихъ съ Турскими и съ Крымскими людми не чинили. И мы по ево Ханскому изволенiю, приказъ ево исполнить обѣщались, и докладывали: ево Ханова В-ва въ шертной ево грамотѣ на-

писано, быти розмѣнному мѣсту подъ Переволочнымъ, а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ розмѣнѣ быть, того въ ней не написано; также и объ отпускѣ съ нами боярина Василья Борисовича Шереметева да столника князь Андрея Ромодоновского. И Ханово В-во намъ сказалъ: о розмѣнномъ де срокѣ и о иныхъ многихъ дѣлѣхъ, наказано отъ ево Ханова В-ва полномочному ево послу Кеману-мурзѣ-Сулешеву; а боярина де Василья Борисовича Шереметева да столника князь Андрея Ромодановскаго отпустить велитъ на розмѣнное мѣсто для того, что де имъ дожидатца того отпуску не многое время. А потомъ Ханово В-во говорилъ намъ свѣтлымъ и радостнымъ лицемъ: какъ де, за помощію Божіею, достигнете царствующаго града Москвы и сподобитесь видѣть Великого Государя своего Его Ц-го В-ва пресвѣтлое лице, тогда де отъ нашего Ханова В-ва ему Великому Государю покло-

нитесь, и посредство наше межь Его Ц—мъ В-омъ и Салтаномъ Турскимъ и радѣніе въ мирныхъ договорѣхъ и откровенную предъ вами дружбу и любовь нашу Его Царскому Величеству донесите. А вамъ счастливой путь, устрой Боже, во благое путешествіе! И мы Ханову Величеству поклонилисъ до земли, и заево къ себѣ жалованіе, благодарственно били челомъ. А какъ изъ шатра пошли и насъ по ево Ханова В-ва указу провожали до лошадей, беи и карачеи и мурзы, и съ нами прощались любовно. Также у шатра и около шатра было множество христіанскихъ и бусурманскихъ народовъ, и слыша о томъ благополучномъ, при Божіи помощи, мирномъ утвержeніи, зѣло благодаря Бога, радовалися и съ нами прощались съ любовію и радостиыми словами и провожали далеко, спривѣтствующи намъ счасливой путь и доброго здоровья.

Тогожъ числа, по нашему прошенію,

повошилъ намъ Ханово В-во ѣхать въ село Марiино, къ церкви Пречистыя Богородицы, чюдотворныя ее Иконы помолитись (*). Тамъ же, предъ чюдотворнымъ ее образомъ, за Государское здоровье соверша молебное пѣнiе и цѣловавъ святую Икону и воздавъ благодаренiе Господу Богу и Пречистѣй его

(*) Священникъ Андрей Лызловъ, авторъ «Исторiи Скиѳiйской», въ 1698 году, о чудотворной иконѣ, писалъ слѣдующее. «Есть еще во оныхъ каменныхъ горахъ, близко Бакшисарая, чюдесный Образъ Пресвятыя Дѣвы Богородицы, о ея же явленiи сице повѣдаютъ. Бысть нѣкогда во оныхъ каменныхъ горахъ змiй великiй, людей и скоты пожирающiй, и того ради, люди отъ мѣста того отбѣжавши, пусто оставиша. Но яко тамо во оно время жили еще Греки и Генуэнсы, молишася Пресвятѣй Богородицѣ, дабы ихъ отъ онаго змiя освободила: и тако, единаго времяни, въ нощи, узрѣша въ горѣ той свѣщу горящу, идѣже не могущи крутыя ради и острыя горы взыти, вытесавши степени изъ камени и прiидоша тамо, идѣже свѣща горяше, и обрѣтоша Образъ Пресвятыя Богородицы, и свѣщу предъ нимъ горящу; тамо же, близко того Образа и змiя онаго обрѣтоша мертва, разсѣдшася. И тако радостни бывше, воздаша велiе благодаренiе Богоматери, избавльшей ихъ отъ такова зла змiя онаго: егоже, изсѣкши въ части, сожгоша огнемъ. И отъ того времени жителiе тамошнiе часто начаша ходити тамо молитися Пре-

Богоматери и взявъ у священниковъ благословеніе, поѣхали на станъ свой, на Алму рѣку.

И Марта въ 7 день пріѣхалъ къ намъ на станъ, приставъ нашъ бей розмѣнной, велѣлъ намъ ѣхать на отпускъ къ Калгѣ и Нурадыну салтаномъ. И тогожъ числа, съ нимъ бсемъ пріѣхавъ въ село Акмечеть (*), были на отпуску у Калги Токтамышъ-Гирея-салтана, въ саду, въ шатрѣ. А у Нурадына Саадетъ-Гирея-салтана въ селѣ Булганакѣ(**),

---

святѣй Богородицѣ, паче же Генуэнсы иже въ Кафѣ жили: не точію же сіи, но и Татарове велію почесть тому Образу воздаютъ. Нѣкогда Ханъ Крымскій, именемъ Ачи-Гирей, воююще противъ супостатъ своихъ, просилъ помощи отъ Пресвятыя Богородицы, обѣщающе знаменитое приношеніе и честь Образу ея воздати. И творяше тако. Егда бо откуду съ корыстію и побѣдою возвращашеся, тогда, избравъ коня или двухъ елико наилучшихъ, продаваше и накупивши воску, и свѣщь содѣлавши, и поставляше тамо чрезъ цѣлый годъ, еже и наслѣдники его, Крымскіе Ханы, многажды творяху.» — Изд. 2-е, томъ II, стр. 4, 5.

(*) Акмечеть, нынѣ городъ Симферополь.

(**) Деревня Булганакъ находится въ Симферопольскомъ уѣздѣ, при рѣчкѣ сего имени.

въ хоромахъ. Вшедъ предъ нихъ, кланялись имъ такимъ же подобіемъ какъ и Ханову В-ву, безъ всякого принужденія. А они, Калга и Нурадынъ салтаны спрашивали насъ о здоровьѣ, и на куранѣ, при насъ, по мусульманскому своему закону, шертовали и цѣлуючи куранъ говорили тѣжъ рѣчи что и Ханово В-во; какъ о томъ писано выше сего. А потомъ велѣли на насъ кафтаны положить такіежъ, что у Ханова В-ва, и мы надѣвъ кафтаны, имъ челомъ ударили, по обычаю. А отпускаючи насъ приказывали намъ: Великому Государю нашему Его Ц-му В-ву отъ себя челобитье и велѣли поклониться, и о послахъ своихъ говорили, чтобъ Великій Государь велѣлъ посломъ ихъ свои Государскіе очи видѣть и грамоты ихъ салтанскіе, у пословъ ихъ, изволилъ милостиво принять самъ, такъ какъ и они салтаны у насъ, его Государскіе грамоты принимали сами. И мы имъ Калгѣ и Нурадыну

салтаномъ говорили: когда за помощію Божіею, достигнемъ царствующаго великого града Москвы и сподобимся видѣть пресвѣтлое лице Великого Государя нашего Его Ц-го В-ва, любительное ихъ салтанское желаніе, ему Великому Государю, донесемъ. А потомъ они Калга и Нурадынъ говорили намъ: чтобъ мы за помощію Божіею, здравы ѣхали въ путь свой. И мы ударя челомъ, поѣхали къ себѣ, на станъ. А у тѣхъ Ханскихъ и салтанскихъ отпускѣхъ, прежней посланникъ Иванъ Сухотинъ былъ съ нами вмѣстѣ. А что въ болшомъ нашемъ наказѣ, на прежнихъ посланниковъ, на него Ивана Сухотина съ товарыщи написано: — будучи они въ Крыму, дѣлали многіе государскіе дѣла не такъ, какъ имъ было въ его Государевѣ указѣ написано, и учинили съ Хановыми ближними людми розговоры и отвѣты не по посольскому обычаю и не остерегательно; да опижъ учинили междо со-

бою ссору и брань, и тою своею ссорою, сверхъ своихъ неразумныхъ розговоровъ и отвѣтовъ, и пущаѣ зло государскимъ дѣламъ учинили, тѣмъ, что мимо ево Государева указу, въ розные времена отдали Хановымъ ближнимъ людемъ, городамъ и землямъ и рѣкамъ и инымъ знатнымъ урочищамъ тоі̆ стороны Днѣпра чертежи, и тѣмъ у Великого Государя у Его Ц-го В-ва съ Салтановымъ В-вомъ Турскимъ учинили ссору. Да и зъ грамоты Великого Государя Его Ц-го В-ва писанной къ Салтанову В-ву Турскому, дали списокъ Хановымъ же ближнимъ людемъ, которую было имъ довелось до времени сохранять въ великой таиности, и въ томъ междо себя другъ на друга доводили. Иванъ писалъ къ Великому Государю въ отпискѣ своей, называлъ дьяка Василья Михайлова воромъ, а Василей на Ивана доводилъ, что онъ Иванъ дѣлалъ не по Государеву указу, и тою своею глупостью и неостерегатель-

ствомъ, въ государственныхъ великихъ и въ земскихъ дѣлѣхъ уч нили великую поруху. Да къ Великому Государю къ Его Ц—му В—ву и Ханъ въ листу своемъ писалъ, что отъ нихъ посланниковъ къ дѣламъ ево государскимъ, полезныхъ словъ не было, только въ рукахъ своихъ держали чертежъ, и за то ихъ воровство, указу имъ не учинено, потому, что Иванъ Сухотинъ оставленъ въ Крыму, а Василей своровалъ, безъ указу Великого Государя Его Ц—го В—ва и съ Крыма збѣжалъ и пріѣхалъ къ Москвѣ, а Ивана Сухотина оставилъ въ Крыму, и очной ставки въ томъ воровствѣ дать не съ кѣмъ. И на тѣ вышеписанные на нихъ непсправы, Ханово В—во и Калга и Нурадынъ салтаны и ближніе ихъ люди, намъ Ц—го В—ва посланникомъ о воровствѣ и безчинствѣ и объ отдачѣ чертежа и списковъ съ Салтанскихъ грамотъ не сказывали, а выговаривали намъ, что въ посольскомъ дѣ-

лѣ годныхъ словъ небыло, и которые къ миру належащіе статьи, въ отвѣтѣхъ своихъ они Иванъ и Василей объявили, и тѣ статьи въ совершенное постановленіе не приведены за тѣмъ, что они не ту межу объявляли, о которой межъ Ханово В-во къ вашему Государю писалъ.

Намъ же въ наказѣ написано: велѣно провѣдать: сколко у Хана жонъ и дѣтей и иныхъ чиновъ всякихъ людей, на которые чины давано Великого Государя жалованье. И кто у Хана у Калги и у Нурадына въ ближнихъ людѣхъ и во всякихъ чинѣхъ. И мы о томъ провѣдывали у многихъ будущихъ людей, которые намъ сказывали въ одно слово: у Ханова Величества жена одна, да три подложницы; дѣтей 4 сына; 1, Ак-гирей-салтанъ, 2, Сум-гирей-салтанъ, 3, Токтамышъ-гирей-салтанъ, 4, Селаметъ-гирей-салтанъ. А про дочерей, довѣдатца не могли. Ближніе люди: правитель всего Госу-

дарства-Агметъ-ага; болшой казнодаръ Садыкъ-ага; дефтердарь-ага; диванской кетипъ-Мустафа-ага; меншой казнодаръ — Кабинъ-ага; бей розмѣнной—Авелша Маметшинъ сынъ Сулешовъ. У Калги, ближней человѣкъ одинъ.

Ханскіе ближніе люди приказывали къ намъ съ приставомъ нашимъ, беемъ, не одножды, чтобъ къ шертной Хановѣ грамотѣ прислали мы на печать 30 золотыхъ червонныхъ, потому что де прежь сего на печать, золотые давали, Ц-го В-ва посланники. А въ наказѣ намъ написано, чтобъ въ томъ служба своя и радѣнье показать, и та статья отставить, а за то, дать тому, кому то дѣло належитъ, за работу хотя вдвое противъ того, толкобъ та статья впредъ была отставлена. И мы ему бею въ томъ отказали съ подивленіемъ на нихъ великимъ и говорили ему: стыдно вамъ ближнимъ людемъ о томъ упоминатца, и государю своему чинятъ безславіе! или

у ево Ханова В-ва столко золота нѣтъ, въ чемъ печать здѣлать? и въ томъ устояли и золота и подарковъ не дали. А печать золотую учинили они ближніе люди въ своемъ золотѣ. И ту статью мы, у нихъ ближнихъ людей уговорили, чтобъ и впредъ такой дачи Ц-го В-ва отъ посланниковъ не бывать. Намъ же, будучи въ Крыму, велѣно провѣдывать подлинно: отъ Полского Короля и отъ пановъ-рады, также и отъ Салтана Турского и отъ Волоского воеводы и Мултянского владѣтеля, къ Хану присылка бывалаль, и о какихъ дѣлахъ? И мы о тѣхъ помянутыхъ присылкахъ тайнымъ обычаемъ провѣдывали всячески; а слышали, что къ Полскому Королю и къ сенаторамъ отъ Хана посланы, до нашего пріѣзду, погодные казны, и съ тою де казною татаринъ въ Крымъ поворотился. Да отъ Волоского и Мултянского Господарей и отъ Юрашка Хмелницкого привозили годовыежъ подати,

ефимками и золотыми и сукнами и отласами и иными вещми; а дѣлъ и вѣстей никакихъ отъ нихъ не отозвалось. Намъ же, по грамотѣ Великого Государя, будучи въ Крыму велѣно, Его Великого Государя грамоты и всякіе писма, что остались послѣ подьячего Гаврила Михайлова, взять къ себѣ и привезть къ Москвѣ, въ Посольской Приказъ. И мы о тѣхъ помянутыхъ писмахъ переводчика Кутлумамета Устокасимова спрашивали, и будетъ тѣ писма у него, и онъ бы намъ отдалъ съ роспискою. И Кутлумаметъ сказалъ: тѣ де писма, послѣ Гаврила Михайлова лежатъ у него, а отдастъ де ихъ онъ Кутломаметъ самъ, въ Посолскомъ Приказѣ, какъ будетъ на Москвѣ.

А для великого Государя посолскихъ дѣлъ посланы были съ нами въ Крымъ: переводчикъ Ахметъ Шакуловъ, толмачъ Григорей Порываевъ; и они въ Крымѣ умерли. Съ намижъ, съ Посолского Приказу,

наряжены были подьячіе 2 человѣка; Розрядного—Иванъ Невѣровъ, Помѣстного Приказу,—Гаврило Малыгинъ. И тѣ подьячіе съ нами не поѣхали; а за чѣмъ они остались, того не вѣдомо. А былъ съ нами толко одинъ подьячей Леонтей Басмановъ, которой догналъ насъ въ дорогѣ. Да для береженья Великого Государя посольскихъ дѣлъ и ево Государевы раздаточные казны 6 человѣкъ Стрѣльцовъ, моево Васильева приказу денщики; и въ томъ числѣ умерло въ Крыму 3 человѣка: Бориска Ивановъ, Петрушка Савельевъ, Алешка Ивановъ; а живыхъ въ остаткѣ: Пашка Ѳедоровъ, Самошко Бухаръ, Микитка Бабарыка. Да по указужъ Великого Государя Его Ц-го В-ва Войска Запорожского Гетманъ Иванъ Самойловичь посылалъ съ нами, для тѣхъ же посолскихъ дѣлъ, отъ себя, канцеляриста своего, Прилуцкого полку писаря Семена Степанова сына Раковича, да съ нимъ 7 человѣковъ

казаковъ, Тимоѳея Ѳедорова съ товарыщи.

А какъ мы были въ Крымѣхъ, и Декабря противъ 7 числа, съ 1 часа ночи, явися звѣзда на небѣси, между полуденною и западною странами, простираючи лучи свои къ востоку, страннымъ видѣніемъ; и свѣтила того вечера до 7 часа ночи, и бысть тако по вся вечеры, Генваря до 17 числа. А отъ бусурмановъ о томъ знаменіи слышали мы, что значитъ та звѣзда. 1-е между нѣкоторыми великими Государи, покой на земли; 2-е лѣто благоплодное; 3-е во всѣхъ бусурманскихъ земляхъ упадокъ многой въ людѣхъ, отъ различныхъ морскихъ вѣтровъ и гнилыхъ водъ. Февраля 19, предъ полуднемъ слышали мы отъ восточные страны, изъ облака, стрѣлбу трижды, подобну пушечной великой стрѣльбѣ. А бусурманы намъ сказывали, что такая стрѣлба бываетъ у нихъ лѣтъ въ 10 и въ 15, и въ такіе де

знаменія бываетъ на нихъ народы различные упадки.

И Марта въ 9 день Крестопоклонные недѣли, въ среду, по утру рано помоляся Господу Богу и поклоняясь оружію его непобѣдимому на врага, Святому и Животносному Кресту, пустилися съ стану своего, съ Алмы рѣки, въ путь свой. Провожалъ насъ приставъ нашъ, бей розмѣнной Авелша-мурза-Сулешевъ, да Посолского Приказу переводчикъ Кутломаметъ Устокасимовъ которой живетъ въ Крымѣ 25 лѣтъ; и проводя версты съ 3, простились съ нами любезно. А для подорожного корму и береженья, по указу Ханова В-ва посланъ былъ съ нами до Перекопу, Посолского стану сторожъ, татаринъ Жумалей. И до Перекопу ѣхали тихо, дожидаючись Ханова Величества и Калги и Нурадына салтановъ пословъ ихъ. И Марта въ 15 день, не доѣхавъ до Перекопа верстъ за 10, доѣхали насъ помянутые послы Ха-

нова В-ва, Кеманъ-мурза-Сулешовъ, Калги салтана Халилъ-ага, Нурадына-салтана Умеръ-ага; людей съ ними всѣхъ 29 человѣкъ. И пришли съ нами въ Перекопъ, по полудни тогожъ числа. И Марта въ 16 день, по указу Ханова Величества, посолъ ево Кеманъ-мурза-Сулешевъ, въ Перекопѣ, у бея взялъ съ собою провожатыхъ 150 человѣкъ, и пошли съ нами степью. Тогожъ числа ночевали на степи, на урочищѣ, при водахъ Черной долины.

Марта 17 пришли о полудни на Днѣпръ, къ Турецкимъ каменнымъ городкамъ старого строенья: Шанъ-кермень, да Казыкермень, да нового строенья, послѣ Чигиринскія битвы съ Турками, на одномъ острову, отнимаючи Запорожскихъ казаковъ путь къ морю, одинъ городокъ на Конской косѣ, близь старого городка Шанъ-кермени, стрѣлбищахъ въ трехъ, а другой, близь старого городка Казы-кермени, противъ его

черезъ Днѣпръ. Устроены тѣ городки крѣпко, а въ нихъ по 5 башенъ; въѣзды и выѣзды одни, самымъ разумнымъ инженерскимъ строеніемъ; бойницы по стѣнамъ и по башнямъ учинены пушечные и мѣлкого ружья подошевные, подъ самой подъ и середніе и верхніе, и около ихъ рвы и противъ воротъ подъемные мосты на желѣзныхъ чепяхъ. А въ болшихъ подошевныхъ и середнихъ и верхнихъ бойницахъ поставлены вездѣ пушки; и для нашего приходу исъ тѣхъ городковъ была пушечня стрѣлба. Пѣхота въ нихъ посажена Турецкая, зъ женами и дѣтми, на вѣчное житье, и сторожа, въ тѣхъ городкахъ дневная и ночная, зѣло крѣпкая. Тогожъ числа, перевезшися Конскую косу, ночевали мы на Днѣпровскомъ острову между тѣми новыми городками зовомыми одинъ — Туганомъ, то есть ястребомъ, а другой — Хои-бурунъ, т. е. счастливой.

Марта въ 18 день, подъ помянутымъ новымъ городкомъ Тугаиомъ и подъ старымъ городкомъ Казы-керменемъ перевезлись за Днѣпръ, на Кіевскую сторону. А у старого городка Казы-кермени съ степи, отъ Кіевскіе стороны, принято къ тому городку новаго каменного строенія, округлостію болши старого городка, всякими крѣпостми устроенъ и пушечною и мѣлкою стрѣлбою многою вооруженъ. И пѣхота въ немъ потомуже положена на вѣчное житье, съ женами и зъ дѣтми. Тутъ бей Казы-керменской, которой по указу Салтана Турского учиненъ надъ всѣми помянутыми городками губернаторомъ, именемъ Янъ Муравскій, родомъ Литовской татаринъ, которые татаровя у Полшѣ зовутца Липками (*), принялъ насъ съ великою любовію и обослалъ насъ свѣ-

(*) Липскіе или Липканскіе Татары кочевали между рр. Прутомъ и Днѣстромъ, въ нынѣшнемъ Хотинскомъ уѣздѣ. См. Carte de la Pologne, par Rizzi Zannoni, 1772. Tab. 23.

жими, живыми осетрами и доволнымъ нашимъ и конскимъ кормомъ, и провожалъ насъ онъ, отъ Казы-кермени до стапу, верстъ съ 5, и простясь съ нами, оставилъ у насъ въ провожатыхъ брата своего родного Михаилу Муравского, да съ нимъ татаръ Казы-керменскихъ человѣкъ зъ 200, оружейныхъ и на добрыхъ конѣхъ; а велѣлъ насъ проводить до Запорожскихъ краевъ, до самой Сѣчи. И мы тому вышепомянутому бею, и брату ево, видя ихъ къ себѣ любовь, и въ перевозѣ чрезъ Днѣпръ скорую и многую помочь и береженье и учтивость, взаемно учинили имъ почесть и подарили ихъ соболми, и говорили имъ: чтобъ они межь Великими Государи, будучи на границѣ, осторожностію своею имѣли доброхотное и вѣрное служеніе и до ссоры-бъ обоихъ Государствъ народовъ, разумомъ и добрымъ своимъ расположеніемъ не допускали, и въ малыхъ межь народами заходящихъ ссорахъ,

которые они могутъ сами чрезъ свой разумъ успокоить, къ Салтану Турскому и къ Хану Крымскому не писали, а описывались бы въ тѣхъ ссорахъ прежде, для розыскапія и успокоенія Царского Величества, войска Запорожского къ Гетману къ Ивану Самойловичу, также и въ Сѣчю, къ Кошевому атаману къ Ивану Стягайлу, и тѣмъ бы показали къ Великому Государю къ Его Ц-му В-ву службу свою. И они во всемъ томъ, по своей мусулманской вѣрѣ, обѣщались въ правдѣ всякого добра спріятствовать и мирное постановленіе межъ Великими Государю хранить въ цѣлости.

Марта въ 21 день пришли мы къ Запорожью, не дошедъ до Сѣчи верстъ съ 10, на Базавлукъ рѣку. Тутъ насъ Запорожскіе казаки приняли съ радостію и перевезли насъ въ липахъ, на свою сторону, а беева брата съ провожатыми, Казы-карменскими татары, отпустили мы зъ берегу Базавлука

рѣки назадъ, у Казы-кермень. А мы зъ Базавлука рѣки пошли къ Сѣчѣ, и не дошедъ верстъ за 5, почевали на степи, милостію Божіею отъ всякого непріятеля безопасно; съ намижъ на томъ мѣстѣ ночевалъ Запорожской войсковой есаулъ съ казаками, въ неболшомъ числѣ людей, которой насъ по приказу Кошеваго атамана Ивана Стягайла встрѣтилъ и принялъ на Базавлукѣ рѣкѣ.

Марта въ 22-й день, предъ обѣдомъ, пришли мы въ Сѣчю, и стали мы подъ городомъ, въ лугахъ, и обослався съ Кошевымъ атаманомъ, поѣхали въ городъ Сѣчю, къ церкви Божіи помолитца. И какъ будемъ близъ городовыхъ воротъ, тутъ насъ встрѣтилъ Кошевой атаманъ Иванъ Стягайла съ казаками и принявъ насъ съ радостію и любовію и честію, пошелъ съ нами въ городъ къ церкви Божіи. А пришедъ въ церковь Покрова Пресвятые Богородицы, помо-

лились, и за Государское многолѣтное здравіе было соборное молебное пѣніе. И по молебномъ пѣніи Кошевой атаманъ взялъ насъ къ себѣ въ курень обѣдать, и при обѣдѣ спрашивалъ насъ о мирномъ постановленіи. И мы ему по достоинству, что належало, объявили и говорили ему, чтобъ онъ Великому Государю Его Ц-му В-ву служилъ вѣрно и войску будущему при немъ въ Запорогахъ, приказалъ накрѣпко, чтобъ съ сего нашего пріѣзду и по отъѣздѣ нашемъ изъ Сѣчи, съ Турскими и Крымскими пограничными татары пребывали въ мирѣ и тишинѣ и задоровъ и зацѣпокъ воинскихъ никакихъ не чинили. И онъ атаманъ говорилъ намъ, что онъ самъ своею особою и со всѣмъ войскомъ имѣющемъ на Запорожьѣ подъ своею властію, Великому Восударю Его Ц-му В-ву служитъ вѣрно, и впредь служити будетъ вѣрножъ, и постоянно и во всемъ повиноватися бу-

детъ указу Его Царского Величества и повелѣнію Гетмана войска Запорожского Ивана Самойловича. И слыша отъ насъ межь Государствъ о перемирномъ постановленіи въ войску Запорожскомъ пребывающемъ въ Сѣчѣ и на всемъ Запорожьѣ учинитъ заказъ накрѣпко, чтобъ съ Турскими и Крымскими людми пребывали въ мирѣ, и отъ сего числа задоровъ и зацѣпокъ воинскихъ не чинили. А о томъ мирномъ постановленіи онъ атаманъ и все войско, благодаря Господа Бога, зѣло радуютца. И по обѣдѣ и по розговорѣ своемъ, отпустилъ насъ на станъ съ честію. Марта въ 23 день, видѣвся съ атаманомъ и со всею ево старшиною и простяся съ ними, пошли мы отъ Сѣчи въ путь свой степью, къ Днѣпру, подъ Переволочной городъ; а къ Днѣпру пришли на перевозъ, Марта въ 26 день, и за Днѣпръ, на Московскую сторону перевезлись тогожъ числа, и ночевали подъ Переволочнымъ. А

отъ Переволочного до Батурина шли мы Малороссійскими городами, берегомъ, по Пселу рѣкѣ, на Соколку, на Кобылякъ, на Бѣлики, на два меншіе и болшіе Санжары, на Полтаву, на Опошню, на Зинковъ. А прошедъ Зинковъ, перевезлись за Пселъ рѣку. А на перевозѣ Псела рѣки, встрѣтилъ насъ войска Запорожского Гетмана Ивана Самойловича племянникъ родной, Гадяцкой полковникъ Михайло Васильевъ съ полкомъ своимъ, со многими знамены, конными и пѣшими людми и съ трубы и съ литавры и зъ барабаны, да особно для насъ была за ними корета, да два аргамака нарядныхъ. И принявъ насъ съ великою честію и славою, паче всѣхъ полковникомъ, отъ дяди своего отъ Гетмана Ивана Самойловича и отъ себя насъ поздравилъ съ любовію, а говорилъ намъ отъ Гетманского лица съ прошеніемъ, чтобъ мы заѣхали къ нему Гетману, въ Батуринъ, и Великого Госу-

даря посольское дѣло о мирныхъ договорѣхъ ему объявили, для того, по указу де Великого Государя о тѣхъ перемирныхъ договорѣхъ належитъ прежде всѣхъ вѣдать ему Гетману Ивану Самойловичу, для всякого на границахъ будущаго престерегательства. А къ себѣ въ домъ звалъ насъ, и Крымскихъ пословъ, хлѣба ѣсть. И мы говорили ему полковнику: хотя у насъ Великого Государя указу о заѣздѣ въ Батуринъ къ Гетману Ивану Самойловичу и нѣтъ, однакожъ мы, по ево полковничьимъ словамъ, прошенья Гетмана Ивана Самойловича ослушаться не смѣемъ, и въ Батуринъ къ нему заѣдемъ, и что належитъ, по достоинству чести его Гетманской и съ тѣхъ Великого Государя посолскихъ дѣлъ о перемирномъ постановленіи вѣдать, то ему объявимъ. А за ево полковничью къ намъ любовь и встрѣчалную учтивость, взаимно ему поздравляли и кланялись. По томъ, звалъ насъ, чтобъ

съ нимъ вмѣстѣ ѣхали вскорѣ, а буде не похочемъ вскорѣе ѣхать, и мы бы сѣли на ево простые нарядные лошади. И мы, поблагодаря ему за ево любовь, ѣхали съ нимъ въ городъ Гадячъ, на ево лошадяхъ. А какъ въ городъ пріѣхали, и у городовыхъ воротъ встрѣтилъ насъ Гадяцкіе соборные церкви протопопъ со кресты и со святою водою, со всѣмъ духовнымъ чиномъ, и мы цѣловавъ святый животворящій крестъ и принявъ отъ протопопа благословеніе, поѣхали прежде на подворьи свои, на которые самъ онъ полковникъ насъ препроводилъ и поставилъ, и роспустя войско поѣхалъ къ себѣ въ домъ. А потомъ, по присылкѣ ево полковничьѣ, были у него вмѣстѣ съ Крымскими послы на обѣдъ. Потчивалъ насъ съ великимъ удоволствомъ и учтивостью, и за здоровье Великого Государя Его Ц-го В-ва прежде, и послѣ за Салтана Турского и Хана Крымского пилъ,

и велѣлъ стрѣлять изо многихъ пушекъ. А насъ дарилъ: меня Василья — саблею, оправлена серебромъ золоченымъ; меня Никиту — черпилницею серебряною Турского дѣла; а Крымскимъ посломъ прислалъ дары на подворье. А какъ пошли изъ Гадяча, и онъ полковникъ потомужъ насъ съ полкомъ своимъ проводилъ съ честью. А изъ Гадяча шли на Ромну, на Смѣлую, на Корибутовъ. А въ тѣхъ вышепомянутыхъ всѣхъ Малороссійскихъ городѣхъ, на которые мы отъ Днѣпра шли, потомужъ встрѣчали насъ духовные чины со кресты и со святою водою, а полковники и сотники и ясаулы со многолюднымъ воинствомъ казацкимъ, вооружась на конѣхъ, зъ знамены и съ трубы и литавры, и сердюцкая пѣхота зъ знамены и зъ барабаны, а мѣщаня съ хлѣбомъ и солью и съ питьемъ; и принимали насъ вездѣ съ радостію, любовію и слезами, благодаря Всемогущаго Господа Бога о мирномъ

постановленіи; и по святымъ Божіимъ церквамъ, за Государское здравіе, повсюду пѣли молебны, и насъ кормили и поили съ великою учтивостью и съ любовію, со всякимъ удоволствомъ, и отъ города до города давали намъ и Крымскимъ посломъ кормы доволные и подводы, и провожали насъ зъ знаменыжъ и съ трубы и литавры. А какъ въ Корибутовъ пришли, и тутъ насъ встрѣтилъ отъ Гетмана Ивана Самойловича, надворной ево войсковой товарыщъ Михайло Вуехѣевичъ, и привитався съ нами отъ Гетмана Ивана Самойловича, насъ поздравилъ и звалъ насъ, чтобы мы ѣхали къ нему въ Батуринъ; а онъ де Гетманъ Иванъ Самойловичъ ожидаетъ насъ къ себѣ съ охотою, и изъ Батурина приказалъ насъ встрѣчать дѣтемъ своимъ гетманскимъ—Семену и Григорью Ивановичамъ, со всею генеральною старшиною войска Запорожского; и чтобъ мы шли къ Батурину не мѣшкавъ. И мы

поздравя ево Михаила взаемно, поѣхали съ нимъ вмѣстѣ къ Батурину.

Апрѣля въ 12 день, не дошедъ Батурина за 5 верстъ, встрѣтили насъ Гетмана Ивана Самойловича дѣти, Семенъ да Григорей Ивановичи, а съ ними генеральной ясаулъ Леонтей Полуботокъ и со всею генералною старшиною и со многими полковники и сотники и ясаулы, подъ значкомъ гетманскимъ и зъ знамены и съ трубы и съ литавры. Съѣхався съ нами, привитались и поцѣловались они и мы, по ихъ прошенію, не ссѣдаючи съ коней; и отъ отца своего и отъ себя насъ поздравили и звали насъ къ отцу своему хлѣба ѣсть. И мы имъ взаемно поздравя, ѣхали съ ними до Батурина вмѣстѣ. А въѣхавъ въ городъ, поѣхали они гетманичи къ отцу своему Ивану Самойловичу въ замокъ, а насъ поставили на указныхъ дворѣхъ. И послѣ того прислалъ Гетманъ Иванъ Самойловичъ къ намъ

на подворье генералного ясаула Леонтья Полуботка съ корѣтою, велѣлъ насъ къ себѣ звать, хлѣба ѣсть. И мы, убрався въ лутчее платье, сѣли съ нимъ Леонтьемъ въ гетманскую корѣту. А какъ въ замокъ пріѣхали, къ хоромному крылцу, и у корѣты встрѣчали насъ помянутые гетманскіе дѣти и генералные: судья и писарь и вся старшина и полковники. А въ сѣняхъ встрѣтилъ насъ самъ Гетманъ Иванъ Самойловичъ и привитався цѣловалъ насъ, обнявся съ нами отечески, съ великою любовію и радостными слезами. А вшедъ въ хоромы посадилъ насъ съ собою за столъ, и спрашивалъ о нашемъ здоровьи и поведеніи Крымского посолства, и сноболѣзнуя намъ о Крымскихъ нашихъ великихъ тѣснотахъ и нуждахъ, о которыхъ ему прежде нашего свиданія извѣстилъ писарь его, будущей съ нами, Семенъ Раковичъ, и за любовь нашу къ нему писарю и въ государ-

скихъ дѣлѣхъ за совѣтъ и тѣ поступки, зѣло намъ благодарилъ. Наипачежъ всего намъ благодарствовалъ и кланялся за то, что мы прошенья ево гетманского не ослушались, къ нему заѣхали, и тѣмъ своимъ заѣздомъ, честь ево Гетманскую въ Малороссійскихъ народѣхъ, прославили. Потомъ вопросилъ насъ о мирномъ межъ Великимъ Государемъ Его Ц-мъ В-мъ и Салтаномъ Турскимъ и Ханомъ Крымскимъ постановленіи. И мы ему Гетману Ивану Самойловичу, о чемъ надлежало вѣдать, извѣстили словесно. И Гетманъ Иванъ Самойловичъ, со всею на тотъ, часъ будущею при немъ генералною старшиною, воздавъ хвалу Господу Богу и благодаря Великого Государя Его Ц-го В-ва превысокую милость о тѣхъ перемирныхъ договорѣхъ, возрадовались зѣло, и за труды наши намъ по премногу благодарствовали. Потомъ, совѣтуя съ нами, послалъ къ себѣ звать обѣдать Крымскихъ пословъ, Кемана-

мурзу-Султшева съ товарыщи и со всѣми ихъ татары. А какъ послы пришли, и онъ ихъ посадилъ съ нами за однимъ столомъ, Кемана-мурзу между нами Васильемъ и Никитою, а Калги и Нурадына пословъ, посадилъ ниже насъ. Потомъ засѣли въ скамьѣ подлѣ Гетмана, Ц-го В-ва столникъ и полковникъ Максимъ Лупандинъ и вся генералная старшина и прочіе полковники въ лавкѣ и въ скамьѣ; а татаръ посолскихъ велѣлъ посадить одиихъ, за особнымъ столомъ. И было пиршество веліе и зѣло радостное. А нарядъ пушечной, передъ замкомъ весь къ стрѣлбѣ былъ изготовленъ, а въ замку передъ хоромы войсковая музыка, трубы и литавры были готовыжъ. И какъ пришло время за столомъ, пить прежде за здоровье Великого Государя Его Царского Величества, а послѣ за здоровье Салтана Турского и Хана Крымского, Гетманъ Иванъ Самойловичъ вставъ съ нами и со всѣми

предстоящими пили, и исъ пушекъ была стрѣлба великая, за каждого Государя порознь; а музыка войсковая играла во весь столъ. И послѣ обѣда, по доволномъ учрежденіи, отпустилъ насъ Гетманъ Иванъ Самойловичъ въ тоіі же своеіі корѣтѣ, и проводилъ насъ исъ сѣнеіі на крыльцо, а старшина до корѣты, а генеральноіі ясаулъ Леонтей Полуботокъ, до дворовъ нашихъ. А назавреѣ, по присылкѣ Гетмана Ивана Самойловича ѣли у негожъ, и назначенъ намъ отпускъ утрешнего дня; а къ Великому Государю о бытности нашей въ Батуринѣ, пошлетъ онъ листъ своіі. И Апрѣля въ 14 день по утру рано, обослався, пріѣхали мы въ замокъ къ Гетману Ивану Самойловичу, за сво жалованье, челомъ ударить и проститца. И онъ Гетманъ Иванъ Самойловичъ потомужъ насъ встрѣтилъ, и съ любовію принялъ и давъ намъ листъ своіі къ Великому Государю Его Ц-му

В-ву у отпуску упоминался намъ, чтобъ донести Великому Государю Его Ц-му В-ву, противъ прежняго его прошенія о Малороссійскихъ народѣхъ, прежде живущихъ въ за-Днѣпрскихъ городахъ и уѣздахъ и нынѣ живутъ въ Малороссійскихъ же городѣхъ и уѣздѣхъ на сей сторонѣ Днѣпра неимѣющи у себя не токмо домашнихъ или пашенныхъ заводовъ и иныхъ ни какихъ хлѣбопитательныхъ промысловъ, толко де ихъ кормитъ и во всемъ нужды ихъ призираетъ онъ Гетманъ, изъ своей Гетманской шкатулы. И чтобъ Великій Государь Его Ц-ое В-во пожаловалъ ихъ, изволилъ на нихъ своимъ Государскимъ милосердіемъ призрить и велѣлъ ихъ поселить въ Сумскихъ и Краснополскихъ и иныхъ Слободцкихъ угодьяхъ, на степныхъ рѣкахъ и дубровахъ. И всѣхъ тѣхъ Малороссійскихъ людей, которые обрѣтаютца подъ Бѣлогородцкимъ розрядомъ, вмѣсто за-Днѣпрскіе пу-

стые стороны, которая нынѣ по перемирнымъ договорамъ учинилась за Салтаномъ Турскимъ, пожаловалъ бы Великій Государь Его Царское В-во ево Гетмана, за многіе ево вѣрные и безпрестанные службы и за унятіе чести его обоихъ сторонъ Днѣпра, которая честь отъ него нынѣ отошла въ сторону Салтана Турского, указалъ быть тѣмъ всѣмъ народомъ быть во единствѣ, подъ его Гетманскою властію и булавою, и учинить бы то объ нихъ не замотчавъ, до тѣхъ мѣстъ, пока не пойдутъ тѣ народы самоволствомъ своимъ, по прежнему селитца за Днѣпръ. И о томъ Василей, къ Великому Государю къ Его Ц-му В-ву писалъ прежь сего какъ ѣдучи въ Крымъ былъ у него Гетмана и тѣ его розговоры, въ статейномъ моемъ спискѣ, послалъ изъ Батурина Посолского Приказу съ подьячимъ Никифоромъ Венюковымъ. А потомъ отпустилъ насъ, и простяся съ нами, поцѣловалъ насъ отечески со благо-

дареніемъ многимъ. Выѣхавъ изъ замка отъ Гетмана Ивана Самойловича, заѣхали мы проститца на дворъ къ столнику и полковнику Максиму Лупандину. И въ ту пору вскорѣ къ нему Максиму въ домъ прислалъ къ намъ Гетманъ Иванъ Самойловичъ ближняго своего человѣка, Мазепу, отъ себя зъ дарами: мнѣ Василью — саблю булатную, въ оправѣ серебряной золоченой; мнѣ Никитѣ — саблю булатную, въ оправѣ серебряной съ поясами шолковыми, безъ оправы. И мы принявъ тѣ дары, за ево Гетманское жалованіе били челомъ, и простясь съ Максимомъ поѣхали изъ Батурина тогожъ числа. А до перевозу до Семи рѣки, по приказу Гетмана Ивана Самойловича провожалъ насъ генеральной ясаулъ Леонтей Полуботокъ, а отъ Семи рѣки до Королевца провожалъ насъ зъ знаменемъ и съ сотнею, Батуринской сотникъ Ѳома Андреевъ.

А изъ Королевца шли мы на Глуховъ,

а изъ Глухова вышедъ ночевали, тогожъ Глуховского уѣзду, въ селѣ Есмани. Тутъ насъ встрѣтилъ посланной къ намъ съ Москвы, Посолского Приказу подьячей Микита Максимовъ и подалъ намъ Великого Государя двѣ грамоты, Апрѣля въ 17 день. А въ тѣхъ Великого Государя грамотахъ написано : велѣно намъ отписать Великого Государя въ посолскихъ дѣлѣхъ въ Крыму, что у насъ учинилось, и Турскіе или Крымскіе послы съ нами идутъ и кто имяны и какова чину люди; и многоль съ ними людей, и послыль или посланики, и котораго числа въ Сѣвескъ или въ Бѣлъгородъ тѣ послы будутъ. А отпустя подьячего, мнѣ Василью, со всѣми дѣлами ѣхать на-скоро къ Москвѣ, а мнѣ Никитѣ, быть у тѣхъ пословъ, и въ дорогѣ съ ними итить неспѣшно ; а вести ихъ изъ Сѣвска лѣсною дорогою, на Брянескъ, на Боровескъ, на Можаескъ, а изъ Можайска подъ Москву.

А безъ указу, подъ Москву, въ ближніе мѣста не подходить, и со всякого стану, для вѣдома писать съ нарочными посылщики, въ Посолской Приказъ. И по тѣмъ Великого Государя грамотамъ о єво государскихъ посолскихъ дѣлѣхъ, что у насъ въ Крыму учинилось, и о Крымскихъ послѣхъ о Кеманѣ-мурзѣ съ товарыщи, и о моровомъ въ Крымѣ будущемъ повѣтріѣ, также и о бытности нашей у Гетмана Ивана Самойловича, и кому имянемъ у Крымскихъ пословъ изъ Сѣвска, по приказу боярина и воеводы князь Василья Васильевича Голицына велѣно быть въ приставѣхъ, и сколкимъ человѣкомъ провожатыхъ, и для чего у тѣхъ Крымскихъ пословъ мнѣ Никитѣ по євожъ боярскому приказу быть не велѣно, а велѣно намъ ѣхать къ Москвѣ вмѣстѣ; и о томъ о всемъ къ Великому Государю бояринъ и воевода князь В. В. Голицынъ и мы писали, Посолского При-

казу съ подьячимъ съ Никитою Максимовымъ, да столника и полковника Максимова приказу Лупандина стрѣлцомъ съ Корнюшкою Туревымъ, Апрѣля въ 18 день, да въ 20 числѣхъ.

Апрѣля въ 25 день, Великого Государя въ грамотѣ, какова ко мнѣ Василью прислана Посолского Приказу съ подьячимъ съ Прокофьемъ Возницынымъ, написано: велѣно мнѣ Василью о всемъ ему Прокофью, что у насъ въ Крыму Великого Государя въ дѣлехъ учинено, сказать подлинно, и Салтана Турского и Крымского Хана шертные грамоты перевесть чрезъ огонь (*) не сходясь съ нимъ Прокофьемъ; а учиня о всемъ, ѣхать мнѣ со всѣми людми, кото-

(*) Въ охраненіе отъ внесенія чумной заразы во внутрь Россіи, въ Царевѣ Борисовѣ была учреждена оберегательная застава, гдѣ проѣзжіе останавливались и окуривали имущество, а посланники свои бумаги, старые сожигали, а новописанныя, чрезъ окурку, передавали на другую сторону.

рымъ при мнѣ быть указано, въ Тулскую или въ Веневскую свою деревню. И по тому Великого Государя указу, мы Василей и Никита о всемъ учинили, и съ его Великого Государя дѣлами подьячего Прокофья Возницына отпустили Апрѣля въ 27 числѣ. А изъ грамотъ Салтана Турского и Хана Крымского, по переводу Посолского Приказу переводчиковъ Костянтина Христофорова да Дмитрея Асанова, переводы, съ нимъ Прокофьемъ посланы таковы.

Переводъ съ Хановой шертной грамоты, какову далъ Муратъ-Гирей-Ханъ посланникомъ столнику Василью Тяпкину, да дьяку Никитѣ Зотову.

Въ началѣ написано золотомъ: Богъ правый. Ниже того написано золотомъ, съ красками съ лазоревою и красною узоръ великой словами, а въ немъ: слово наше Муратъ-Гирея-Ханово. Потомъ:—Божіею милостію Великіе Орды, Великого Юрта Крым-

скаго престола, Кипчацкіе степи многихъ Татаровъ и безчетныхъ Нагаевъ, правой и лѣвой страны несчетныхъ темъ Татовъ и Тевкѣсовъ и междугорскихъ Черкесовъ Государь, высокоимянитый Ханъ, благодатный, славнѣйшій, сильнѣйшій и дерзновеннѣйшій, Мы Великій Муратъ-Гирей-Ханъ, сый во благодати въ настоящихъ временахъ отъ нашего Величества. Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Государю Царю, между Востока и Запада многихъ Христіанскихъ народовъ Самодержцу и Повелителю, брату нашему, Великому Князю Ѳеодору Алексѣевичу, Вашему Величеству съ любовію много, много поздравленіе посылаемъ и со сладостію о здравіи вашемъ спрашиваемъ, воздравіи ли пребываете. Послѣ поздравленіяжъ вѣдомо чинимъ, что нашего Ханова Величества писаніе вины се-есть. Послы ваши, столникъ и полковникъ и намѣстникъ Переславской Василей Михайловичъ Тяпкинъ, да дьякъ

Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ посланы о мирномъ постановленіи и тишины между двухъ государствъ, дабы народъ живущихъ тѣхъ двухъ государствъ жили въ тишинѣ, въ покоѣ безмятежно, и что они послы ваши о томъ миру говорили. И тѣ ихъ слова, всѣ намъ учинилися годны, и приняли есмы, и противъ тѣхъ словъ ихъ, что миру быть между двухъ государствъ, съ сю за золотовислою печатію, шертную грамоту нашу послали есмы, въ которой грамотѣ о миру говоренные и обѣщанные рѣчи поминаемъ. Отъ пророка нашего, обоихъ свѣтовъ солнца, всѣхъ пророковъ послѣднѣйшаго, и во второмъ пришествіи милостивѣйшаго посредника и заступника и любезнѣйшаго Божія посланного, Магомета Мустафы, пресселенія ево лѣта 1091 года Генваря 3 дня, до двадесяти лѣтъ дружбѣ и мирному постановленію тверду быти. Границѣ быть рѣкѣ Днѣпру, договорились;

а по сю сторону Днѣпра, всеславный, святый Мекки и святый свѣтлосіяюще Медынского, Бѣломорского и Черноморского Государя, славнѣйшего и страшнаго Побѣдителя, Салтанова Величества, быти подъ властію. А Кіевъ, изстари съ приналежащими къ нему городками разоренными, Василковъ, Триполье и Стайки, и отъ Кіева до Запорожья и за пороги, нашимъ же на Днѣпрѣ, по обоихъ сторонъ городовъ и городковъ не дѣлать; да за прошлые на три года, казна наша безъ убавки къ намъ прислать; и впредъ отъ нынѣшнего 1091 года казну нашу, противъ росписей на розмѣнномъ мѣстѣ отдавать. Да братьямъ нашимъ Калгѣ-салтану и Нурадынѣ-салтану и дѣтемъ нашимъ, салтаномъ и дочерямъ и женамъ и скопцамъ и карачеемъ и ближнимъ людемъ и дѣтемъ нашимъ и внутреннымъ отрочатомъ нашимъ всѣмъ, которымъ прежде сего что бывало, посылати, какъ въ ро-

списи написано, всѣ тѣ присылки и впредъ посылать же безъ убавки. И какъ то все прислано будетъ, мы недругу вашему недруги будемъ а другу вашему други будемъ, и въ твердомъ соединеніи съ вами будемъ, и братья наши Калга и Нурадынъ салтаны и дѣти наши и племянники и внучата и родъ нашъ и всѣ Крымского юрта нашего люди, Нагайскіе мурзы, Бѣлогородцкіе татары, Темрюцкіе Черкесы и вси подъ властію нашею сущіе мурзы и весь народъ нашъ. Такожде и счастливѣйшій, дерзновеннѣйшій, страшнѣйшій Салтаново Величество, на государство ваше и на Украинные городы ваши, противъ сей шертной грамоты нашей, на земли и на городы ваши и на села войною не ходить, и ни какимъ образомъ лиха не мыслить и не чинить; а буде вышепомянутые подвластные наши люди, кто ни есть, войною на городы и на земли ваши пойдетъ воевать, и мы та-

кихъ людей будемъ крѣпко стеречь и розыскивать, и поймавъ, смертію будемъ казнить, и взятое все назадъ отдать. А Василья Борисовича Шереметева и столника Андрея, наше Величество на окупъ послать на розмѣнное мѣсто, а розмѣнъ быть блиско города Переволочни; и впредъ будущихъ годѣхъ казну нашу (*) привозить и отдавать на томъ мѣстѣ, гдѣ розмѣна будетъ. А пословъ нашихъ посылать противъ прежнего, и Калгиныхъ и Нурадыновыхъ пословъ 5 человѣкъ, а людей съ ними 20 человѣкъ; а гонцовъ посылать по 3 человѣка, а людей съ ними 12 человѣкъ, а болши того не посылать ни одного человѣка (**). А буде торговые люди наши съ товаромъ, во благодатной Великой Юртъ Крымской и

(*) См. о Россіи, въ царствованіе Алексія Михайловича, современное сочиненіе Григорья Котошихина. С.-Петербургъ, 1840. стр. 45,37.

(**) О пріемѣ въ Москвѣ Крымскихъ пословъ, см. у Котошихина, стр. 54,17.

къ золотому престолу нашему пріѣдутъ; и намъ никакова насильства и убытка не учинитъ; и ничего у нихъ восхищеніемъ не взять, и обиды и безчестья никакого и не учинитъ; а какъ они пріѣдутъ въ той благодатной Юртъ нашъ и къ золотому престолу, безденежно у нихъ ни чего не имать; и Крымского Юрта братьямъ нашимъ Калгѣ и Нурадыну салтаномъ, и дѣтемъ нашимъ. И Крымскимъ пяти родомъ честнымъ, и карачеемъ и беемъ и мурзамъ и Бѣлогородцкимъ татаромъ и Темрюцкимъ черкесомъ и безчтнымъ татаромъ и несмѣтнымъ Нагаемъ, и всѣмъ подъ властію нашею сущимъ народомъ, на городы и на государство и на земли ваши, войною не ходить, и ни какова худа не чинить; толко отъ васъ какой худобы не былобъ; а подъ нашимъ повелѣніемъ сущіе отъ людей, въ томъ, что худобы небыть и на ваши городы и на земли войною не ходить и убыт-

ковъ не учинитъ. А буде непослушаніемъ кто войною пойдетъ и худобу и убытокъ учинитъ, и тѣхъ стеречъ на-крѣпко, и поймавъ казнить смертью. Въ томъ, по мусулманскому нашему закону, на куранѣ, заклиналися есмы; въ томъ же и шертную грамоту за золотовислою печатью писавъ дали есмы. Писана въ золотопрестолномъ мѣстѣ нашемъ въ Бакчисараѣ въ 1091 году Генваря въ 3-й день. Внизу печать черилы, а въ ней написано: рабъ Божій Муратъ-Гирей-Ханъ: у тойжъ грамоты привѣшена на снурку печать золотая, а на ней вылито на одной сторонѣ: Богъ единъ есть Богъ, а Магометъ посланникъ Божій! На другой сторонѣ вырѣзано: Салтанъ Салтановъ сынъ, Салтанъ храброй Муратъ-Гирей-Ханъ, Мубарекъ-Гирей Салтановъ сынъ, Мубарекъ-Гирей-Салтанъ, Селаметъ-Гирей-Хановъ сынъ. — На срлыкѣ написано: отъ нашего Ханова Величе-

ства, къ брату нашему Великому Государю, Князю Өеодору Алексѣевичу, къ Его Величеству, посланная шертная грамота.

Переводъ съ Турского писма, съ везирева листа, каковъ далъ посланникомъ столнику Василью Тяпкину да дьяку Никитѣ Зотову въ Крыму Муратъ-Гирей-Ханъ. — На верху написано золотомъ, узоръ словами: Мустафа-паша. Подлѣ его, печать чернилами, а въ ней: рабъ Божіій Мустафа. Подлѣ печати золотомъ же подлинно: Вина сего писанія и выбранные словеса и строки писаны для вѣрности, се-есть. Настоящего нынѣшняго время Государь и во царѣхъ избранный сый Мекіиській и свѣтосіяющій Мединскій и святаго Іеросалима, Бѣломорскій и Черноморскій, Восточный и Западный, и тамошнихъ градовъ и земель и всѣхъ семи странъ Государь, и надъ цари царь, сый высокопрестольнѣйшій, благополучнѣйшій, свѣтлѣйшій и сильнѣйшій, хваль-

нѣйшій и страшнѣйшій государь нашъ, Салтанъ Салтановъ сынъ, царь царевъ сынъ, Салтанъ Магометъ-Ханъ, Салтанъ Ибрагимъ Хановъ сынъ, егоже да сохранитъ Богъ въ величествѣ и въ дерзновеніи на-многіе и безконечные лѣта! Къ его преславному порогу, величайшій и высочайшій, мудроразумнѣйшій, Джингизъ-Хановы породы пречестнѣйшій и прехвалнѣйшій братъ нашъ Муратъ-Гирей, Ханово Величество, послалъ человѣка своего, яко намѣстникъ страны Салтанова Величества, извѣщая, что благосчатливѣйшій Государь христіанского народа и страшнѣйшій въ государѣхъ и правитель многихъ государствъ и земель христіанскихъ, Московскій Царь, Русского народа облаадатель Ѳеодоръ Алексѣевичъ, егоже да сохранитъ Богъ во благополучіи нынѣ и во вѣки! желая нѣкоторыя ссоры и войны, что между ихъ великихъ государей были, и въ тишину возвратить, дабы люди

Божіи жили въ покоѣ и въ тишинѣ, пославъ своихъ Царского Величества добрыхъ и честныхъ пословъ Василья Михайловича Тяпкина, столника и полковника и Переславского намѣстника, да дьяка Никиту Моисеевича сына Зотова. И тѣ послы бывъ въ Крыму, съ Ханомъ о дружбѣ и о миру говорили, какъ имъ приказано съ стороны Государя своего; и въ томъ договорѣ послы дали запись, и Ханъ о той записи Салтанову Величеству извѣстилъ, и чтобъ и съ стороны Салтанова Величества запись къ нимъ прислать, о томъ писалъ. И мы то дѣло и запись Салтанову Величеству доносивши, что въ той записи написано о миру постановленіе и о всѣхъ дѣлахъ приняли есть; и для укрѣпленія и твердого постановленія тѣхъ всѣхъ дѣлъ, по намѣстническому извычаю нашему, противъ той ихъ записи, сіе письмо печатью своею и зъ золотымъ узломъ, вмѣсто записи, дали есмы,

въ которой объявляемъ. Отъ пророка нашего, обоихъ свѣтовъ солнца, послѣднѣйшаго всѣхъ пророковъ, посредника и заступника во второмъ пришествіи, любезнѣйшего посланника Божія Магомета Мустафы, въ лѣто 1091 года Генваря въ 3 день, миръ учиненъ на двадцат лѣтъ. Между обоихъ государствъ границѣ быть Днѣпру; и по сю сторону Днѣпра быти величайшаго и дерзновеннѣйшаго и страшнѣйшаго государя нашего Салтанова Величества подъ властію. А Кіевъ городъ и съ принадлежащими ево изстари предѣлами и городками, разоренные городки Васильковъ, Триполье, Стайки, Кіевская старая граница, подъ Его Царскою державою быти; и отъ Кіева до Запорожья, по обѣ стороны Днѣпра городовъ и городковъ не дѣлать. Аще же Богъ изволитъ для сего доброго мирного постановленія, величайшій, пресильнѣйшій государь нашъ, надъ цари царь, въ настоящихъ

временахъ преславнѣйшій, какъ Московского Государя избранный посолъ зъ грамотою пріѣдетъ, тогда противъ сей записи отдастся ему шертная грамота. Писана мѣсяца Могарема 22 день, 1092 году, во Андреанополѣ. — На ерлыкѣ написано; отъ высокомѣстной стороны запись, которая имѣетъ отдаться на Москвѣ; да переводъ на латынскомъ языкѣ тутже.

Мая въ 25 день, за вышеписанную нашу, въ семъ статейномъ спискѣ, посолскую службу, что за помощію Всевышнего Бога и за святою молитвою и счастьемъ Великого Государя Его Ц-го В-ва, нарушенное съ прежними послацники дѣло, будучи мы въ Крымѣ, въ десяти отвѣтахъ съ самимъ Муратъ-Гиреевымъ Хановымъ Величествомъ, исправили и учинили межъ Великими Государи, Царскимъ Величествомъ и Салтаномъ Турскимъ и Ханомъ Крымскимъ миръ на 20 лѣтъ, безъ всякихъ обѣщательныхъ и

запросныхъ убытковъ, что указано было дать на 35,000 тысячь, прислана къ намъ Великого Государя Его Царского Величества милостивая грамота, а въ ней пишетъ. — Отъ Царя и Великого Князя Өеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца посланникомъ нашимъ стольнику и полковнику и намѣстнику Переславскому Василью Михайловичу Тяпкину да дьяку Микитѣ Зотову. Писали вы къ намъ Великому Государю, что по нашему Великого Государя указу, будучи вы въ Крыму, учинили съ Муратъ-Гиреемъ-Ханомъ о миру договоръ, и о томъ намъ Великому Государю по отпискамъ вашимъ и по переводамъ къ шертной грамоты извѣстно; и мы Великій Государь, за тое вашу службу жалуемъ, милостиво похваляемъ. И какъ ся наша Великого Государя грамота придетъ, и вы-бъ, по прежнимъ нашимъ В-го Г-ря грамотамъ, съ Крымскими послы въ Ца-

ревъ-Борисовъ шли безъ всякого мотчанія, потому, что тотъ путь къ Борисову-городку къ продолженію не належитъ; а къ Москвѣ были съ ними на указное Мая 20 число нынѣшняго 189 году. Писанъ на Москвѣ, лѣта $\frac{7189}{1681}$, Мая въ 23 день. — И мы принявъ Его Государскую милостивую грамоту, воздали Господу Богу Всемогущему, съ радостными слезами веліе благодареніе, и отпѣвъ за его Государское здравіе молебенъ, писали къ нему Великому Государю Его Ц-му В-ву и за его Государскую неизреченную къ намъ, холопемъ его, милость, били челомъ. А что въ той Великого Государя грамотѣ написано: велѣно намъ съ Крымскими послы быть къ Москвѣ, на указное Мая 20 число; а писана та В-го Г-ря грамота на Москвѣ, Мая въ 23-й день, и мы разумѣваючи въ томъ числѣ, справчего подьячего Максима Бурцова неосторожность и простоту, за прежнимъ

Великого Государя указомъ, въ Маѣ мѣсяцѣ ѣхать не смѣли, потому, что прежней Великого Государя указъ велѣно намъ быть къ Москвѣ Іюня въ 20 день, а не въ Маѣ мѣсяцѣ.

И Іюня въ 3 день, по указу Великого Государя Его Ц-го В-ва пріѣзжалъ къ намъ въ Царевъ-Борисовъ городокъ, Посолского Приказу дьякъ Борисъ Михайловъ, объявилъ намъ Великого Государя Его Ц-го В-ва милость и обнадеживалъ насъ за нашу службу Его Государскимъ взыскателнымъ жалованьемъ, и чтобъ въ задержаньѣ своемъ для опасенія мороваго повѣтрія не оскорблялись. И мы, за превысокую и неизреченную Великого Государя Его Ц-го В-ва милость, били челомъ; а потомъ говорилъ съ нами о государскихъ дѣлѣхъ о которыхъ ему было наказано, и съ Крымскими послы съ Кеманомъ-мурзою-Сулешевымъ съ товарыщи, онъ Борисъ видѣлся. И о чемъ

ему было къ помянутымъ посломъ наказано, то имъ говорилъ; и о всемъ томъ онъ Борисъ учиня по указу В-го Г-ря, поѣхалъ изъ Борисова къ Москвѣ, Іюня въ 4 день. А которые Великого Государя Его Царского Величества грамоты присланы къ намъ съ подьячими и съ толмачи, въ розныхъ числѣхъ, и тѣхъ ево Государскихъ грамотъ въ сей статейной списокъ не внесено для того, что противъ тѣхъ всѣхъ ево Государскихъ грамотъ, отъ насъ посланниковъ, въ Посолской приказъ писано.

А сей списокъ закрѣпилъ я Никита, съ обчаго совѣта болшого своего товарыща столника Василья Тяпкина (*).

И $\frac{190}{1682}$ году Декабря въ 25 день, посланники были Великого Государя, у руки.

(*) Собственноручная подпись Никиты Моисеевича Зотова.

А Декабря въ 27 день, по указу Великого Государя подлинной статейной списокъ, каковъ противъ сего списка въ Посолскомъ Приказѣ велѣно дьяку Никитѣ Зотову закрѣпить, и дьякъ Никита Зотовъ, тотъ статейной списокъ закрѣпилъ тогожъ числа. И Великого Государя казнѣ (*) расходные книги, въ Посолскомъ приказѣ поданы, а въ пріемѣ тѣхъ книгъ росписался на списку, Посолского Приказу подьячей Козма Нефимоновъ.

(*) Государевой казны, т. е. соболей, для подарковъ, было отпущено цѣною на 2,300 рублей; сверхъ того Тяпкинъ и Зотовъ изъ собственныхъ издержекъ израсходовали на 230 рублей. Всего же подарковъ: Хану, Калгѣ, Нурадыну и прочимъ Крымскимъ должностнымъ лицамъ употреблявшимся при договорахъ о границѣ, роздано на 2,530 тогдашнихъ рублей серебромъ; въ томъ числѣ Хану поднесено соболей на 1606 рублей.